

ПРОЛЕТАРИИ ВСѢХЪ СТРАНЪ, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Rabotnik

РАБОТНИКЪ

№ № 1 и 2.

НЕПЕРИОДИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

no. 1-2

Съ портретомъ Фридриха Энгельса.

Издание „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“.

ЖЕНЕВА

Типографія „Союза Русскихъ Соціалъдемократовъ“.

1896

О Г Л А В Л Е Н І Е .

Отъ издателей. — Г. Плеханова. v

Отдѣлъ первый.

Цѣли и средства всемірной демократіи. — П. Аксельрода.	1
Машина. — Д. Кольцова.	53
Фридрихъ Энгельсъ.	69

Отдѣлъ второй.

10-15-14

Царское правительство и рабочіе. — Д. К.	1
Сергій Михайловичъ Кравчинскій (Степнякъ). — В. Засуличъ.	45
Эпизоды изъ жизни рабочихъ Зап. Евр. въ 1895 г.	57

Вѣсти изъ Россіи.

О духоборцахъ.	73
Стачка ткачей на фабрикѣ Ив.-Воз. Мануфактуры.	75
Ко всѣмъ напиросницамъ.	80
Еврейскіе рабочіе противъ еврейск. капиталистовъ.	81
Хроника революціонной борьбы.	88
Адресъ московскихъ рабочихъ	100
Адресъ петербургскихъ рабочихъ	104
Воззваніе „Союза Русскихъ Соціалдемократовъ“ .	106
Заявленіе Группы „Освобожденіе Труда“	109
Отчеты	110

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Лѣтъ около десяти тому назадъ друзья и почитатели Г. И. Успенскаго праздновали двадцатипятилѣтіе его литературной дѣятельности. Г. И. Успенскій былъ очень любимъ передовою частью русской читающей публики. Неудивительно, поэтому, что онъ получилъ съ разныхъ сторонъ много горячихъ поздравленій. Но между этими поздравленіями было одно, которое, навѣрное, удивило очень и очень многихъ людей изъ „интеллигенціи“: оно пришло отъ *кружка петербургскихъ рабочихъ*. Это не могло не показаться удивительнымъ. Наши народники очень „сочувствуютъ“ рабочимъ, они „твердо вѣрятъ въ народъ“, но они до сихъ поръ смотрятъ на русскій рабочій классъ какъ на ребенка, котораго, правда, надо учить старательно и какъ можно больше, но отъ котораго нельзя ожидать почти ничего ни теперь, ни въ ближайшемъ будущемъ.

А между тѣмъ рабочій классъ есть именно та сила, которая одна только и можетъ двинуть впередъ Россію, которая одна только и способна положить конецъ торжествующему теперь у насъ застою. До тѣхъ поръ, пока эта сила не придетъ

въ дѣйствіе, останутся безплодными всё, иногда по истинѣ героическія попытки нашей интеллигенціи добиться свободы.

И эта сила уже начинаетъ приходить въ дѣйствіе. Въ продолженіе царствованія Александра III ни въ одномъ изъ нашихъ общественныхъ классовъ не происходило такой живой работы мысли, ни одинъ изъ нихъ не обнаружилъ такой огромной жажды знанія, такого лихорадочнаго стремленія къ свѣту, какъ именно рабочій классъ. Восемьдесятые годы не безъ основанія считаются у насъ очень печальной эпохой въ исторіи „интеллигенціи“. Слово „восьмидесятникъ“ стало почти браннымъ словомъ, означающимъ молодого человѣка, чуждаго всякихъ широкихъ умственныхъ интересовъ, всякой серьезной мысли объ общемъ благѣ, думающемъ только о личной пользѣ, о собственномъ житейскомъ благополучіи. Восемьдесятые годы были временемъ упадка нашей „интеллигенціи“. Но эти же годы были временемъ умственнаго подъема русскаго народа и, прежде всего, передового отряда этого народа, нашихъ промышленныхъ рабочихъ. Одного этого довольно, чтобы ободрить всёхъ истинныхъ друзей народа и показать имъ, что ихъ дѣло теперь гораздо ближе къ своему торжеству, чѣмъ оно было когда нибудь прежде.

Русскій рабочій классъ лихорадочно стремится

къ знанію. Но рабочій — не студентъ, который можетъ цѣликомъ отдаться книгамъ. Чтобы жить и учиться, рабочему надо имѣть заработокъ, а чтобы имѣть заработокъ, ему надо *продать* свою рабочую силу „хозяйну“ — фабриканту или вообще предпринимателю. Чѣмъ менѣе развитъ рабочій классъ, тѣмъ хуже онъ понимаетъ свои интересы, тѣмъ покорнѣ несетъ онъ то ярмо, которое надѣваетъ на него „хозяинъ“. И наоборотъ. Чѣмъ сильнѣе начинаетъ шевелиться мысль рабочаго, чѣмъ больше свѣта попадаетъ въ его голову, тѣмъ лучше понимаетъ онъ свое положеніе, а чѣмъ лучше понимаетъ онъ свое положеніе, тѣмъ энергичнѣе возстаетъ онъ противъ хозяйскихъ прижимокъ, тѣмъ чаще пытается онъ сбросить хозяйское иго. Вотъ почему вмѣстѣ съ ростомъ сознанія рабочаго класса растетъ также и число стачекъ и вообще всякаго рода столкновеній рабочихъ съ предпринимателями. Всякій новый шагъ на пути умственнаго развитія рабочихъ сопровождается новымъ нападеніемъ ихъ на царство капиталистической эксплуатаціи.

Многочисленныя стачки прошлаго года показали, что нашъ рабочій классъ не составляетъ и въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила, что его умственное пробужденіе означаетъ и у насъ начало великой, освободительной, *революціонной*

борьбы съ капитализмомъ, борьбы, которая уже давно ведется на Западѣ и которая освѣжить, наконецъ, нашу общественную жизнь, какъ освѣжаетъ гроза застоявшійся воздухъ.

Борьба съ эксплуататорами, неизбежно сопровождающая умственное пробужденіе рабочаго класса, въ свою очередь является новымъ источникомъ его умственного и нравственного развитія. Она лучше всякой книги выясняетъ рабочимъ, въ чемъ заключаются ихъ интересы и до какой степени эти интересы противоположны хозяйскимъ интересамъ. Она показываетъ имъ, что они *не добьются ничего, пока будутъ действовать въ одиночку, что они непременно должны поддерживать другъ друга, если не хотятъ быть побѣждаемы на каждомъ шагу, что для торжества надъ темной силой капитала нужно сознательное объединеніе трудящихся.* Она является лучшей школой, какую только можно придумать для рабочихъ.

Эта школа чрезвычайно быстро расширяетъ взгляды рабочаго. Притѣняемый кулакомъ или помещикомъ (часто это одно и то же), угнетаемый безвыходной нуждою, крестьянинъ твердо надѣется на царя. Онъ вѣритъ, что вотъ-вотъ, не сегодня такъ завтра, царь пойметъ, наконецъ, какъ тяжело живетъ крестьянину и явится къ нему на помощь. Разуменьется, эта надежда остается и всегда оста-

нется напрасной: „батюшка-царь“ ровно ничего не дѣлаетъ и не можетъ сдѣлать для своихъ „дѣтүшекъ“. Но крестьянину очень трудно убѣдиться въ этомъ. Въ своей деревнѣ онъ какъ бы отрѣзанъ отъ всего остального міра. Онъ знаетъ только свое поле, свой сельскій сходъ, свое волостное правленіе, да еще сосѣдняго „барина“. Ему совершенно неизвѣстна дѣйствительная роль царя въ нашей общественной жизни. Рабочій находится совсѣмъ въ другомъ положеніи. Если онъ и приноситъ съ собою на фабрику свои деревенскіе предрасудки, то сама жизнь скоро разбиваетъ здѣсь эти предрасудки. Иногда достаточно одной стачки, чтобы показать рабочимъ, до чего нелѣпо видѣть въ царѣ защитника народныхъ интересовъ. Ярославская стачка прошлаго года послужила, какъ извѣстно, поводомъ для *кровопролитія*. Напавъ на безоружныхъ рабочихъ, царскіе солдаты положили на мѣстѣ нѣсколько человекъ. Эта блестящая побѣда надъ „непріателемъ“ такъ обрадовала царя Николая II, что онъ поспѣшилъ послать свое *царское спасибо* *молодцамъ-фанагорійцамъ* (т. е. фанагорійскому полку, стрѣлявшему въ рабочихъ). Тутъ ужъ никакія сомнѣнія невозможны; тутъ уже и слѣпой видить, что царь стоитъ не на сторонѣ народа, и мы увѣрены, что многіе и многіе изъ ярославскихъ, — да и не только ярослав-

скихъ, — рабочихъ съ неподдѣльнымъ чувствомъ повторили бы (если бы знали ихъ) энергичныя слова нѣмецкаго поэта Гейне:

Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ,
 Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ;
 Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ,
 „Стрѣлять по собакамъ“ — онъ отдалъ при-
 казъ...*)

Умственное пробужденіе рабочихъ, неизбежно ведущее ихъ къ борьбѣ съ предпринимателями, т. е. къ борьбѣ *на экономической почвѣ*, такъ же неизбежно приводитъ ихъ къ столкновениямъ съ нынѣшнимъ царскимъ правительствомъ, т. е. къ борьбѣ *за политическую свободу*. Царская полиція всегда является и будетъ являться самымъ неизмѣннымъ и самымъ надежнымъ союзникомъ фабрикантовъ. Какъ ни тяжелы тѣ опыты, которые приходится переживать рабочимъ, они, въ послѣднемъ счетѣ, чрезвычайно благотѣльны, потому что они развиваютъ *политическій смыслъ* трудящейся массы, и на мѣсто забытыхъ *обывателей-рабовъ*, покорно подставляющихъ свою спину подъ царскіе, хозяйскіе и полицейскіе удары, ставятъ *гражданъ*, сознающихъ свое достоинство человѣка и умѣющихъ сознательно бороться за свое освобожденіе.

*) Изъ стихотворенія „Ткачи“, написаннаго въ сороковыхъ годахъ послѣ кроваваго усмиренія ткачей въ Силезіи.

Борьба за политическое освобожденіе Россіи ведётся не со вчерашняго дня. Издавна уже были въ ней люди, всей душой ненавидѣвшіе деспотизмъ и горячо преданные дѣлу свободы. Но благородныя усилія этихъ людей оставались напрасными, потому что *народъ не поддерживалъ ихъ*. Темный и невѣжественный, забитый и обманутый, онъ не только равнодушно смотрѣлъ на гибель своихъ защитниковъ, но часто радовался ей, считая враговъ *царскаго деспотизма* врагами *народнаго освобожденія*. Дѣло свободы не можетъ торжествовать до тѣхъ поръ, пока ему не сочувствуетъ народная масса. И если бы русскій народъ неспособенъ былъ отдѣлаться отъ своего рокового заблужденія, то надо было бы признать, что Россіи суждено остаться страной вѣчнаго рабства. Но то движеніе, которое теперь уже происходитъ въ русской рабочей средѣ, то движеніе, которое, только что начавшись, такъ сильно пугаетъ царскихъ чиновниковъ и заставляетъ ихъ умножать и безъ того безчисленную армію шпионовъ, это рабочее, это *народное* движеніе ручается намъ за то, что и нашъ народъ способенъ понимать свои интересы, что и мы, русскіе, не пасынки исторіи, что и у насъ взойдетъ, наконецъ, солнце свободы.

Г. И. Успенскій, по поводу упомянутаго выше

письма къ нему отъ кружка петербургскихъ рабочихъ, поздравилъ русскихъ писателей съ *новымъ, грядущимъ читателемъ*.

Мы, радостно привѣтствуя начало рабочаго движенія въ Россіи, поздравляемъ всѣхъ враговъ деспотизма съ *новымъ, грядущимъ борцомъ за политическую свободу*.

Революціонная мысль, зрѣющая въ *рабочей средѣ*, есть революціонная мысль, зрѣющая въ *средѣ народной*. Русскій рабочій есть кость отъ костей и плоть отъ плоти русскаго народа. Какъ ни отличаются условія жизни *рабочаго* отъ условій жизни *крестьянина*, но рабочій гораздо ближе къ крестьянину, чѣмъ представитель „интеллигенціи“. Разъ начавшееся въ рабочей средѣ революціонное движеніе вовлечетъ въ свое русло значительную часть бѣднѣйшаго крестьянства, и тогда придетъ конецъ тѣмъ гнуснымъ порядкамъ, которые составляютъ горе русской земли, и благодаря которымъ всѣ образованные народы Запада смотрятъ на насъ, русскихъ, съ чувствомъ *сожалѣнія и презрѣнія*.

Вотъ почему мы говоримъ, что рабочій классъ есть именно та сила, которая одна только и можетъ двинуть впередъ Россію.

Старая царская Россія заслужила ненависть всѣхъ образованныхъ народовъ, потому что она

вно уже взяла на себя роль *всемирнаго жандарма*.
 Если бы ни начиналось освободительное движеніе,
 хотя бы это было почти въ полномъ смыслѣ
 слова за тридцать земель, въ тридесятomъ цар-
 ствѣ (напр., въ двадцатыхъ годахъ нашего сто-
 лѣтія въ Испаніи), русское правительство тотчасъ
 било тревогу и приводило въ движеніе свои ди-
 шья полчища. Старая царская Россія была вѣрнѣй-
 шимъ другомъ и прочнѣйшей поддержкой *всѣхъ*
деспотовъ, всѣхъ сторонниковъ застоя.

Новая революціонная, рабочая Россія становится
 на сторону *революціонеровъ всѣхъ странъ*. Печа-
 таемые въ нашемъ сборникѣ адреса петербург-
 скихъ и московскихъ рабочихъ къ французскимъ
 пролетаріямъ по поводу парижской Коммуны 1871
 года какъ нельзя болѣе ясно показываютъ, что
 именно только въ лицѣ рабочихъ русской *народъ*
 могъ впервые войти въ семью образованныхъ на-
 цій въ качествѣ младшаго брата, умѣющаго горячо
 почувствовать всѣмъ радостямъ и всѣмъ горестямъ,
 всѣмъ побѣдамъ и всѣмъ пораженіямъ своихъ стар-
 шихъ братьевъ.

Къ этой-то новой, рабочей Россіи, составляющей
 нашу радость, нашу гордость и нашу надежду,
 и обращаемся мы со своимъ скромнымъ изданіемъ.
 Мы цѣликомъ посвятимъ его интересамъ рабочаго
 класса. Мы не навязываемъ своихъ взглядовъ на-

шимъ читателямъ-рабочимъ. Мы не беремъ на себя роли руководителей. Намъ хотѣлось бы только принести посильную пользу тѣмъ обездоленнымъ, но бодрымъ и смѣлымъ труженникамъ, которые борются на нашей далекой и несчастной родинѣ за свое экономическое и политическое освобожденіе. Страницы нашего неперіодическаго изданія --- если ему суждено продолжаться, --- будутъ открыты всѣмъ рабочимъ, желающимъ воспользоваться имъ для обсужденія своихъ задачъ и выраженія своихъ стремленій. Но мы твердо убѣждены, что чѣмъ яснѣе сознаютъ наши читатели свои задачи, и чѣмъ они лучше поймутъ смыслъ своего положенія, тѣмъ рѣшительнѣе станутъ они подъ знамя *соціальной демократіи*. Подъ этимъ знаменемъ ведется освободительная борьба рабочихъ всего образованнаго міра. Другого знамени не можетъ быть и для русскихъ рабочихъ.

Мы напередъ знаемъ, что много потерь и поражений придется намъ занести въ нашу лѣтопись: чѣмъ сильнѣе будетъ развиваться наше движеніе, тѣмъ больше будутъ ожесточаться его враги. Это неизбежно. Безъ жертвъ не дается никакая побѣда. Но какъ бы велики ни были тѣ жертвы, которыя русскій рабочій классъ долженъ будетъ принести своему великому дѣлу, мы ни на минуту не усумнимся въ его будущемъ торжествѣ.

Вопреки всѣмъ усиліямъ своихъ враговъ, русскій
рабочій классъ освободить и самого себя, и всю
Россію...

Придетъ пора, окрѣпнуть крылья,
Младья силы подрастутъ,
Вскричатъ орлы и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

Г. Плехановъ.

Из фондов Российской национальной библиотеки

Цѣли и средства всемірной соціально-демократіи.

Читатель, слѣдящій хотя бы только за русскими газетами, имѣеть, конечно, нѣкоторое понятіе о силѣ и значеніи происходящей на западѣ войны рабочихъ противъ своихъ эксплуататоровъ, войны, известной подъ названіемъ рабочаго движенія. Но въ дѣйствительности роль и вліяніе этого движенія въ жизни передовыхъ народовъ Европы гораздо болѣе сильны, чѣмъ можно думать по сообщеніямъ нашихъ подцензурныхъ газетъ и журналовъ. Въ особенности приходится это сказать относительно тѣхъ рабочихъ союзовъ и партій, которые ведутъ борьбу за освобожденіе угнетенныхъ массовъ во имя и подъ знаменемъ ученій соціалдемократическихъ. Въ Германіи, Франціи, Бельгіи, Австріи соціалдемократическое движеніе стало какъ бы осью, вокругъ которой вращается общественная жизнь этихъ странъ. Императоры и первосвященники церкви, государственные люди, простые эксплуататоры—фабриканты, землевладѣльцы, — ученые и газетчики, словомъ, всѣ той пущихъ и господствующихъ классовъ съ напряженнымъ вниманіемъ и тревогой слѣдятъ за всѣми дѣйствіями и за всякимъ успѣхомъ всемірной соціальной демократіи.

И неудивительно. Партія эта добивается такого кореннаго переворота во всѣхъ правительственныхъ порядкахъ и во всемъ строѣ современныхъ обществъ (всѣхъ государствъ, странъ и народовъ), какого человечество еще никогда не видѣло и не испытало. Разумѣется, само по себѣ это не представляло бы серьезной опасности для господствующихъ классовъ и выгодныхъ порядковъ. Для борьбы съ неправдой необходимы силы, а тѣмъ болѣе для окончательнаго искорененія ея.

Безъ надлежащихъ силъ, стремленіе къ всеобщему равенству и свободѣ является не болѣе, какъ невинной, никому не опасной мечтой. Но въ томъ то и дѣло, что социальная демократія подняла на ноги и пробудила къ жизни миллионы людей, принадлежащихъ къ тѣмъ слоямъ населенія, которые съ поконъ вѣковъ своимъ трудомъ кормили и обогащали высшіе классы и, за рѣдкими исключеніями, покорно переносили гнетъ и несправедливости этихъ классовъ. И вотъ потомки или преемники рабовъ и крѣпостныхъ вдругъ приподнимаютъ свои головы и объявляютъ войну всяческой неправдѣ и несправедливости, всѣмъ начальствамъ и угнетателямъ, какого бы роду и племени они ни были! Еслибы накипѣвшее чувство обиды и недовольства прорвалось вдругъ, на одинъ мигъ, въ видѣ дикаго грабежа и насилія, правительствамъ и эксплуататорамъ можно бы не тревожиться. Пушки, солдаты, тюрьмы и полиціи такъ же достаточны для усмиренія подобныхъ бунтовъ, какъ палка, намордникъ, цѣпь и т. п. для усмиренія разозлившейся собаки или разъяреннаго быка. Но социальдемократическая армія состоитъ изъ людей сознательныхъ, ведущихъ войну подъ руководствомъ науки; завоеванія же ея пока главнымъ образомъ въ томъ и состоятъ, что головы все большихъ и большихъ массъ угнетеннаго, обездоленнаго и темнаго народа озаряются свѣтомъ ея ученій; подъ просвѣщающимъ и бодрящимъ дѣйствіемъ этихъ ученій, народныя массы, вчера еще приниженныя и забытыя, сегодня проникаются сознаниемъ своихъ правъ, вѣрой въ свои силы и сплываются въ международное, всемірное братство для борьбы за всеобщее равенство и свободу на землѣ. Призывъ, съ которымъ великіе учителя рабочаго класса, основатели социальдемократическихъ ученій, Марксъ и Энгельсъ, обратились къ нему лѣтъ 50 тому назадъ, не пропалъ даромъ. „Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“ говорили они въ своемъ „Манифестѣ Коммунистической Партіи“. И теперь, дѣйствительно, наиболѣе смѣлыя, наиболѣе развитыя массы рабочихъ почти всѣхъ странъ, по крайней мѣрѣ, въ Европѣ, соединились въ

одно всемірное войско борьбы за освобожденіе пролетаріата, а во главѣ и впереди этого войска идетъ, вооруженная наукой, всемірная социальная демократія.

Вотъ гдѣ источникъ силы и значенія послѣдней, вотъ почему всякій шагъ ея вперёдъ вызываетъ такой страхъ и такую тревогу въ рядахъ эксплуататорскихъ классовъ.

Я сказалъ только что: „рабочіе почти всѣхъ странъ“ Европы уже соединились. Къ сожалѣнію, среди странъ, рабочіе которыхъ до сихъ поръ не примкнули ко всемірной арміи пролетаріата, видное мѣсто занимаетъ Россія. Я бы сказалъ: первое мѣсто; но эта сомнительная честь безспорно принадлежитъ Турціи. Я очень хорошо знаю, что рабочіе русской Польши уже зашевелились и даже правильно посылаютъ отъ себя представителей на международные съѣзды революціоннаго пролетаріата, чтобы сообща съ выборными послѣдняго обсуждать средства борьбы и узнавать о состояніи ея въ разныхъ странахъ. Рабочіе русской Польши уже неоднократно заявляли, при посредствѣ своихъ пословъ на эти съѣзды, о своемъ уступленіи въ революціонные ряды рабочаго класса. Но собственно русскіе рабочіе до сихъ поръ еще не дали знать своимъ европейскимъ братьямъ о своемъ существованіи, какъ самостоятельной революціонной силы. Поэтому, въ Европѣ и теперь еще господствуетъ съ давнихъ поръ установившееся неслестное о русскомъ народѣ мнѣніе, какъ о безчисленной массѣ безмысленныхъ, бессловесныхъ и покорныхъ рабовъ царскихъ, ни на что другое неспособныхъ, кромѣ какъ на слѣпое повиновеніе приказамъ начальства. Въ счетъ революціонныхъ силъ рабочаго класса, борющихся противъ эксплуатаціи и угнетенія народныхъ массъ, русскіе рабочіе не ставятся. Еще хуже: русскій народъ во всей своей цѣлости до сихъ поръ считается гирей на ногахъ освободительной арміи европейскихъ рабочихъ, такъ какъ, поддерживая своимъ невѣжествомъ и покорностью царско-чиновничье самовластье въ Россіи, онъ тѣмъ самымъ поддерживаетъ и существующіе порядки въ Европѣ — во вредъ ея угнетеннымъ и эксплуатиремымъ классамъ.

Наши европейскіе братья, однако, не совсѣмъ правы въ своемъ сужденіи о *теперешней* Россіи. Правда, мракъ невѣжества и рабская покорность и теперь еще царятъ въ ней. Но разные признаки указываютъ, что близится и для нея заря новой жизни. И однимъ изъ этихъ признаковъ служитъ появленіе среди русскихъ рабочихъ людей, задумывающихся надъ печальнымъ положеніемъ своихъ братьевъ и стремящихся пробудить въ нихъ сознание своихъ правъ и готовность бороться съ эксплуататорами. Съ другой стороны, все болѣе и болѣе учащающіяся у насъ стачки указываютъ на то, что такая готовность въ русскихъ рабочихъ массахъ уже въ нѣкоторой степени имѣется. Она то вко еще находится частью въ безсознательномъ, частью въ полусознательномъ состояніи. Но важно уже то, что недовольство своимъ положеніемъ существуетъ и что стремленіе къ борьбѣ противъ эксплуататоровъ у нихъ зародилось. Превратить же это стремленіе въ *сознательное*, внести свѣтъ, знанія въ темныя головы пришедшихъ въ броженіе народныхъ массъ и сплотить ихъ въ цѣлесообразно, по опредѣленному плану дѣйствующую силу — все это составляетъ святой долгъ, обязанность именно передовыхъ единицъ русскаго рабочаго класса.

Готовясь поднять знамя борьбы за благосостояніе и свободу своего класса, русскимъ передовымъ рабочимъ приходится, разумѣется, прежде всего, уяснить себѣ цѣли и средства этой борьбы, отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего нужно добиваться, къ чему стремиться, и въ томъ, *какъ, какими путями* добиваться поставленныхъ цѣлей. Въ этомъ отношеніи задача передовыхъ отрядовъ русскаго рабочаго класса въ чрезвычайной степени облегчается продолжительной борьбой, опытами пролетаріата Англіи, Франціи, Германіи и другихъ странъ Запада. Рабочимъ этихъ странъ, особенно первымъ изъ нихъ, пришлось десятки лѣтъ идти ощупью, не видя передъ собою дороги и безъ ясной цѣли въ головѣ. Отсюда — ихъ долги, томительныя скитанія по разнымъ дебрямъ и окольнымъ тропинкамъ, скитанія, стоявшія имъ огромныхъ

жертвъ, страшныхъ усилій и гибели многочисленныхъ жизней. Но ошибки, страданія и жертвы первыхъ боевыхъ отрядовъ рабочаго класса послужили на пользу рабочихъ тѣхъ странъ, въ которыхъ они позже вступили въ борьбу съ эксплуататорами. Къ тому времени уже сложилось ученіе социалъдемократовъ, которое, опираясь на изученіе исторіи человѣчества и первыхъ освободительныхъ усилій пролетаріата въ Англіи и Франціи, окончательно выяснило какъ коренные источники страданій народныхъ массъ, такъ и пути, ведущіе къ уничтоженію этихъ источниковъ. Это ученіе страшно облегчило и сократило работу передовыхъ нѣмецкихъ рабочихъ, когда послѣдніе начали выступать на войну за свои права. Такую же услугу оно оказало и оказываетъ рабочимъ въ Норвегіи и Швеціи, Даніи и Голландіи, въ которыхъ они еще позже, чѣмъ въ Германіи, начали спланиваться въ самостоятельную силу. Наконецъ, и рабочіе Польши, Румыніи и Болгаріи, совсѣмъ недавно пробудившіеся или только теперь начинающіе пробуждаться къ самостоятельной жизни, сразу стали подъ знамя социальной демократіи, какъ партіи, съ наибольшей ясностью указывающей общую, конечную цѣль рабочаго движенія и ведущей пролетаріатъ къ этой цѣли прямой, кратчайшей дорогой. Такимъ образомъ, исторія, безъ всякихъ усилій со стороны трудящихся классовъ Россіи, приготовила и приподноситъ имъ ученіе, которое сразу покажетъ имъ, куда стремиться и какой дороги они должны держаться, чтобы возможно легче и скорѣе добраться до цѣли. То обстоятельство, что наиболѣе развитые и революціонные слои пролетаріата всѣхъ европейскихъ и даже неевропейскихъ государствъ ведутъ борьбу за освобожденіе своего класса подъ знаменемъ социальной демократіи—это обстоятельство уже само по себѣ можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ за то, что и для русскихъ рабочихъ ученіе этой партіи окажется наиболѣе надежнымъ руководителемъ въ ихъ борьбѣ за свою свободу и благосостояніе.

Большинство русскихъ журналовъ и газетъ распро-

страняеть, однако, другое, противоположное мнѣніе, именно, что ученія социальдемократовъ у насъ непримѣнимы, неумѣстны и прямо вредны. Ученія эти-де возникли и выросли гдѣ-то за тридевять земель, у народовъ, живущихъ при совершенно другихъ условіяхъ, чѣмъ русскій. Правительственныя и общественныя порядки западныхъ странъ не пригодны для насъ, ихъ законы не про Россію писаны, а потому самому и ученія ихъ народныхъ партій, а особенно социальдемократической, ничего, кромѣ вреда, нашему народу принести не могутъ.

Такъ, или приблизительно такъ, утверждаютъ не только враги народной свободы въ Россіи, не только реакціонеры, но и многіе изъ людей, искренно преданныхъ народу (народники, демократы).

Въ виду этого обстоятельства, я счѣтаю удобнѣе начать свою бесѣду съ читателями не съ начала, какъ это обыкновенно дѣлается, а съ конца. Говорю: съ конца потому, что разъ я предлагаю русскимъ рабочимъ присоединиться къ всемірной социальдемократіи, то мнѣ и слѣдовало прежде всего изложить ея цѣли и средства. вмѣсто этого я въ первой же бесѣдѣ съ читателемъ перехожу прямо къ положенію и задачамъ русскихъ рабочихъ. Но еслибы я поступилъ наоборотъ, меня могли бы упрекнуть въ томъ, что я будто насильственно, искусственно стараюсь привить русскимъ рабочимъ понятія и стремленія, совсѣмъ не соответствующія ихъ положенію и всей совокупности обстоятельствъ, въ которыхъ живетъ русскій народъ. Съ другой стороны, какъ знать: можетъ быть, и правы люди, утверждающіе, что русскій народъ съ западными народами ничего общаго не имѣеть. Это было бы очень печально, потому печально, что вполне оправдывало бы низкое мнѣніе этихъ націй о русскомъ народѣ и дѣлало бы напрасной, даже нелѣпой всякую попытку распространять въ его средѣ понятія и водворять у насъ порядки, до которыхъ дошли или къ которымъ стремятся эти націи. Но что же дѣлать? Лучше горькая истина, чѣмъ сладкая ложь. А можетъ быть, въ упомянутомъ, далеко нелестномъ, а

въ особенности печальномъ, взглядъ на Россію заключается, хотя всего только нѣкоторая доля правды, но за то очень важная для вопроса о томъ, какъ нужно пользоваться у насъ ученіями социальдемократіи, какія *особенныя* задачи и средства вытекаютъ изъ этихъ учений специально (въ частности) для русскаго рабочаго класса. Вопросы эти и сомнѣнія разрѣшатся и устранятся сами собою, если мы сначала совсѣмъ оставимъ въ сторонѣ стремленія и цѣли социальдемократическихъ партій запада, и попытаемся, независимо отъ нихъ, отыскать средства для борьбы съ бѣдствіями русскихъ рабочихъ въ собственномъ положеніи послѣднихъ и положеніи всего русскаго народа. Если послѣ этого окажется, что ихъ современныя нужды и потребности могутъ быть удовлетворены и источникъ ихъ страданій можетъ быть устраненъ не иначе, какъ при помощи средствъ, указываемыхъ революціонною частью европейско-американскаго пролетаріата, то ужь никто изъ честныхъ и здравомыслящихъ людей не сможетъ насъ упрекать въ легкомысленномъ подражаніи „чужеземцамъ“ Мало того: тогда всѣмъ станетъ очевидно, что всякій искренній другъ народной свободы всѣми силами обязанъ стараться о томъ, чтобы русскіе рабочіе возможно скорѣе стали подъ знамя всемірной социальдемократіи.

I.

ЧЕГО ДОБИВАТЬСЯ РУССКИМЪ РАБОЧИМЪ?

Старьки наши хорошо еще помнятъ то время, когда русскій народъ изнемогалъ и задыхался подъ гнетомъ двойнаго рабства: царскаго и помѣщичьяго. Крестьянство, изъ котораго состояли народныя массы, закрѣпощено было въ одно и то же время царю и помѣщикамъ, оно находилось въ подданствѣ одновременно у слугъ царскихъ, и у ихъ господина. Не даромъ русскій царь величалъ себя въ торжественныхъ случаяхъ первымъ помѣщикомъ и дворяниномъ русской земли. Говорятъ: „Богъ есть царь царей.“ Не знаемъ, нужно-ли понимать это изреченіе въ томъ смыслѣ, что Богъ является союзникомъ и покровителемъ царей въ дѣлѣ угнетенія народовъ. Но что наши цари были, дѣйствительно, царями-помѣщиками, покровителями и товарищами послѣднихъ въ дѣлѣ угнетенія русскаго народа—это извѣстно всѣмъ и каждому изъ мало-мальски образованныхъ людей.

Власть помѣщиковъ, ихъ крѣпостное право надъ десятками миллионовъ людей уничтожена была въ 1861 г. Но крѣпостное право нашихъ царей — надъ всѣмъ русскимъ народомъ уцѣлѣло еще и до сихъ поръ. Мѣсто же помѣщиковъ заняли фабриканты, заводчики, купцы, всякаго рода скупщики, ростовщики, да богатые и зажиточные землевладѣльцы. По отношенію ко всѣмъ этимъ новымъ эксплуататорамъ низшіе классы Россіи считаются по закону совершенно свободными. Первые не имѣютъ надъ послѣдними никакихъ господскихъ правъ и не могутъ ихъ приневоливать къ работѣ въ свою пользу по своему произволу. Но за то въ ихъ рукахъ земли, мастерскія, инструменты, банки, магазины, деньги,— словомъ все, что необходимо теперь для веденія само-

стоятельнаго предпріятія, все равно какого: сельскохо-
зяйственнаго, промышленнаго или торговаго. Въ этомъ
— сила новыхъ эксплуататоровъ.

Такимъ образомъ, низшимъ классамъ Россіи и теперь
приходится имѣть дѣло съ двумя врагами, страдать
подъ двойнымъ гнетомъ, а, слѣдовательно, и бороться
одновременно противъ этого двойнаго гга. Но одно
пго старинное, другое — недавно народившееся. Что
вызвало къ жизни это новое пго? И затѣмъ: есть-ли
какая нибудь связь между нимъ и царскимъ самовла-
стіемъ? Или проще говоря: пользуется ли царское пра-
вительство своимъ крѣпостнымъ правомъ надъ русскимъ
народомъ для поддержки новыхъ эксплуататоровъ по-
слѣдняго — во вредъ трудящимся, бѣднѣйшимъ клас-
самъ его? Эти вопросы очень важны для рѣшенія того
вопроса, который служить главнымъ предметомъ нашей
бесѣды, а потому прошу читателя остановиться вмѣстѣ
со мною хоть немного надъ ними.

Итакъ, прежде всего: какія обстоятельства, какія
причины привели къ тому, что огромное большинство
русскаго народа очутилось вскорѣ послѣ своего осво-
божденія отъ помѣщичьей власти подъ властью класса
зажиточныхъ и богатыхъ предпринимателей всякаго
рода,—фабрикантовъ, купцовъ, кулаковъ и т. д.? Чтобы
отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо хоть въ немно-
гихъ словахъ коснуться той коренной перемены, кото-
рая произошла за послѣднія десятилѣтія въ способѣ
или порядкѣ добыванія средствъ къ жизни населеніемъ
Россіи.

Во времена помѣщичьяго крѣпостнаго права добы-
ваніе средствъ къ жизни въ Россіи совсѣмъ не похоже
было на то, какое уже цѣлыя вѣка господствовало въ
наиболѣе образованныхъ странахъ запада. Въ этихъ
странахъ торговля и промышленность давно уже до-
стигли высокаго развитія. Англія и Франція, напр.,
около середины нашего вѣка снабжали чуть ли не весь
міръ своими издѣліями, и въ свою очередь, особенно
первая, покупали для себя въ земледѣльческихъ стра-
нахъ хлѣбъ, скоть, хлопчатку, ленъ, шерсть, кожу.

словомъ, сырье для переработки въ пищу, одежду, обувь, инструменты и другіе предметы человѣческаго существованія. Для выдѣлки такихъ предметовъ у промышленныхъ народовъ съ конца прошлаго вѣка начали быстро распространяться паровыя машины, фабрики и заводы. Около середины нашего столѣтія фабрично-заводской, машинный способъ производства (работы, выдѣлки вещей) предметовъ человѣческаго существованія въ Англіи уже совсѣмъ господствовалъ, а въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ Европы, какъ напр., во Франціи, Бельгіи и даже Германіи, достигъ большаго распространенія и вліянія на всю жизнь этихъ государствъ. Громадныя, безмѣрныя массы издѣлій, производившихся такимъ способомъ, нужно было развозить по огромнымъ разстояніямъ, въ далекія страны, даже черезъ моря и океаны. И вотъ къ услугамъ купцовъ и фабрикантовъ появились удобные и хорошіе пути сообщенія, большіе корабли, а подъ конецъ, желѣзныя дороги и пароходы.

Въ противоположность западнымъ странамъ, Россія крайне медленно подвигалась впередъ по пути своего экономическаго развитія. Поэтому, у насъ еще полвѣка тому назадъ торговля, промышленность и даже ремесла находились въ очень жалкомъ состояніи. По той же причинѣ и средства сообщенія наши — водяныя и сухопутныя — оставались до недавняго времени никуда негодными. Некому и незачѣмъ было хлопотать о нихъ. Англичанамъ и французамъ необходимы были многочисленные большія суда и желѣзныя дороги, чтобы развозить, вывозить въ далекія страны и ввозить изъ нихъ цѣлыя горы всякаго рода товаровъ; изъ необходима была широкая сѣть телеграфныхъ сообщеній, чтобы имѣть возможность быстро давать знать и справляться о положеніи дѣлъ во всѣхъ городахъ, мѣстностяхъ и странахъ, съ которыми ихъ купцы и промышленники имѣли торговыя связи. Россія крѣпостной эпохи не испытывала во всемъ этомъ большой нужды, потому что вывозила она за границу всего-то немного хлѣба и сырья, ввозила оттуда еще меньше, да и

внутреннія торговля сношенія между различными мѣстпостями ея были очень незначительны.

Какъ же, однако, спросить, можетъ быть, читатель, жило населеніе тогдашней Россіи? Были же у него и въ то время такія нужды, для удовлетворенія которыхъ приходилось покупать разные предметы у разныхъ лицъ. А кому покупать нужно, тому и продавать приходится что нибудь, иначе у него денегъ не будетъ для необходимыхъ покупокъ. Стало быть, и во времена крѣпостнаго права въ Россіи уже должна была существовать торговля.

Это совершенно справедливо, отвѣчаю я; но дѣло-то въ томъ, что потребности, вызывавшія торговлю, были очень незначительны. Изъ кого состояла главная масса жителей Россіи въ эпоху крѣпостнаго права? Изъ крестьянъ, да изъ помѣщиковъ, которымъ они были закрѣпощены. Крѣпостные своимъ трудомъ не только кормили и одѣвали своихъ господъ, но и доставляли имъ такія тонкія удовольствія, какъ концерты, театры и т. п. Помѣщики получали въ натурѣ — продуктами и барщиной — все, что имъ нужно было и все, что фантазія и произволь имъ подсказывали. Они, стало быть, и безъ большихъ денегъ могли какъ сыръ въ маслѣ кататься. Развѣ что на покупку драгоценныхъ винъ да заграничныхъ предметовъ роскоши бывала нужда въ деньгахъ, но для приобрѣтенія ихъ достаточно было продать въ сосѣднемъ городѣ или заѣзжему купцу излишекъ жита, пшеницы, шерсти или другихъ продуктовъ, отобранныхъ ими въ свою пользу у крестьянъ. Самая зажиточная и богатая часть населенія избавлена была, слѣдовательно, отъ необходимости заниматься торговлей и промышленностью, заботиться объ ихъ успѣхахъ или хотя бы только косвенно способствовать имъ.

Что касается до крестьянъ, то вѣдь они затѣмъ только и существовали, чтобы содержать помѣщиковъ, царя и чиновниковъ. Для удовлетворенія же ихъ собственныхъ потребностей имъ оставляли лишь столько времени и столько продуктовъ ихъ собственной работы,

сколько необходимо было, чтобъ они не перемерли; вѣдь безъ нихъ и начальству пришлось бы отправиться на тогъ свѣтъ. Потребности закрѣпощеннаго, безправнаго населенія были, поэтому, крайне незначительны, и эти свои ничтожныя потребности каждая крестьянская семья цѣликомъ или почти цѣликомъ удовлетворяла продуктами своего собственнаго хозяйства, предметамъ, изготовленными дома, на своемъ полѣ, въ своемъ дворѣ и въ своей избѣ, при помощи рабочихъ силъ своей семьи. Крестьянству, слѣдовательно, еще гораздо меньше, чѣмъ помѣщикамъ, приходилось покупать и продавать т. е. способствовать оживленію торговли и развитію ремесла и промышленности. Земледѣльческое населеніе составляло собственность помѣщиковъ и царя, лишено было всякихъ правъ и всякой свободы распоряжаться продуктами своего тяжелаго труда и своей рабочей силой, своими знаніями и способностями къ работѣ. Находясь въ такомъ положеніи, крестьянство, разумѣется, лишено было всякой возможности въ замѣтной степени заниматься торговлей, усовершенствоваться въ ремеслахъ или способствовать успѣхамъ промышленности въ городахъ.

Только горожане добывали себѣ средства къ жизни путемъ продажи ненужныхъ имъ вещей и покупики за вырученныя деньги: вещей, нужныхъ имъ самимъ. Но городское населеніе было очень малочисленно. Кромѣ того, жители большей части городовъ удовлетворяли значительную долю своихъ нуждъ прямо предметами, добывавшимися каждымъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ: ремесленникъ, торговецъ, даже чиновникъ нерѣдко получалъ весь или часть нужнаго ему хлѣба съ своего поля, овощи и плоды съ своего огорода и сада, молоко и масло отъ своихъ коровъ, мясо и сало отъ своего скота и своихъ птицъ. Большинство горожанъ жило въ собственныхъ домахъ или хатахъ, болѣе зажиточные изъ нихъ держали, по крайней мѣрѣ, одну лошадь, нерѣдко ткали у себя на дому холсты для бѣлья и даже матеріи для одежды вообще. Кромѣ того, въ городахъ имѣли постоянное жительство и

многіе помѣщики, а имъ опять-таки доставляли изъ имѣній въ натурѣ почти все, что необходимо было для жизни.

Существенной, коренной чертой русской жизни въ прежнія времена являлось, стало быть, то, что огромное, подавляющее большинство населенія Россіи въ очень малой степени прибѣгало къ помощи продажъ и покупокъ, къ добыванію денегъ для пріобрѣтенія предметовъ своего существованія. Это было, однимъ словомъ, время, эпоха господства такъ называемаго въ наукѣ натурального хозяйства, когда каждая семья добывала себѣ средства къ жизни прямо въ натуральномъ видѣ, производя ихъ собственнымъ трудомъ или трудомъ крѣпостныхъ (помѣщики) на своей землѣ, въ своемъ хозяйствѣ. Сама казна нуждалась тогда гораздо меньше въ деньгахъ, чѣмъ теперь. Она платила меньше жалованья своимъ чиновникамъ и офицерамъ, потому что значительная часть тѣхъ и другихъ состояли изъ помѣщиковъ, получавшихъ многое изъ своихъ имѣній на покрытіе своихъ потребностей. Тѣ же изъ нихъ, у которыхъ не было имѣній, служили въ надеждѣ получить въ награду деревеньку-другую съ нѣсколькими сотнями душъ, а до поры до времени сами себя вознаграждали произвольными поборами съ подвластныхъ имъ жителей — въ значительной мѣрѣ опять таки не въ видѣ денегъ, а прямо — мукой, хлѣбомъ въ зернѣ, мѣхамъ, тканями, медомъ, птицей и т. п. Все это, въ связи съ тѣмъ, что правительство нѣкоторыя свои надобности удовлетворяло при помощи работы своихъ крѣпостныхъ или солдатъ, уменьшало и нужду казны въ деньгахъ.

На западѣ описанный только что способъ добыванія средствъ къ жизни — натуральное хозяйство — уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ началъ вытѣсниться другимъ, при которомъ каждый житель занимается продажей какого-нибудь товара, а необходимые для себя предметы существованія покупаетъ на сторонѣ. Въ Англии, Франціи, Голландіи пріобрѣтеніе денегъ путемъ продажи товаровъ давно уже стало главнымъ источникомъ

жизни населенія. Оттого-то тамъ торговля и промышленность достигли такого высокаго развитія уже въ тѣ времена, когда у насъ онѣ находились еще на очень низкой ступени.

Обращаясь къ современной Россіи, мы видимъ, что и въ ней торговля и промышленность сдѣлали большіе успѣхи, что старинный способъ пріобрѣтенія средствъ къ существованію и въ ней уступилъ мѣсто новому, основанному на продажѣ каждымъ жителемъ своихъ издѣлій и покупкѣ предметовъ, необходимыхъ для собственной жизни у другихъ. Это должно броситься въ глаза всякому, кто дастъ себѣ трудъ сравнить свои личныя наблюденія и рассказы знакомыхъ о теперешней русской жизни съ тѣмъ, что выше сказано было о жизни русскаго народа во времена помѣщичьей власти. Безъ помощи ученыхъ книгъ и длинныхъ разсужденій онъ увидитъ, что теперь ужъ прошли времена, когда даже большинство нашихъ горожанъ одѣвалось въ платье, сшитое изъ матеріи, изготовленной дома, и питалось въ значительной мѣрѣ продуктами собственнаго хозяйства. Теперь уже и въ сельскомъ быту далеко не всѣ нужные предметы выдѣлываются дома. И крестьянамъ приходится покупать одежду, обувь, инструменты и многое другое. Какъ сильно распространяется у насъ удовлетвореніе собственныхъ надобностей куплевыми продуктами, видно изъ того, что однихъ только фабрично-заводскихъ издѣлій произведено было у насъ въ 1890 г. немногимъ меньше, чѣмъ на двѣ тысячи милліоновъ рублей, да изъ заграницы привезено къ намъ разныхъ товаровъ больше, чѣмъ на четыреста милліоновъ руб. Между тѣмъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, хотя наша фабрично-заводская промышленность производила еще очень мало, мы, однако, въ Европѣ покупали всего только милліоновъ на 75, т. е. въ пять разъ меньше теперешняго. Но вѣдь помимо фабрично-заводскихъ и привозныхъ издѣлій населеніе наше покупаетъ еще издѣлія кустарныя и ремесленныя, — кожи, топоры, замки, посуду, мебель, обувь, одежду, инструменты, производимые въ разныхъ мѣстахъ крестьянами и во всѣхъ

городахъ ремесленниками. Принимая же все это въ расчетъ, мы едва-ли преувеличимъ, если скажемъ, что ежегодныя затраты населенія на покупки нужныхъ ему для жизни предметовъ достигаетъ многихъ миллиардовъ рублей. А это показываетъ, что производство вещей для собственныхъ надобностей уже въ очень большой степени вытѣснено производствомъ для продажи, выдѣлкой товаровъ и что собственныя потребности каждый стремится удовлетворять продуктами, купленными на сторонѣ. И въ самомъ дѣлѣ: въ то время, какъ миллиарды рублей израсходуются у насъ ежегодно на покупку фабрично-заводскихъ и кустарно-ремесленныхъ издѣлій, сельское населеніе (землевладѣльцы и крестьяне) съ своей стороны продаетъ все большія и большія массы своихъ продуктовъ въ города и за границу. Въмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдствіе этого, одна часть крестьянъ совсѣмъ или почти совсѣмъ забросила или забрасываетъ свои прежнія неземледѣльческія занятія, а другая, наоборотъ, забрасываетъ земледѣліе и предается цѣликомъ неземледѣльческимъ занятіямъ. Такъ, многіе изъ тѣхъ крестьянъ (кустарей), которые прежде тратили только свободное время отъ земледѣлія на выдѣлку разныхъ вещей для продажи — пряжи, тканей, посуды, мебели и т. д. — теперь совсѣмъ или почти совсѣмъ забросили земледѣліе. Изъ подсобнаго занятія, изготовленіе того или другого рода изъ этихъ вещей стало для кустарей главнымъ или даже единственнымъ; земледѣльческіе же продукты имъ уже приходится покупать на деньги, вырученныя изъ продажи ихъ товаровъ.

Впрочемъ, о силѣ и распространеніи у насъ новаго способа добыванія средствъ къ жизни, основаннаго на производствѣ для продажи и на торговлѣ, даютъ наглядное понятіе милліоны людей, разбѣзжающихъ по нашимъ желѣзнымъ дорогамъ и несмѣтныя массы перевозимыхъ на нихъ и на многочисленныхъ простыхъ судахъ всякаго рода товаровъ. Наконецъ, уже само существованіе десятковъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, больше сотни тысячъ верстъ телеграфныхъ линий, больше двухъ тысячъ пароходовъ и двадцати тысячъ

непаровыхъ судовъ, — развѣ все это уже само по себѣ не свидѣтельствуеть о большомъ развитіи нашей торговли и промышленности? Вѣдь безъ большихъ успѣховъ той и другой нельзя было бы содержать всѣ эти громадныя и дорогія средства сообщенія. Но еще больше указываетъ на быстроту этихъ успѣховъ то обстоятельство, что существующія сухопутныя и водяныя средства для перевозки людей и товаровъ оказываются уже далеко недостаточными для теперешнихъ нуждъ нашей торговли и промышленности.

Вотъ этотъ-то переворотъ въ экономической жизни Россіи, въ способѣ добыванія средствъ къ жизни ея населеніемъ, и выдвинулъ у насъ на первое мѣсто новый родъ или классъ эксплуататоровъ взамѣнъ прежнихъ — господъ, помѣщиковъ, угнетавшихъ народныя массы въ силу царями пожалованнаго имъ права собственности надъ землями и населявшими ее людьми. Жизнь и благосостояніе каждаго стали въ полную зависимость отъ количества производимыхъ и продаваемыхъ имъ издѣлій. Но въ то же время, чѣмъ больше распространялось производство вещей не для собственнаго употребленія, а на продажу, тѣмъ труднѣе становилось ихъ производителямъ найти достаточное число покупателей для своихъ издѣлій. Съ каждымъ днемъ росли трудности для достаточно широкаго и выгоднаго сбыта этихъ издѣлій. И эти-то трудности послужили главною или одною изъ главныхъ причинъ возвышенія новаго класса эксплуататоровъ надъ народными массами.

Распространеніе желѣзныхъ дорогъ и парокондуктовъ открыло издѣліямъ товаропроизводителей путь въ самыя далекія мѣста и даже въ чужія земли. Русскій хлѣбъ и русское сырье (ленъ, пенька, кожа и т. д.) вывозятся въ Германію, Англію и другія западно-европейскія страны, а наши фабрично-заводскія и вустарныя издѣлія находятъ себѣ покупателей, сбытъ, рынокъ, не только по всѣмъ захолустьямъ имперіи, но и въ Азіи — въ Персіи, Бухарѣ и т. д. Но эта разбросанность потребителей чуть-ли не по всему міру лишаетъ товаропроизводителей возможности знать каждый разъ, гдѣ и кому

больше всего нужны ихъ продукты. Да и доставка послѣднихъ по мелочамъ къ каждому потребителю порознь обошлась бы слишкомъ дорого. Вслѣдствіе всего этого, рука объ руку съ развитіемъ торговыхъ сношеній между отдаленными мѣстностями, рука объ руку съ расширеніемъ рынка для продажи издѣлій производителей каждой отдѣльной мѣстности, шло и увеличеніе числа лицъ, сосредоточившихъ въ своихъ рукахъ торговлю этими издѣліями. Мелкіе и крупныя торговцы явились, поэтому, одними изъ первыхъ среди новыхъ эксплуататоровъ нашихъ народныхъ массъ. Первые изъ нихъ начали скупать товары въ мѣстахъ ихъ производства и перепродавать болѣе денежнымъ торговцамъ въ ближайшіе торговые центры. Эти послѣдніе, съ своей стороны, захватили въ свои руки перепродажу издѣлій своей мѣстности оптовымъ торговцамъ, живущимъ въ такихъ центрахъ, какъ Петербургъ, Москва, Одесса, Варшава или Рига. А уже изъ этихъ и другихъ торгово-промышленныхъ центровъ товары развозятся во все концы имперіи и за ея предѣлы, переходя обратнымъ порядкомъ изъ рукъ оптовыхъ купцовъ въ руки все болѣе и болѣе мелкихъ торговцевъ, въ магазины и лавченки городовъ и селъ, пока они, наконецъ, не будутъ раскуплены тѣми, кому они нужны уже не для торговли, а для собственнаго употребленія.

Разумѣется, вся эта длинная вереница разныхъ посредниковъ между производителями и потребителями старается вознаграждать себя за свои хлопоты и за свои расходы на покунку, храненіе и развозку этихъ продуктовъ возможно большимъ барышемъ. Съ кого же брать этотъ барышъ? Конечно, главнымъ образомъ, съ производителей. Потребитель, если онъ не вынужденъ брать нужные ему продукты въ долгъ, идетъ обыкновенно къ тому, кто дешевле продаетъ ихъ. Оставляя въ сторонѣ всякія другія соображенія, мы можемъ сказать, что борьба, конкуренція торговцевъ между собою изъ-за привлеченія къ себѣ покупателей уже сама по себѣ является — при современномъ состояніи торговли — большимъ препятствіемъ къ тому, чтобы наживаться на счетъ потребителей.

Другое дѣло — производители, особенно мелкіе. Не имѣющіе возможности входить въ прямыя сношенія съ массой неизвѣстныхъ имъ потребителей; имъ волей-неволей приходится продавать торговцамъ со скидкой съ дѣйствительной цѣны (стоимости) своихъ товаровъ. И конечно, скидка эта бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ стѣсненнѣе положеніе товаропроизводителей. Царское правительство очень большія старанія приложило къ тому, чтобы поставить народную массу въ такое именно положеніе, при которомъ всевозможнымъ торговцамъ и промышленникамъ очень легко было сдѣлать ее орудіемъ для своего обогащенія и даже закабалить ее себѣ.

Но объ этомъ послѣ. Прежде же считаю нужнымъ отмѣтить главнѣйшія изъ тѣхъ обстоятельствъ, въ силу которыхъ успѣхи торговли, помимо царской помощи, такъ сказать, сами по себѣ, по своей природѣ, должны были доставить нашимъ скупщикамъ и купцамъ достаточно средствъ, чтобы наживаться и богатѣть на счетъ мелкихъ товаропроизводителей.

Передо мною лежитъ описаніе быта кустарей села Павлова (Нижегородской губерніи) и прилегающихъ къ нему мѣстъ. Вотъ что разсказывается въ этомъ описаніи о жизни кустарей, дѣлающихъ замки.

Еще въ недавнее время павловскіе замки находили себѣ покупателей въ Бессарабіи, Кіевѣ, Одессѣ и особенно Харьковѣ, гдѣ издѣлія Павлова сбывались цѣлыми массами. Но вотъ подъ конецъ истекшаго десятилѣтія на громадномъ разстояніи, какъ отъ Павлова, такъ и отъ названныхъ городовъ, въ Ковнѣ, замки начали выдѣлываться на фабрикѣ машиннымъ способомъ. Замки ковенскіе оказались прочнѣе, лучше и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо дешевле павловскихъ. И этими-то своими качествами они быстро начали одолевать и вытѣснять всюду ручные замки павловцевъ. Даже въ самомъ центрѣ своей выдѣлки замки эти не могутъ выдержать борьбу со своими машинными конкуррентами. Такъ, самые главные скупщики павловскихъ издѣлій, братья Кондратовы, уже торгуютъ въ большомъ размѣрѣ и машинными замками.

Какъ же павловскіе замочки борются со своими далекими, но всеильными соперниками? Они страшно спускаютъ цѣны, а для того, чтобы при такихъ низкихъ цѣнахъ какъ нибудь существовать, каждому изъ нихъ приходится всей семьей работать по восемнадцати часовъ въ сутки. Но и это не избавляетъ ихъ отъ страшной нужды. Кустарь не можетъ выждать отъ понедѣльника до понедѣльника, базарнаго дня, и на педѣлѣ ищетъ средствъ раздобыться деньгами; каждую недѣлю приходится закладывать только что изготовленный товаръ, на подмогу является ростовщикъ и „самостоятельный“ яко-бы хозяинъ попадаетъ во власть двойкаго рода пьявокъ: скупщиковъ и ростовщиковъ.

То, что мы видѣли на приведенномъ примѣрѣ, происходитъ теперь, подъ разными видами и разными путями, повсемѣстно, почти по всей Россіи, или по крайней мѣрѣ, во всѣхъ тѣхъ областяхъ ея, которыя связаны между собою хорошими рѣчными и желѣзнодорожными путями сообщенія. Благодаря скорости и дешевизнѣ провоза товаровъ по нимъ, пути эти открыли кустарнымъ и ремесленнымъ издѣліямъ дорогу въ различные углы имперіи, далеко отъ мѣста ихъ производства. Но по тѣмъ же путямъ вскорѣ потянулись цѣлые вагоны и суда съ болѣе дешевыми и разнообразными продуктами фабрично-заводской работы. И вотъ, сначала, чтобы удержать свою самостоятельность въ этой неравной борьбѣ, а затѣмъ, поневолѣ, вслѣдствіе недостатка другихъ мѣстныхъ заработковъ, сотнямъ тысячъ, милліонамъ мелкихъ товаропроизводителей, „самостоятельныхъ хозяевъ“, пришлось отдать себя въ кабалу разнымъ торговцамъ и ростовщикамъ. Повсемѣстная ожесточенная война, вѣчная взаимная конкуренція товаропроизводителей, подвергая большинство изъ нихъ всевозможнымъ страданіямъ и совершенному разоренію, является вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ жизни и богатства для людей, захватившихъ въ свои руки торговлю продуктами крестьянскаго и ремесленнаго труда.

Но не одна только конкуренція играетъ такую

двойную роль. Неурожай, холера въ какой-нибудь части Россіи, война, разгорѣвшаяся гдѣ-нибудь за три-девять земель, — словомъ, всякое бѣдствіе, постигшее населеніе такой мѣстности или страны, съ которой другія мѣстности или страны находятся въ прямыхъ или косвенныхъ торговыхъ сношеніяхъ, лишаетъ обыкновенно ихъ населеніе на время значительной части покупателей его продуктовъ. И само собою разумѣется, больше всего страдаютъ отъ этого мелкіе производители — ремесленники, кустари, крестьяне. Вообще, съ превращеніемъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, чуть не всего земного шара въ сплошной рынокъ для продажи издѣлій самыхъ далекихъ другъ отъ друга мѣстностей, жизнь населенія каждой изъ нихъ стала зависѣть отъ всѣхъ обстоятельствъ и переменъ, такъ или иначе вліяющихъ на благосостояніе, потребности и вкусы людей въ самыхъ различныхъ странахъ. А такъ какъ обстоятельства эти очень разнообразны и измѣнчивы и появляются большей частью совершенно неожиданно, то и существованіе людей, съ развитіемъ торговли, становится все болѣе и болѣе неустойчивымъ, шаткимъ, подверженнымъ всякимъ случайностямъ. Жизнь ихъ зависѣтъ, при современномъ развитіи торговли, цѣликомъ, или главнымъ образомъ, отъ спроса и цѣны на ихъ товары. А спросъ и цѣны зависятъ отъ безконечнаго числа разныхъ обстоятельствъ, которыхъ никто предвидѣть не можетъ и о которыхъ огромное большинство товаропроизводителей понятія не имѣетъ. Именно, безграничность пространства, служащаго рынкомъ для ихъ продуктовъ и разбросанность потребителей этихъ продуктовъ по этому безпредѣльному рынку производятъ рѣзкія колебанія въ спросѣ на нихъ, лишаетъ большинство мелкихъ производителей всякой возможности найти сколько-нибудь обезпеченный сбытъ для своихъ издѣлій и всякихъ сколько-нибудь вѣрныхъ средствъ къ существованію. И эта шаткость въ положеніи народныхъ массъ является опять-таки источникомъ порабощенія ихъ торговцами и ростовщиками. Чѣмъ сильнѣе падаютъ цѣны, чѣмъ чаще и

больше нуждаются они въ ссудѣ или продажѣ своихъ издѣлій во что бы то ни стало, тѣмъ больше барышей пзвлекають скупщики изъ крови и пота производителей, тѣмъ быстрѣе растутъ ихъ богатства, ихъ капиталы.

Но это только первые застрѣльщики, передовой отрядъ новаго класса эксплуататоровъ русскаго народа. За ними и рядомъ съ ними идутъ фабриканты, заводчики, богатые земледѣльцы изъ бывшихъ помѣщиковъ и разжившихся крестьянъ или горожанъ, вообще крупныя предприниматели, эксплуатирующіе народныя массы уже не путемъ ростовщичества и скупки ихъ издѣлій, а въ качествѣ хозяевъ, въ своихъ мастерскихъ и на своихъ земляхъ. Конкуренція фабрично-заводскихъ продуктовъ — своихъ и иноземныхъ — съ ремесленно-кустарнымъ помогла торговцамъ и ростовщикамъ наживаться на счетъ мелкихъ производителей; разореніе же послѣднихъ въ свою очередь очистило поле для повсемѣстнаго распространенія фабрикъ и заводовъ. И тѣ же ростовщики и скупщики, которые довели большинство этихъ производителей до полного разоренія, явились во многихъ случаяхъ и основателями большихъ мастерскихъ. Когда прежніе грабительскіе способы обирания трудящихся массъ оказались уже не достаточно прибыльными, то разбогатѣвшіе этими способами эксплуататоры начали переходить къ эксплуатаціи этихъ массъ путемъ найма ихъ къ себѣ на работу. И спасибо имъ еще за это. Работа на фабрикахъ и заводахъ все же лучше, чѣмъ голодъ или совершенное отсутствіе заработка, и даже лучше, чѣмъ надрываться всей семьей на работѣ дома — въ пользу ростовщика и скупщика.

Впрочемъ, и среди производителей, превратившихся въ наемныхъ рабочихъ, есть еще очень много такихъ, которые работаютъ на предпринимателей у себя на дому, получая отъ нихъ матеріалъ и поштучную плату. Это бываетъ до поры до времени очень выгодно для предпринимателей, такъ какъ избавляетъ ихъ отъ необходимости, при всякомъ значительномъ расширеніи своего производства и своей торговли, дѣлать новыя затраты на постройку мастерскихъ, на обзаведеніе по-

выми машинами, на отопление и освещение этих мастерских. Еще более выгоден этот способ эксплуатации наемного труда для мелких капиталистов, еще не настолько разбогатевших, чтобы иметь средства на устройство очень больших рабочих зданий с дорогими стоющими машинами. А таких предпринимателей в последние десятилетия среди скупщиков и ростовщиков развелось очень много. Так, напр., большинство „хозяйчиков“ в ножевом производстве села Павлова имеет очень мало рабочих в своих мастерских, а между тем, все или почти все три тысячи мастеров, занятых выделкой ножей, работают именно по заказу, за почасную плату на „хозяйчиков“. Некоторые из них эксплуатируют таким образом по 100, 200 и больше человек. Даже самые крупные предприниматели в ножевом производстве павловской округи, братья Кондратовы, имеют на своей фабрике меньше половины работающих на них мастеровых. Из 1000 с лишним человек только около 400 находятся у них на фабрике, а остальные, т. е. больше 600 человек получают от них работу к себе на дом.

Приблизительно такой же способ эксплуатации наемных рабочих имеет место во многих других городах и селах России, повсюду, где кустарно-ремесленное производство перешло в руки скупщиков или соседних фабрикантов и заводчиков. Я напирал на это обстоятельство потому, что многие у нас привыкли оценивать силу торгово-промышленных предпринимателей в России исключительно числом рабочих на фабриках и заводах. При этом не принимаются в расчет даже рабочие, занятые при железных дорогах, на пароходах и речных судах, на грузкой и выгрузкой товаров*). Все эти рабочие массы уже прямо находятся под командою

*) На одних только речных непаровых судах в Европейской России — кроме Финляндии, Кавказа и Польского Края — число служащих простирается до 95.000 человек.

крупныхъ капиталистовъ или ихъ управляющихъ, приказчиковъ и надсмотрщиковъ. Но подъ такой же властью капиталистовъ — крупныхъ и мелкихъ — находятся и миллионы такъ называемыхъ кустарей и ремесленниковъ, работающихъ на нихъ за заработную плату у себя въ мастерскихъ или въ тѣхъ самыхъ каморкахъ, въ которыхъ они ѣдятъ и спятъ. А сколько народу среди крестьянъ ужь совсѣмъ или почти совсѣмъ обратился въ батраковъ, не имѣющихъ ни лошади, ни орудій для земледѣлія. Если бы въ точности сосчитать всѣхъ крестьянъ, ремесленниковъ и кустарей, лишившихся возможности вести самостоятельное хозяйство и живущихъ, поэтому, работой по найму, то къ удивленію многихъ оказалось бы, что число рабочихъ и работницъ у насъ уже далеко перевалило за десятокъ миллионовъ.

Но что значить наниматься на работу? Это значить, за деньги предоставлять другому лицу право пользоваться и распоряжаться моею рабочей силой, моею головой, моими руками и ногами, вообще моею способностью къ труду. Рабочій вступаетъ при этомъ въ мѣновую сдѣлку съ предпринимателемъ: онъ обмѣниваетъ свои жизненные силы на деньги, за которыя онъ затѣмъ покупаетъ все необходимое для жизни своей и семьи. Вещи, идущія въ обмѣнъ, называются, какъ извѣстно, товарами, а самый обмѣнъ ихъ на деньги — продажей. Стало быть, способъ, которымъ рабочіе добываютъ себѣ средства къ жизни, въ корнѣ — тотъ же, что и у другихъ слоевъ населенія. Подобно послѣднимъ, и рабочіе продаютъ свой товаръ, а предметы собственнаго потребленія, вещи, нужныя имъ для существованія, они покупаютъ на деньги, вырученные изъ продажъ этого товара. Разница между ними и другими товаровладѣльцами только та, что эти послѣдніе занимаются продажей продуктовъ труда, первые же торгуютъ своими органами и силами, выполняющими этотъ трудъ, производящими *предметы*, продаваемые другими. Товаръ рабочихъ заключается въ ихъ собственномъ тѣлѣ, они продаютъ, такъ сказать,

самихъ себя. Въ этомъ и заключается коренная разница въ источникѣ ихъ существованія и въ ихъ положеніи отъ источника существованія и положенія всѣхъ другихъ классовъ.

Такимъ образомъ, успѣхи торговли и промышленности привели у насъ къ образованію многочисленнаго класса людей, не имѣющихъ другихъ средствъ къ жизни, кромѣ продажи самихъ себя изо дня въ день, весь вѣкъ свой, и даже изъ поколѣнія въ поколѣніе. Успѣхи эти основаны, или вѣрнѣе, заключались и заключаются въ быстромъ распространеніи у насъ новаго способа добыванія средствъ къ существованію — производства вещей не для собственныхъ надобностей, а для продажи. Когда у насъ рѣчь шла о переходѣ Россіи отъ натурального хозяйства къ денежному, основанному на производствѣ товаровъ, выходило какъ будто такъ, что при этомъ новомъ способѣ существованія все взрослое населеніе состоитъ изъ самостоятельныхъ товаропроизводителей, изъ самостоятельныхъ хозяевъ, выдѣляющихъ и продающихъ товары на свой счетъ и въ свою пользу. Теперь мы видимъ, что рядомъ съ распространеніемъ товарнаго производства, рядомъ съ обращеніемъ продуктовъ труда въ товаръ, шло превращеніе и самого труда въ товаръ. Въ то время, какъ въ рукахъ однихъ товаровладѣльцевъ все болѣе и болѣе сосредоточивались главные средства производства и торговли, масса производителей все болѣе и болѣе лишалась этихъ средствъ и оказывалась въ необходимости выносить на рынокъ какъ товаръ, свою собственную рабочую силу. Главными покупателями ея явились именно владѣльцы этихъ средствъ. Зачѣмъ они покупаютъ ее? Разумѣется, за тѣмъ, чтобы извлечь изъ нея для себя возможно больше барыша, прибыли, прибавочной стоимости. Чѣмъ дешевле цѣна, которую они платятъ рабочимъ за ихъ товаръ, чѣмъ дольше они могутъ употреблять рабочую силу за ту же цѣну, тѣмъ больше прибыли получаютъ они на свой капиталъ при продажѣ товаровъ, произведенныхъ этой силой. А полученная такимъ путемъ прибыль пойдетъ на дальнѣйшее расширеніе предпріятія, на по-

купку лучшихъ машинъ, на постройку новыхъ мастерскихъ и на наемъ новыхъ рабочихъ, т. е. послужить опять такъ на производство еще большихъ барышей, увеличивающихъ капиталы попушачковъ рабочей силы и власть ихъ надъ ея собственниками, надъ рабочимъ классомъ.

Читатель, вѣроятно, и самъ находитъ несправедливымъ и нелѣпымъ такой порядокъ, при которомъ многочисленный классъ народа долженъ вѣчно, изъ поколѣнія въ поколѣние жить продажей самого себя и работать только затѣмъ, чтобы постоянно увеличивать богатства и силу своихъ эксплуататоровъ. Но объ этомъ рѣчь будетъ въ слѣдующей книжкѣ. А пока примиримся съ этимъ порядкомъ, какъ съ чѣмъ-то неизбѣжнымъ, какъ съ фактомъ, противъ котораго, до поры до времени, по крайней мѣрѣ, ничего подѣлать нельзя. Но въ такомъ случаѣ намъ приходится спросить себя: могутъ-ли рабочіе добиться какихъ-нибудь улучшеній въ своей жизни при современныхъ экономическихъ отношеніяхъ, оставаясь еще подъ властью капиталистовъ?

Вопросъ этотъ сводится, очевидно, прежде всего, къ другому, именно, къ слѣдующему: существуетъ-ли такое средство, которое давало бы рабочимъ возможность отстаивать свои выгоды противъ покупателей ихъ труда?

II.

Первое и самое главное средство для улучшения
положенія рабочихъ.

Рабочій выносить свой трудъ на продажу потому, что у него нѣтъ другихъ средствъ къ существованію. Уже одно это обстоятельство дѣлаетъ его *обыкновенно* безсильнымъ и беззащитнымъ противъ капиталиста повсюду, гдѣ число людей, вынужденныхъ жить продажей своей рабочей силы, стало очень велико. А мы уже отчасти видѣли, что въ настоящее время, благодаря

распространенію машинъ и фабрикъ, этотъ классъ людей быстро размножается. Въмѣстѣ съ тѣмъ, какъ читатель самъ знаетъ и какъ примѣрами показываетъ Кольцовъ въ своей статьѣ, машины, съ одной стороны, все болѣе и болѣе уменьшаютъ запросъ на человѣческую рабочую силу, а съ другой, даютъ капиталистамъ возможность замѣщать взрослыхъ и обучавшихся ремеслу работниковъ трудомъ болѣе дешевымъ, — трудомъ женщинъ, подростковъ и даже дѣтей. Все это отнимаетъ у рабочаго всякую возможность сопротивленія эксплуататорской жадности покупателей его труда. На одного предпринимателя имѣются сотни и тысячи рабочихъ, ищущихъ, гдѣ бы и кому бы сбыть свой товаръ, а потому онъ всякому рабочему можетъ спокойно сказать: „Бери столько-то, а не хочешь — не найо, много голоднаго народа обиваетъ пороги въ поискахъ за работой, найдутся охотники работать и за такую цѣну“.

При правильной, сколько-нибудь честной торговлѣ — особенно въ промышленныхъ и образованныхъ странахъ — покупатели и продавцы договариваются между собою, какъ люди равноправные и равносильные. Въ отношеніяхъ же капиталиста къ рабочему обыкновенно одна сторона, именно покупающая, рѣшаетъ большей частью все дѣло, она одна устанавливаетъ цѣну на покупаемый ею товаръ, рабочую силу, и всѣ условія, при которыхъ послѣдняя будетъ пущена въ ходъ. Продавцу приходится тутъ покорно соглашаться на всѣ предложенія и требованія своего покупателя — или же голодать и пойти побираться христовымъ именемъ, попадая при этомъ въ кутузку и претерпѣвая всевозможныя мытарства отъ полиціи.

Я только-что сказалъ: покупатель рабочей силы самъ опредѣляетъ и условія, въ которыхъ онъ будетъ ею пользоваться. Этимъ я оттѣнилъ еще одну огромную разницу между продажей и покупкой труда и всѣми другими торговыми сдѣлками. Хлопчато-бумажному фабриканту, землевладѣльцу, скотопрмышленнику рѣшительно все равно, что сдѣлаетъ покупатель съ купленными имъ у нихъ предметами. Хотя бы

онъ ихъ въ воду бросялъ, — какое имъ дѣло до этого, разъ они свои деньги получали. Но товаръ рабочаго — это собственно самъ же рабочій, органы и силы его же тѣла. Слѣдовательно, отъ того, какъ покупатель рабочей силы — хозяинъ, капиталистъ, — будетъ пользоваться ею, будетъ зависѣть здоровье и вся жизнь ея собственника. Черезчуръ продолжительная и напряженная работа влечетъ за собою раннее истощеніе организма, укорачиваетъ жизнь рабочаго, притупляетъ его умъ и убиваетъ въ немъ жизненную энергію всѣхъ его силъ. Такое же разрушительное дѣйствіе на рабочаго имѣютъ пыль, сырость, чрезмѣрный жаръ или холодъ въ мастерскихъ, большая тѣснота и вообще нездоровое устройство рабочихъ помѣщеній. Я ужъ не говорю о прямыхъ опасностяхъ для жизни, съ которыми связаны работы въ нѣкоторыхъ производствахъ, особенно при добываніи руды и каменнаго угля въ глубокихъ шахтахъ. Само собою разумѣется, что болѣзни, хилость, истощеніе, производимыя скверной обстановкой и чрезмѣрной продолжительностью работы, нерѣдко переходятъ по наслѣдству къ дѣтямъ и ведутъ, слѣдовательно, къ вырожденію рабочихъ, къ ослабленію ихъ физическихъ и умственныхъ силъ.

Отсюда само собою слѣдуетъ, что рабочимъ приходится договариваться съ покупателями ихъ товара не только о цѣнѣ его, но и о многихъ другихъ вещахъ. И всѣ эти вещи относятся къ устройству мастерской и вообще къ внутреннимъ распорядамъ предпріятія хозяина. Другими словами, продавая свою рабочую силу, собственники ея должны предъявлять своимъ покупателямъ такія требованія, которыя являются прямымъ вмѣшательствомъ въ ихъ хозяйственную дѣятельность, прямымъ стѣсненіемъ ихъ воли и ограниченіемъ ихъ хозяйскихъ правъ. И всѣ эти ограниченія связаны съ увеличеніемъ расходовъ на устройство и веденія предпріятія и съ соотвѣтственнымъ уменьшеніемъ прибыли отъ него — при томъ же числѣ рабочихъ. Такимъ образомъ, изъ всѣхъ товаровладѣльцевъ рабочіе оказываются — или должны бы оказаться — наиболѣе требо-

вѣтельными, наиболѣе непріятными торговцами. А въ то же время рабочій меньше всякаго другого продавца — при исполнѣнн свободной конкуренціи — въ силахъ навязать своему покупателю условія, мало-мальски невыгодныя для покупателя.

Все это, однако, справедливо только, по скольку каждый изъ рабочихъ въ одиночку имѣеть дѣло со своимъ покупателемъ. Но и они оказываются въ состоянн производить извѣстное давленіе на капиталиста и вынуждать его къ уступкамъ, лишь только имъ удастся соединиться въ большіе союзы. Это средство противъ безсилія и беззащитности рабочаго давно уже найдено и испробовано рабочими на Западѣ.

Тамъ, гдѣ значительная часть рабочихъ соединилась въ такіе союзы, имъ уже не приходится въ одиночку торговаться и договариваться съ предпринимателями. Каждый изъ рабочихъ является какъ бы гражданиномъ своего особаго государства, которое оберегаетъ и защищаетъ его интересы противъ обидъ и несправедливостей со стороны хозяевъ, составляющихъ другое, враждебное первому государство. Переѣхавъ въ другой городъ, англійскій рабочій не пойдетъ самъ къ любому фабриканту проситься на работу, а отправится онъ прежде всего къ мѣстному комитету своего союза. Этотъ послѣдній всегда ведетъ списокъ предпринимателямъ, нуждающимся въ работникахъ. *Нижшій* размѣръ заработной платы и всѣ условія найма заранее извѣстны и опредѣлены на основанн договора между комитетомъ и предпринимателями. Являясь въ мастерскую съ билетикомъ въ рукахъ отъ своего комитета, рабочій можетъ быть увѣренъ, что его примутъ на этихъ условіяхъ. Ну, а если въ данномъ городѣ нѣтъ запроса на новыхъ работниковъ? На такой случай у cadaго комитета имѣется особая касса для выдачи пособій на переѣздъ въ другое мѣсто. А въ какое именно мѣсто, — это опять-таки ему не трудно рѣшить, такъ какъ онъ изъ главнаго, центрального управленія получаетъ или можетъ получить свѣдѣнн о состоянн запроса на рабочихъ во всѣхъ частяхъ государства. Точно также и

при всякихъ спорахъ и несогласіяхъ рабочихъ съ хозяевами союзъ ихъ спѣшитъ и обязанъ спѣшитъ своей денежной помощью имъ и защитой ихъ противъ послѣднихъ. Если несогласія ограничиваются одной небольшой фабрикой, все дѣло принимаетъ на себя мѣстный комитетъ. Въ случаѣ же крупныхъ столкновений, веденіе переговоровъ съ хозяевами (или комитетомъ ихъ союза) беретъ на себя центральное управленіе. И если въ кассѣ союза недостаточно денегъ, чтобы содержать долго семьи всѣхъ стачечниковъ, на помощь являются союзы рабочихъ всѣхъ другихъ ремеслъ или отраслей промышленности. А въ очень трудныхъ случаяхъ поддержка является и со стороны заграничныхъ рабочихъ союзовъ.

Стачки и помощь при исканіи работы сами по себѣ далеко, однако, еще недостаточны для огражденія рабочихъ противъ чрезмѣрной хозяйской эксплуатаціи. Поддержка во время стачекъ и безработицы уменьшаетъ конкуренцію между ними и тѣмъ самымъ дѣлаетъ ихъ гораздо сильнѣе противъ покупателей ихъ труда, чѣмъ если бы они имѣли съ ними дѣло каждый порознь. Но все же замѣтныхъ, а главное, *прочныхъ* улучшеній въ жизни рабочихъ путемъ одной только, такъ сказать, частной борьбы ихъ союзовъ съ капиталистами, добиться нельзя. Чтобы не удлиннять черезъ мѣру статью, я не буду останавливаться на вопросѣ: „почему нельзя?“ При томъ же мнѣ придется касаться его въ слѣдующей книжкѣ. А потому, ради примѣра только, ограничусь теперь указаніемъ лишь на безмѣрную эксплуатацію женскаго и дѣтскаго труда, да на нездоровыя, часто опасныя для жизни рабочихъ условія, въ которыхъ производится работа. Вполнѣ устранить это двоякое зло, подкапывающее въ корнѣ силы рабочаго класса, отдѣльный капиталистъ, даже при добромъ желаніи, далеко не всегда бываетъ въ состояніи. Если, положимъ, какой-нибудь фабрикантъ перестанетъ принимать къ себѣ на работу дѣтей, а женщинъ и подростковъ будетъ держать на работѣ, примѣрно, всего только въ теченіе шести часовъ, да платить имъ будетъ по божески, то

онъ окажется не въ состоянїи выдержать конкуренцію своихъ соперниковъ, такъ какъ ему каждая штука его товара обойдется дороже, чѣмъ имъ. Въ такомъ же невыгодномъ положенїи онъ очутился бы по сравненїю со своими конкуррентами, если бы онъ сдѣлалъ большія затраты на устройство рабочихъ помѣщенїй, сообразно со всѣми требованїями науки о здоровьѣ людей (гигиены). Подобныхъ ограниченїй хозяйской эксплуатаціи можно добиться только путемъ подчиненїя всего класса капиталистовъ извѣстнымъ обязательнымъ для нихъ всѣхъ правиламъ. А это въ состоянїи сдѣлать одна только государственная власть, издавая соотвѣтствующіе законы и учреждая строжайшїй надзоръ за ихъ исполненїемъ.

Но и тутъ опять-таки главная роль выпадаетъ на долю рабочихъ союзовъ. Во главѣ государства стоять до сихъ поръ во всѣхъ странахъ представители или друзья эксплуататоровъ. Такіе государственные люди не стануть, разумѣется, добровольно принимать какія-нибудь серьезныя мѣры противъ хозяевъ — въ пользу рабочихъ. Кто же можетъ произвестъ давленїе на такую государственную власть и заставить ее принять такія мѣры? Опять-таки никто, кромѣ самихъ рабочихъ, при посредствѣ своихъ союзовъ. Для этого они въ свободныхъ странахъ издають и распространяють въ десяткахъ тысячъ, а иногда въ милліонахъ экземпляровъ газеты, брошюры и воззванїя, яркими красками описывающїе гнетъ и страданїя, которыя приходится выносить рабочимъ отъ предпринимателей, устраивають по всей странѣ огромныя народныя собранїя, подають правительству и парламенту жалобы на хозяевъ съ требованїями разныхъ законовъ и мѣропрїятїй, за подписью сотенъ тысячъ и милліоновъ человекъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, повсюду, гдѣ только рабочіе имѣють право голоса при выборахъ представителей (гласныхъ) отъ населенїя въ городскія думы, въ земскія собранїя и парламенты, во всѣхъ такихъ странахъ союзы ихъ стараются о томъ, чтобы выбрано было возможно большее число депутатовъ отъ нихъ, или, по крайней мѣрѣ, лицъ, обѣщающихъ имъ поддерживать ихъ требованїя. Можно смѣло ска-

зять, что нѣтъ на западѣ ни одного закона, ни одного учрежденія въ пользу рабочихъ, на завоеваніе котораго имъ не пришлось бы потратить многихъ лѣтъ самой лихорадочной агитаци и самой напряженной борьбы. Только путемъ такихъ усилій, рабочимъ организаціямъ удавалось и удается вызвать общенародное негодование противъ указываемыхъ ими хозяйскихъ несправедливостей и безобразій и привлечь на свою сторону то образованное меньшинство высшихъ классовъ, въ груди котораго не заглохла еще способность возмущаться неправдой и произволомъ сильныхъ. И только подъ напоромъ такого всеобщаго возбужденія умовъ и чувствъ въ странѣ государственная власть уступала обыкновенно до сихъ поръ требованіямъ низшихъ классовъ.

Невозможно на двухъ-трехъ страницахъ очертить всю дѣятельность и все вліяніе рабочихъ союзовъ въ передовыхъ странахъ Европы, Америки и Австраліи. Не это я и имѣлъ въ виду, коснувшись этихъ союзовъ. Я только хотѣлъ въ немногихъ словахъ указать на ихъ первостепенную важность, на ихъ основное, жизненное значеніе для рабочаго класса. Безъ нихъ, онъ такъ же беззащитенъ противъ произвола и ненасытности своихъ эксплуататоровъ, какъ беззащитна нація безъ войска, вооруженія и крѣпостей — противъ вооруженнаго съ ногъ до головы непріятели. Сплоченіе рабочихъ въ большіе союзы для правильной, открытой войны съ эксплуататорами, неустанная защита ими интересовъ и выгодъ своего класса въ собраніяхъ и печати — вотъ, стало быть, первое и важнѣйшее средство для улучшенія его быта. А отсюда уже само собою ясно, какое коренное значеніе имѣетъ для рабочихъ обладаніе правомъ и свободой открыто пользоваться этимъ средствомъ самозащиты.

Вопросъ, которымъ я закончилъ предыдущую главу, привелъ насъ, такимъ образомъ, къ другому, именно: признають-ли русскіе законы за рабочими такое право? Всѣмъ извѣстно, что нѣтъ, что русскіе рабочіе лишены всякихъ средствъ самозащиты противъ эксплуатаціи и угнетенія. Кто не слыхалъ о тѣхъ преслѣдованіяхъ,

которымъ подвергаются они за всякую попытку сопротивленіи хозяйскому произволу. Подъ страхомъ строжайшихъ наказаній обязаны у насъ рабочіе покорно и безропотно переносить злоупотребленія и произволъ тѣхъ, на кого они работаютъ, кого они тяжелымъ трудомъ своимъ обогащаютъ. А чтобы они не вздумали самовольно выходить изъ своего безправнаго состоянія, царское правительство окружаетъ ихъ десятками тысячъ жандармовъ, полицейскихъ и шпионовъ, обязанныхъ зорко слѣдить за всѣми ихъ движеніями, за всѣми ихъ попытками просвѣтить свои головы образованіемъ и хоть чѣмъ нибудь и какъ нибудь выразить протестъ противъ хозяйскаго гнета.

Предметомъ нашей бесѣды служить вопросъ: чего теперь главнымъ образомъ добиваться русскимъ рабочимъ? Изъ только что сказаннаго уже вытекаетъ отчасти и отвѣтъ на этотъ вопросъ: они должны прежде всего добиваться права открыто соединяться въ союзы для веденія правильной, дружной войны, какъ противъ отдѣльныхъ капиталистовъ, такъ и противъ правительства, держащаго руку послѣднихъ. Завоеваніе этого права является первымъ шагомъ, необходимымъ условіемъ для достиженія ими сколько-нибудь серьезныхъ улучшеній въ ихъ жизни.

Но безправіе русскихъ рабочихъ есть только одно изъ проявленій и послѣдствій всеобщаго безправія русскаго народа передъ своимъ царемъ. Если правительство жестоко преслѣдуетъ и наказываетъ ихъ за всякую попытку самообороны противъ жадности и произвола капиталистовъ, то оно поступаетъ такъ на томъ же основаніи и по тому же праву, въ силу котораго помещичьи управляющіе въ „доброе старое время“ могли засѣкать крѣпостныхъ сдавать ихъ въ рекруты и ссылатъ въ каторгу за всякое проявленіе строптивости или даже слабаго недовольства. Помѣщикъ былъ господиномъ работавшихъ на него крестьянъ, а они — его „подданными“, не имѣвшими права даже временно отлучаться изъ его владѣній безъ особаго разрѣшенія. Тутъ и рѣчи не могло быть о какихъ бы

то ни было правахъ населенія на защиту своего имущества и своей жизни, — не только противъ самовластиа помѣщиковъ, но и противъ всякихъ посягательствъ ихъ управляющихъ и лакеевъ, любимцевъ и любовницъ. Царь — тотъ же помѣщикъ, съ тою разницей, что его безграницное самовластїе простирается на цѣлую имперію и — по увѣренію царскихъ льстецовъ и прислужниковъ изъ духовенства — пожаловано ему самимъ богомъ. Царя-де — помѣщики „божьей милостью“, самимъ богомъ помазанные на вѣчное потомственное владѣніе всей Россїей со всѣмъ ея населеніемъ. Такъ они всегда смотрѣли на нее и управляли ею, какъ своей родовой вотчиной, закрѣпощенной царской фамиліи на вѣки вѣчные.

Такимъ образомъ оказывается, что завоеваніе рабочими права отстаивать соединенными силами свои интересы неразрывно связано съ разрушеніемъ самого фундамента нашего государственнаго (политическаго) зданія и съ коренной перестройкой его. Но спрашивается: какъ отнесутся другіе слои населенія Россїи къ такому перевороту? Является-ли онъ и для нихъ такой же *экономической* необходимостью, какъ для рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова? Если нѣтъ, то положеніе послѣднихъ пока, по крайней мѣрѣ, почти безвыходно, потому что въ борьбѣ за свою свободу они стояли бы одиноко -- противъ огромныхъ военныхъ и полицейскихъ силъ царя, поддерживаемаго всякаго рода капиталистами. Да и огромное большинство народной массы стояло бы за царя противъ нихъ. Посмотримъ, поэтому, какъ вліяло и вліяетъ царско-чиновничье самодержавіе на *экономическую* жизнь народныхъ массъ вообще и, главнымъ образомъ, крестьянства.

III.

ЦАРСКОЕ КРѢПОСТНОЕ ПРАВО И „НОВОЕ КРѢПОСТНИЧЕСТВО“.

Въ глазахъ царей русскихъ народъ съ древнѣйшихъ временъ имѣлъ одну обязанность и одно назначеніе на землѣ: давать имъ средства для содержанія большого войска и многочисленнаго штата управляющихъ, приказчиковъ и т. д. (чиновниковъ), да содержать въ роскоши саму царскую семью со всею ея огромной дворней („дворомъ“). Для этого они когда-то половину русской земли со всѣмъ населеніемъ, освободившимъ ее отъ лѣсовъ и болотъ и воздѣлывавшимъ ее, роздали, вмѣсто жалованья или въ награду, своимъ слугамъ и холопамъ, и возвели ихъ, такимъ образомъ, въ званіе помѣщиковъ, дворянъ, господъ. Крѣпостные были, однако, освобождены отъ помѣщичьей власти, когда власть эта стала помѣхой для увеличенія доходовъ казны и для содержанія войска, достаточно сильнаго, чтобы обезпечить царю почетное мѣсто среди другихъ государствъ Европы. Но вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ своихъ господъ, крестьяне „освобождены“ были и отъ лучшей части искони принадлежавшихъ имъ земель. Лучшія земли отобраны были у нихъ и оставлены за помѣщиками. Сотни тысячъ „освобожденных“ остались совсѣмъ или почти совсѣмъ безъ земли. Остальные же, хотя и получили „надѣлы“, но большей частью слишкомъ мелкіе и слишкомъ плохіе — часто безъ лѣса и луговъ, — чтобы можно было прокормиться на нихъ. Но и эти „надѣлы“ не достались имъ даромъ. Ихъ оцѣнили въ три-дорога и обложили крестьянъ на 49 лѣтъ ежегоднымъ выкупнымъ налогомъ (выкупные платежи) въ десятки милліоновъ рублей. А вмѣстѣ съ другими налогами и податями крестьянамъ приходится платить въ казну за свою надѣльную землю въ два, нерѣдко въ три, и даже въ нѣсколько разъ больше того, что сами они получаютъ съ нея.

Но, спрашивается, какой человекъ, въ здоровомъ умѣ, станетъ держать землю, которая его не кормитъ, при столь раззорительныхъ условіяхъ? Совершенно справедливо: *добровольно* никто этого дѣлать не станетъ. Но развѣ русскій крестьянинъ — свободный человекъ, имѣющій полное право распоряжаться своимъ имуществомъ и своею личностью? Нашъ крестьянинъ — все еще крѣпостной, жизнь котораго состоить въ выполненіи повинностей, возложенныхъ на него помѣщикомъ-царемъ. Его собственныя интересы и выгоды, здоровье и благосостояніе не идутъ въ счетъ. Александръ II-й, прославленный льстецами и простофилями „царемъ-освободителемъ“, „надѣлил“ большинство крестьянъ землей не ради нихъ самихъ, а ради себя, ради своей казны — все равно какъ прежде помѣщики надѣляли своихъ крѣпостныхъ землю за тѣмъ, чтобы получать съ нихъ оброкъ. Какое дѣло было помѣщику до того, хотятъ или не хотятъ его крестьяне сидѣть на отведенной имъ землѣ. Если онъ находилъ выгоднымъ для себя, то они *обязаны* были сидѣть на ней, не смѣли отказываться отъ нея. Вотъ точно такъ же поступило и поступаетъ царское правительство съ крестьянами. Оно *прикрѣпило* ихъ къ надѣльной землѣ, отведенной каждой деревнѣ или „миру“. За отказъ отъ нея, или попытку спастись отъ нея бѣгствомъ, крестьянъ наказывали и наказываютъ, какъ бунтовщиковъ. Такимъ образомъ, каждое село въ нашей имперіи обращено въ клѣтку, въ которой напиханы человѣческія существа, часто задыхающіяся въ нихъ отъ недостатка воздуха, пищи и отъ тѣсноты, но выходъ изъ нея имъ закрытъ и строго-на-строго запрещенъ. Въ западныхъ странахъ крестьянинъ есть самостоятельное лицо, само за себя отвѣчающее, само вѣдающееся съ начальствомъ, свободно распоряжающееся своимъ имуществомъ, соотвѣтственно съ которымъ оно и подати платитъ. Онъ можетъ, поэтому, и мѣсто жительства свое мѣнять, ни у кого не спрашивая — зволенія, переѣзжать, когда и куда ему угодно — даже за границу ему переселиться никто запретить права не имѣеть. У насъ же мужикъ

привязанъ желѣзною цѣпью круговой поруки односельчанъ къ міру, къ извѣстному селу, за околицу котораго, а тѣмъ болѣе за предѣлы волости, онъ безъ особаго разрѣшенія не имѣетъ права отлучаться. Міръ долженъ вносить въ казну ежегодно, положимъ, 500 р. за 200 десятинъ надѣльной земли. Пустуетъ-ли половина этой земли, разбѣжалась-ли цѣлая половина села за три-девять земель, — казна все равно будетъ взыскивать всѣ 500 рублей, — передъ ней отвѣчаетъ весь міръ, отдѣльный хозяинъ не существуетъ для нея. И если начальство признаетъ въ немъ человѣка, то лишь постольку, поскольку его можно подвергать тѣлеснымъ наказаніямъ, сажать въ тюрьму, да брать въ солдаты. Французскій, нѣмецкій или даже австрійскій крестьянинъ подумаетъ, что надъ нимъ смѣются, если ему скажутъ, что въ Россіи истязаютъ людей розгами за несвоевременный взносъ податей. Крестьяне западныхъ странъ развѣ только изъ рассказовъ о давней старинѣ слышали, что когда-то помѣщики имѣли право по своему произволу облагать своихъ крѣпостныхъ всевозможными повинностями и наказывать ихъ розгами за малѣйшее, хотя бы и невольное упущеніе. Но чтобы стомилионное населеніе находилось въ настоящее время въ такомъ безправномъ, закрѣпощенномъ состояніи у своего правительства, чтобы цѣлая огромная имперія управлялась стариннымъ, помѣщичьимъ способомъ, — это гражданамъ свободныхъ государствъ и вообразить себѣ трудно.

Откуда же и какъ, однако, крестьяне добываютъ средства къ жизни и на уплату податей, когда у большинства изъ нихъ надѣлы недостаточны даже на прокормленіе семьи и скота, необходимаго въ крестьянскомъ быту? А это ужъ ихъ дѣло. На то они „мужики“. Начальство же зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы они въ казну исправно вносили все слѣдующее съ нихъ. Для взысканія податей съ недоимщиковъ оно имѣетъ право не останавливаться ни передъ какими средствами, какъ бы жестоки и безчеловѣчны они ни были. Насильственная продажа кулакамъ только что сложеннаго въ снопы хлѣба, скота, домашняго скарба, снесеніе крышъ и даже

всей избы, хотя бы всей семьѣ съ дѣтьми пришлось бы валяться на улицѣ въ непролазной грязи, въ холодѣ и дождѣ, — все это дозволено царскимъ правительствомъ и все это пускается въ ходъ. Если староста проявитъ недостаточно жестокости при взиманіи податей, ему грозитъ тюрьма или другія наказанія. На него налагаютъ волостныя власти, на послѣднія давить исправникъ, становой, земскій начальникъ, а ихъ подгоняетъ на всякія строгости губернаторъ, подгоняемый съ своей стороны ближайшими слугами и совѣтниками царя — его министрами. Зато когда удалось всевозможными путями выколотить изъ „неплательщиковъ и недоимщиковъ“ порядочный кушъ для казны, царь или его министръ внутреннихъ дѣлъ спѣшитъ выразить благодарность всей этой вереницѣ мѣстныхъ начальниковъ и угнетателей народа. Но никакими выколачиваніями, никакими звѣрствами нельзя заставить мужика извлекать изъ своего жалкаго надѣла даже половину того, что ему необходимо для содержанія семьи и уплаты податей. Огромному большинству нашихъ крестьянъ приходится, поэтому, прибѣгать къ арендѣ земли у своихъ бывшихъ помѣщиковъ и у крупныхъ землевладѣльцевъ вообще, наниматься на работу къ тѣмъ же землевладѣльцамъ или искать заработка гдѣ нибудь на сторонѣ, уходить на фабрики и заводы — если сельское начальство позволить — и, наконецъ, обращаться за ссудами къ богачамъ-„благодѣтелямъ“. А такъ какъ поиски за сторонними, *внѣнадѣльными* доходами и заработками совершаются подъ страхомъ голодной смерти, начальническихъ истязаній и полного раззоренія всего хозяйства, то они являются вмѣстѣ съ тѣмъ средствомъ для закабалванія крестьянъ всевозможнымъ эксплуататорамъ.

Во многихъ мѣстностяхъ образовалось какое-то новое крѣпостное право — говорить г. Слонимскій*) — господами являются уже не помѣщики, а кабатчики, кулаки

*) См. ст. Г. Плеханова „Всероссійское Раззореніе“, въ „С.-Д.“, № 4, стр. 93.

и міроѣды, грубые полуграмотные хищники, разоряющіе народъ съ безпощадною послѣдовательностію. Необходимость взноса податей въ самыя неудачныя для хозяйства сроки... заставляютъ крестьянскія массы прибѣгать къ займамъ на условіяхъ, столь убійственныхъ, что о нихъ „не мечтали худшіе ростовщики на западѣ“.

Г. Сазоновъ, посвятившій особую книгу ростовщическому гнету; такъ прямо и называетъ это зло „порепороченнымъ крѣпостничествомъ“. По его изслѣдованіямъ, должники выдаютъ обыкновенно за ссуду въ 5-10 руб. (много-много за 20 руб.) вексель на 100 руб. т. е. обязательство уплатить займодавцу въ 20 или, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ больше, чѣмъ они въ дѣйствительности взяли у него. Обманами, хитростями и всяческими средствами ростовщики наваливаютъ на свои жертвы *тысячи* процентовъ и заставляютъ ихъ изъ года въ годъ *отрабатывать* эти проценты. Въ Пороховскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи, крестьяне называютъ эти отработки *барщиной*. „Вотъ что было прежде при крѣпостномъ — говорили они Г. Сазонову — такъ теперь тяжеле еще донимаетъ насъ эта барщина на благодѣтелей-богачей“*) При помощи такой „барщины“ „благодѣтели“ ведутъ свое земледѣльческое хозяйство. „Если — говорить только что названный писатель — ростовщики производятъ посѣвы и косить луга, то все даровымъ трудомъ должниковъ“ (стр. 141).

Когда же ростовщикъ-наукъ высосалъ изъ своей жертвы всю кровь ея, когда дальнѣйшее сохраненіе даже только наружной хозяйской самостоятельности должника перестаетъ приносить ему выгоду, онъ окончательно и безповоротно разоряетъ его. Ростовщики отнимаютъ земли у массы крестьянъ тамъ, гдѣ она можетъ давать имъ порядочный доходъ, и „буквально разрушаютъ жилища, продаютъ на сломъ всѣ постройки, весь скотъ, усадьбу, все имущество, выбрасываютъ на улицу цѣлыя сотни семей на позоръ, голодъ и нищен-

*) Г. П. Сазоновъ, Ростовщичество-кулачество, стр. 175.

ство^{*)}). И въ этомъ кулакамъ нерѣдко содѣйствуютъ власти. Совершенно то же самое сообщалось нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ о раззореніи крестьянъ ростовщиками въ Самарской губ. „Экономическая задолженность населенія ростовщичу не рѣдко тянется цѣлые годы, тянется до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не раззоритъ крестьянина: продается на сломъ изба, сарай, рабочій скотъ, телѣга, а самъ раззорившійся поступаетъ къ кому-нибудь въ батраки вмѣстѣ съ женой^{**)}).

А сколько десятковъ или сотенъ тысячъ таковыхъ крестьянъ уже раззорены, обращены въ батраки! Кто имъ ведетъ счетъ у насъ? Конечно, не царское правительство, по милости котораго кулакамъ такъ легко улавливать крестьянскія массы въ свои паутинныя сѣти. И хорошо еще, если вмѣстѣ съ лишеніемъ хозяйской самостоятельности крестьянину удастся освободить свои слабыя плечи и отъ непосильнаго бремени податей, лежащихъ на его надѣлѣ. А то вѣдь бываетъ и такъ, что надѣлъ то взявъ себѣ кулакъ за долги, извлекаетъ изъ него трудомъ бывшего его владѣльца хорошій барышъ, а владѣлецъ-то этотъ, превратившійся въ батрака, все же продолжаетъ вносить подати казнѣ.

Власть этихъ эксплуататоровъ надъ своими жертвами у насъ нерѣдко называютъ „новымъ крѣпостнымъ правомъ“. Но наша подцензурная печать не смѣетъ назвать настоящій источникъ этого „новаго крѣпостничества“. Та же сила, которая не даетъ русскимъ рабочимъ поставить себя въ условіи, благопріятныя для выгодной продажи ихъ труда, является и главной виновницей порабощенія десятковъ милліоновъ крестьянъ кулаками, землевладѣльцами и т. д. Мѣсто не позволяетъ подробнѣе останавливаться на описаніи тѣхъ многообразныхъ путей и средствъ, при помощи которыхъ новые эксплуататоры закабалили и закабаливаютъ себѣ огромныя массы русскаго народа. Но почти всѣ эти пути и средства сводятся къ одному источнику: — къ

*) Сазоновъ, тамъ же, стр. 200.

**), Всероссийское Раззореніе.

вотчинной, самодержавной власти царя надъ русскимъ народомъ. Во времена натурального хозяйства, когда главные предметы существованія не покупались, а производились у себя на дому, царское крѣпостное право породило помѣщичье крѣпостное право. Съ развитіемъ же денежнаго хозяйства, съ успѣхами торговли и промышленности, царское самовластіе должно было стать источникомъ и орудіемъ „закрѣпощенія“ и *закабаленія* народныхъ массъ заимодавцамъ, купцамъ, землевладѣльцамъ и „работодателямъ“. Распространеніе этого новаго способа добыванія средствъ къ существованію не могло не вызвать этого новаго класса эксплуататоровъ на свѣтъ божій. Добываніе средствъ къ жизни, основанное на производствѣ и продажѣ товаровъ, есть особаго рода война, которая, какъ и всякая война, несетъ разореніе и смерть однимъ, богатство и власть другимъ. Лучшее вооруженіе и лучшая подготовка, пронырливость и бездушная жестокость, не говоря уже о счастливыхъ случайностяхъ, въ этой войнѣ играютъ еще большую роль, чѣмъ въ обыкновенныхъ войнахъ. А потому тамъ, гдѣ торговля и промышленность начинаютъ сильно распространяться, онѣ неизбежно приводятъ къ превращенію одной части населенія — меньшей — въ капиталистовъ (побѣдителей), а другой — гораздо большей — въ эксплуатируемыхъ ими должниковъ, арендаторовъ и наемныхъ работниковъ. Но едва ли есть одна страна на Западѣ, гдѣ бы денежное хозяйство въ такое короткое время привело къ такому страшному обездоленію низшихъ классовъ, какъ у насъ, и что *особенно важно*, къ такому закабаленію, порабощенію ихъ всевозможнымъ эксплуататорамъ и ловкачамъ по части обиранія „ближнихъ“. И въ самыхъ передовыхъ странахъ много, слишкомъ много бѣдности, нищеты и всяческой эксплуатаціи бѣдныхъ богатыми. Но все же и сравнивать нельзя положенія большинства нашихъ рабочихъ, крестьянъ и мелкихъ ремесленниковъ съ положеніемъ народныхъ массъ въ промышленныхъ и свободныхъ государствахъ. И понятно почему.

Представьте себѣ, что сторона, нападающая, вооружена

съ ногъ до головы, а тѣ, на которыхъ она нападаетъ, не только лишены всякихъ средствъ сопротивленія, но еще закованы въ желѣзныя цѣпи. Не правда-ли, тутъ ужь собственно нельзя говорить ни о войнѣ, ни о побѣдѣ или пораженіи. Просто взяли, да отдали людей шайкѣ разбойниковъ на явный грабежъ и убійство. Такъ вотъ съ такими именно оковами на рукахъ и ногахъ и выпустило царское правительство помѣщичьихъ крѣпостныхъ на „волю“ въ такое время, когда и у насъ уже начинала разгораться борьба, называемая развитіемъ торговли и промышленности. И въ такихъ же оковахъ продолжаетъ оно держать народныя массы, и до сихъ поръ, не смотря на то, что борьба эта охватила уже всю Россію. Что же удивительнаго въ томъ, что всѣ торговыя сношенія между этими массами и эксплуататорскими слоями русскаго народа отличаются явно грабительскимъ характеромъ? Лѣтомъ, тотчасъ послѣ уборки хлѣба, начальство заставляетъ крестьянъ во многихъ мѣстахъ за безцѣнокъ продавать свой хлѣбъ. Весною же, а то и съ осени имъ приходится покупать обратно свой же хлѣбъ, но уже по страшно высокой цѣнѣ, у тѣхъ самыхъ кулаковъ, которымъ онъ за мѣсяць или нѣсколько мѣсяцевъ до того чуть не даромъ проданъ былъ. Развѣ можно назвать такую *принудительную* продажу — изъ подъ начальнической палки или подъ угрозой лишенія съ семьей своего жилища, скота и всего скарба — торговой сдѣлкой? И также мало походить на свободную торговую сдѣлку обратная покупка своего же хлѣба подъ страхомъ голодной смерти. Еще менѣе похожъ на такую сдѣлку „наемъ на работы *недоимщиковъ*, обыкновенно *безъ ихъ согласія*, по сдѣлкамъ съ волостнымъ начальствомъ, агентами землевладѣльцевъ, лѣсоторговцевъ и заводчиковъ, приѣзжающими специально для того часто изъ отдаленныхъ губерній“ *). Это ужь даже по наружному виду не имѣетъ характера торговли между свободными людьми. Собственникъ рабочей силы не играетъ

*) Заимствовано у Плеханова въ ст. „Всероссійское Раззореніе“.

тутъ роли продавца; продавцемъ выступаетъ начальство, а прямой цѣлью служить — извлеченіе дохода для царской казны.

Выше я говорилъ о беззащитномъ положеніи русскихъ рабочихъ въ томъ смыслѣ, что они лишены права составлять союзы и совмѣстно добиваться лучшихъ условій продажи своего товара, своей рабочей силы. Теперь мы видимъ, что положеніе ихъ еще гораздо хуже, что значительная часть изъ нихъ сама въ буквальномъ смыслѣ слова играетъ роль товара въ рукахъ начальства для наполненія казенныхъ сундуковъ. Только та часть рабочихъ, которая не принадлежитъ къ крестьянскому сословію или которой удалось ужъ окончательно освободиться отъ насильно навязаннаго имъ жалкаго земельного надѣла вмѣстѣ съ лежащими на немъ податями, — только эти рабочіе могутъ хоть наружно, хоть въ одиночку выступать самостоятельными продавцами своего труда и болѣе или менѣе свободно распоряжаться вырученными изъ его продажи деньгами. Огромное же большинство рабочаго люда прикрѣплено еще къ землѣ, которая его не кормитъ и которая часто и не обрабатывается своимъ владѣльцемъ. Этому большинству приходится платить подати казнѣ изъ своего заработка — на фабрикахъ, заводахъ, у землевладѣльцевъ. Земельный же надѣлъ такихъ рабочихъ-крестьянъ служитъ только — благодаря круговой поруки міра передъ начальствомъ — цѣлью, при помощи которой начальство держитъ ихъ на привязи и можетъ распоряжаться ими какъ невольниками. Въ какое положеніе неволя эта ставитъ ихъ у „работодателей“, можно судить хоть по слѣдующему извлеченію изъ разсказа г. Сазонова о жизни рабочихъ алебастроваго промысла въ Нижегородской и Владимірской губ. Въ среднемъ, самая большая плата не превышаетъ 15 коп. въ день. Но и этотъ нищенскій заработокъ всецѣло идетъ на *подати, недоимки* и проценты на долгъ (сдѣланный, конечно, изъ-за податей) кулаку. „Фактически ему (купцу Быкову въ Муромскомъ уѣздѣ) легко раззорять и закабалить населеніе, т. к. оно *обездолено* реформой (т. е. царскимъ

освобожденіемъ отъ помѣщичьей власти). Земли мало и плоха, никакихъ заработковъ, кромѣ алебастроваго, нѣтъ... Работники же, закабаленные кулакомъ, находясь къ нему въ обязательныхъ отношеніяхъ, безгласны. Дѣло въ томъ, что осенью и зимою Быковъ даетъ крестьянамъ задатки, но *черезъ старостъ*, которые *вычитаютъ нужное на подати*. Старосты въ свою очередь выдаютъ изъ волости обязательства отъ лица каждаго работать у Быкова. И вѣроятно среди этихъ мучениковъ мало недоимщиковъ и, вѣроятно, мѣстная администрація (урядники, становые, исправники, губернаторъ) получаетъ награды и благодарность отъ начальства (высшаго)... за усердіе“ (стр. 73-74).

Тутъ, какъ видите, и подобія нѣтъ обычной торговой сдѣлки, называемой наймомъ рабочаго, или куплей-продажей рабочей силы. Не рабочій нанимается, не онъ продаетъ свой товаръ, а его *отдаетъ* въ наемъ начальство, т. е. царскіе прикащики продаютъ его кулаку. А кулаки, съ своей стороны, обращаются съ нимъ какъ съ невольниками, въ которыхъ убито всякое сознание своихъ человѣческихъ правъ, всякое чувство своего человѣческаго достоинства. „Здѣсь не услышишь протеста, не услышишь никакой брани, негодованія на мучителя своего, не увидишь никакой попытки выбиться изъ этого положенія, да и возможности нѣтъ. Убиты силы, притуплено чувство, порабощена воля, угнетено подъ пятой кулака человѣческое достоинство“ (стр. 76).

Въ виду такихъ примѣровъ — а ими изобилуетъ русская жизнь — нельзя не согласиться съ тѣми, которые считаютъ теперешнее положеніе значительной части русскаго народа „новымъ крѣпостничествомъ“. Но нужно еще сказать, что въ одномъ отношеніи — со стороны экономическаго обезпеченія народныхъ массъ — „новое крѣпостное право“ хуже даже стараго, помѣщичьяго крѣпостнаго права. Степень обезпеченія крѣпостныхъ средствами для жизни и для веденія своего хозяйства зависѣла, конечно, прежде всего и главнымъ образомъ отъ воли, т. е. произвола ихъ помѣщика. Но съ другой стороны, благосостояніе послѣд-

нляго находилось въ прямой, непосредственной зависимости отъ экономическаго положенія его крестьянъ — ну хоть въ такой зависимости, въ какой находится сельскій хозяинъ отъ благополучія своего рабочаго скота, или человѣкъ, занимающійся извозомъ, отъ силы и здоровья своихъ лошадей. Начнутъ лошади и коровы преждевременно умирать или хирѣть, вслѣдствіе плохого корма и содержанія ихъ на холодѣ, хозяину придется потратить деньги на покупку новаго скота. А не будетъ у него денегъ, онъ можетъ легко раззориться. Точно также и помѣщикъ имѣлъ прямую личную выгоду въ томъ, чтобы его крѣпостные не слишкомъ рано умирали и не теряли до самой смерти годности къ работѣ. А для достиженія этого, ему приходилось надѣлять ихъ землей, а то и орудіями, необходимыми для веденія вполне самостоятельнаго крестьянскаго хозяйства, и давать имъ сытную пищу и все необходимое для жизни, когда они работали у него на барщинѣ. Разумѣется, бывали и такіе помѣщики, которые, благодаря своей озвѣрѣлости и крайнему легкомыслію, поступали наоборотъ, точно такъ же, какъ бываютъ жестокие и нерасчетливые люди, которые истязаютъ свой рабочій скотъ и морятъ его голодомъ. Но такіе помѣщики, вмѣстѣ съ крестьянами, нерѣдко доводили и самихъ себя до полнаго раззоренія и обнищанія.

Эта, если позволено будетъ такъ выразиться, скотская граница для эксплуатаціи и обездоленія трудящихся классовъ высшими, эксплуататорскими классами, уничтожена освобожденіемъ крестьянъ отъ помѣщичьей власти и начавшимся послѣ него быстрымъ развитіемъ денежнаго хозяйства. Уничтожена потому, что вмѣстѣ съ прекращеніемъ помѣщичьяго крѣпостнаго права прекратилась и старая экономическая зависимость каждаго эксплуататора отъ большаго или меньшаго обезпеченія работавшихъ на него людей необходимѣйшими средствами къ жизни. Предпринимателю рѣшительно все равно, умрутъ-ли его рабочіе въ глубокой старости или въ 30 лѣтъ, а то и еще моложе; сохранится-ли у каждаго изъ нихъ силы и способности къ работѣ во все время

ихъ жизни, или они потеряютъ ихъ уже въ юные годы и начнутъ хирѣть и чахнуть съ раннихъ лѣтъ. Вѣдь капиталисту не приходится покупать новыхъ работниковъ въ случаѣ убыли ихъ отъ смерти и заболѣваній, какъ приходилось помѣщику покупать крѣпостныхъ въ подобныхъ случаяхъ. Капиталистъ покупаетъ не работника, а его рабочую силу, т. е. право пользованія ею на извѣстный срокъ, все равно какъ нанимающій квартиру, покупаетъ не домъ, а только право пользованія имъ или частью его. Много-ли дѣла жильцу и арендатору земли, мельницы и т. п. до имущества, отданной имъ въ пользованіе? По нимъ, хоть-бы она провалилась сквозь землю послѣ ихъ ухода. Заботиться о долговѣчности отданнаго въ наемъ или аренду дома, мельницы и т. п. — это уже дѣло собственниковъ. Точно также и покупателю рабочей силы нѣтъ никакой выгоды заботиться о сохраненіи ея на долгое время въ пригодномъ къ употребленію состояніи. Объ этомъ пусть думаетъ ея собственникъ — самъ рабочій. А дѣло капиталиста — извлечь изъ нея за свои деньги возможно большую прибыль, хотя бы это привело къ быстрому истощенію организма рабочаго и къ страшному укороченію его жизни. То же самое имѣетъ мѣсто и въ отношеніяхъ заимодавцевъ, скупщиковъ и купцовъ къ своимъ должникамъ и продавцамъ. Барыши и богатства первыхъ обыкновенно тѣмъ быстрѣе растутъ и умножаются, чѣмъ больше и скорѣе бѣдняютъ и разоряются тѣ, кого они ссужаютъ и тѣ, у которыхъ они скупаютъ ихъ издѣлія. Зажиточный крестьянинъ или кустарь не попадетъ въ кабалу къ ростовщичу, не станетъ продавать свои продукты за безцѣнокъ и не возьметъ земли въ аренду за несообразно высокую цѣну. Словомъ, вмѣстѣ съ распространеніемъ новаго способа добыванія средствъ къ жизни, основаннаго на торговлѣ и производствѣ для нея, исчезла даже и та связь между экономическими выгодами эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, которая существуетъ между интересами хозяина и благополучіемъ его рабочаго скота и которая во времена натурального хозяйства существовала между

благосостояніемъ помѣщиковъ и экономической обезпеченностью ихъ крѣпостныхъ.

Отмѣчая разницу во взаимномъ экономическомъ положеніи съ одной стороны помѣщиковъ и крѣпостныхъ, а съ другой, — эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ новаго времени, я отнюдь не хочу этимъ прославлять старое крѣпостное право на счетъ новаго. Только господа, не уважающіе въ низшихъ классахъ ихъ человѣческаго достоинства, способны умиляться передъ „экономическимъ обезпеченіемъ“ людей, основаннымъ на томъ, что они служатъ въ роли рабочаго скота, составляющаго собственность ихъ господина. Но съ другой стороны, ясно, какъ божій день, что разъ и личная выгода, узкій корыстный расчетъ пересталъ служить уздой для эксплуататоровъ, народнымъ массамъ остаются только два выхода: или безропотно чахнуть и умирать голодной смертью и вырождаться, или же самимъ найти средства къ обузданію своихъ эксплуататоровъ. Но безправное состояніе низшихъ классовъ въ Россіи отрѣзываетъ имъ путь къ этому выходу, отнимаетъ у нихъ всѣ средства для открытаго сопротивленія безсовѣстной эксплуатаціи всевозможныхъ хищниковъ и угнетателей. Этимъ самымъ оно обрекаетъ огромное большинство нашего народа на такіа лишенія и такую нищету, которыя и крѣпостнымъ у помѣщиковъ рѣдко приходилось испытывать. А отсюда само собою слѣдуетъ вотъ что: въ настоящее время царское самовластіе стало зломъ еще болѣе губительнымъ и страшнымъ, чѣмъ были оно, это самовластіе, и помѣщичья власть вмѣстѣ взятыя — при натуральномъ хозяйствѣ, когда жизнь и здоровье людей имѣли для эксплуататоровъ хоть такую цѣну, какъ здоровье ихъ лошадей и коровъ.

IV.

ЧЕГО ДОБИВАТЬСЯ РУССКИМЪ РАБОЧИМЪ?

Въ концѣ второй главы мы поставили вопросъ: является-ли коренное измѣненіе въ государственномъ строѣ Россіи такой же *экономической* необходимостью для большинства нашихъ крестьянъ, кустарей и т. д., какъ для рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ слова?

Сказанное въ предыдущей главѣ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно: да, не только рабочимъ, но и остальной части бѣдныхъ классовъ становится все труднѣе и труднѣе, прямо невозможно существовать подѣ гнетомъ царско-чиновничьяго произвола. Если рабочимъ необходимы свобода и права для самозащиты противъ хозяйской эксплуатаціи, то крестьянскимъ массамъ такая же свобода и такія же права необходимы для того, чтобы сбросить съ плечъ своихъ непосильное бремя податей и налоговъ и для огражденія себя отъ грабежа и насилій со стороны кулаковъ, скупщиковъ и землевладѣльцевъ. Но свобода и полноправіе народныхъ массъ такъ же невозможны въ государствѣ, самовластно управляемомъ царемъ (или его слугами), какъ во владѣніяхъ помѣщиковъ во времена крѣпостного права. Въ такомъ государствѣ есть мѣсто только для беззаконія и произвола людей сильныхъ своими богатствами и вліяніемъ на приближенныхъ и родичей царя. Правда, и у насъ имѣются и отъ времени до времени издаются „законы“ — иногда даже якобы въ пользу рабочихъ и крестьянъ. Но исполненіе этихъ „законовъ“ зависитъ цѣликомъ отъ воли царскихъ чиновниковъ, т. е. отъ ихъ произвола. Наши такъ называемые законы собственно и не заслуживаютъ этого названія: оно къ намъ приблизительно такъ же мало подходитъ, какъ къ предписаніямъ и правиламъ управителей въ большихъ помѣщичьихъ имѣніяхъ „добраго стараго времени“. Эти правила и предписанія обязательны были не для помѣ-

щиковъ, а для его крѣпостныхъ, и отмѣнялись или просто выходили изъ употребленія, смотря по капризамъ барина и его приближенныхъ. Вотъ такъ же произвольно дѣйствуетъ и царское правительство, когда издаетъ или отмѣняетъ царскія повелѣнія, которымъ присвоено громкое названіе „законовъ“.

Изъ только что сказаннаго само собою вытекаетъ, что для обезпеченія русскому народу свободы, полноправія и равноправія, необходимо прежде всего вырвать изъ рукъ царя силу и право самовластно издавать законы и назначать по своему произволу высшихъ чиновниковъ, министровъ, составляющихъ правительство. И то, и другое должно быть дѣломъ общенародной думы (земскаго собора, парламента) изъ гласныхъ, свободно выбранныхъ всѣми совершеннолѣтними гражданами имперіи. Этой же общенародной думѣ или земскому собору должно быть предоставлено право облагать населеніе налогами и требовать отъ правительства строгаго отчета въ томъ, какъ и на что оно расходуетъ доходы отъ этихъ налоговъ. Но еще выше думы должна стоять воля народа. А для обезпеченія этой воли перевѣса надъ правительствомъ и земскимъ соборомъ, необходимы двѣ вещи: 1) уменьшеніе до возможно малыхъ размѣровъ военно-полицейскихъ силъ, находящихся подъ командой государственной власти, а 2) неограниченная свобода всѣхъ гражданъ, безъ различія вѣры, званія и класса, разбирать и порицать мнѣнія и дѣйствія этой власти въ печати и на собраніяхъ, взывать къ борьбѣ противъ нея въ случаѣ нарушенія ею правъ той или другой части народа и составлять союзы для этой борьбы. Безъ такихъ обезпеченій народной свободы, и самъ земскій соборъ можетъ обратиться въ послушное орудіе или одного царя, или богачей и аристократовъ, для эксплуатаціи и угнетенія низшихъ классовъ.

Низверженіе царскаго самодержавія и водвореніе на его мѣстѣ самодержавія *народнаго*, завоеваніе, однимъ словомъ демократической конституціи*), — такова, стало

*) Государственный порядокъ, основанный на широкомъ участіи всего народа въ управленіи дѣлами страны.

бить, ближайшая главная цѣль нашего рабочаго движенія. Къ этой цѣли должны быть направлены главныя усилія передовыхъ русскихъ рабочихъ. Ручательствомъ за успѣхъ ихъ на этомъ пути служить то, что она, эта цѣль, является не произвольной выдумкой нѣсколькихъ лицъ, а необходимымъ послѣдствіемъ всей русской жизни. Для огромнаго большинства русскаго народа уничтоженіе царскаго самодержавія стало вопросомъ существованія, дѣломъ самозащиты противъ всеобщаго обездоленія, первымъ шагомъ на пути обезпеченія себя противъ голода и холода. А недалеко то время, когда наши теперешніе правительственные, политическіе порядки станутъ въ немоту и высшимъ классамъ. Какъ это на первый взглядъ ни странно, а на дѣлѣ оказывается, что съ успѣхами торговли и промышленности царско-чиновничье самовластье начинаетъ все болѣе идти въ разрѣзъ съ выгодами и самихъ эксплуататорскихъ классовъ.

Къ сожалѣнію, мѣсто не дозволяетъ мнѣ остановиться здѣсь на этомъ обстоятельствѣ. Говорю: „къ сожалѣнію“, потому что оно очень важно для рѣшенія вопроса о возможности или невозможности для рабочихъ успѣшно бороться противъ царскаго самодержавія. Многіе изъ народниковъ, въ доказательство невозможности у насъ сильнаго самостоятельнаго рабочаго движенія, ссылаются именно на то, что царское правительство имѣетъ сильную опору не только въ войскѣ и полиціи, но и въ высшихъ классахъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они утверждаютъ, что если бы такое движеніе и возникло, то оказалось бы совершенно безсильнымъ передъ правительствомъ уже потому одному, что „рабочихъ у насъ очень мало“. Но мы уже видѣли, что послѣднее соображеніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Правда, фабрично-заводскихъ рабочихъ въ Россіи сравнительно со всѣмъ ея населеніемъ не очень много. Но число рабочихъ и полуробочихъ вообще очень велико. Но что особенно важно, такъ это то, что и для огромнаго большинства остальной народной массы полученіе свободы и полноправія составляетъ вопросъ хлѣба и благо-

состоянія въ самомъ буквальному и простому смыслѣ этого слова. Стало быть, поднявъ знамя борьбы противъ царскаго самовластия, революціонеры-рабочіе явятся передовымъ отрядомъ, представителями и защитниками жизненныхъ интересовъ, необходимѣйшихъ нуждъ и потребностей всѣхъ низшихъ, эксплуатируемыхъ классовъ имперіи. А то обстоятельство, что значительная часть рабочихъ сосредоточена въ немногихъ городскихъ и промышленно-торговыхъ центрахъ, весьма благоприятно для ихъ умственного развитія и для соединенія ихъ въ тайные союзы, а затѣмъ и въ одну общерусскую рабочую партію. Чтобы пріобрѣсти вліяніе въ народныхъ массахъ и стать крупной силой, союзамъ этимъ нужно будетъ только не упускать ни одного изъ рѣзкихъ факторовъ экономическаго и политическаго угнетенія массъ для того, чтобы распространять въ нихъ сознание неотложной необходимости для нихъ избавиться отъ царскаго самодержавія. Развивать свое собственное политическое сознание и будить его въ окружающей народной средѣ, выступать повсюду, гдѣ только возможно, впереди угнетенныхъ массъ противъ ихъ угнетателей, возбуждать и направлять ихъ головы и сердца къ одной, главной въ настоящее время, дѣли, къ низверженію царско-чиновничьяго всевластія — вотъ въ немногихъ словахъ путь, по которому должны идти наши передовые рабочіе. Неуклонно держась его, они въ недалекомъ будущемъ неминуемо станутъ большой силой. При этомъ, росту и вліянію рабочей партіи будутъ въ значительной мѣрѣ помогать развитіе нуждъ и потребностей въ средѣ самихъ высшихъ классовъ. Если читатель дастъ себѣ трудъ вникнуть въ жалобы хотя бы землевладѣльцевъ*), то онъ пойметъ, что я хочу сказать этими словами. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увидитъ, что и почему наши правительственные порядки уже теперь оказываются стѣснительными и невыгодными для значительной части эксплуататоровъ, не смотря на то, что они помогаютъ имъ безгранично эксплуатировать трудящуюся массу народа. Но, конечно, они еще и потерпятъ

*) См. отч. послѣдняго сельско-хозяйственнаго сѣзда въ Москвѣ.

могутъ, для нихъ созваніе земскаго собора не составляетъ еще такой насущной потребности, какъ для низшихъ классовъ. Поэтому, недовольные слои эксплуататоровъ не станутъ, разумѣется, рисковать своимъ спокойствіемъ и жизнью для борьбы противъ царскаго самодержавія. Но ихъ недовольство послужитъ, тѣмъ не менѣе, на пользу нашему рабочему движенію, разъ оно приметъ характеръ сознательной борьбы за гражданскую и политическую свободу.

По всей вѣроятности, намъ придется впоследствии еще бесѣдовать объ этомъ предметѣ, а теперь пора закончить статью, и безъ того слишкомъ растянувшуюся.

Читателю, быть можетъ, покажется страннымъ, что я объ *освобожденіи* рабочихъ отъ хозяйскаго гнета до сихъ поръ собственно ни однимъ словомъ не обмолвился; а между тѣмъ, этотъ именно вопросъ и долженъ бы, кажется, составлять главный предметъ статьи. Читатель правъ, если онъ такъ разсуждаетъ. Но и я въ свою очередь правъ, какъ я надѣюсь ему доказать во второй статьѣ. А пока мнѣ остается попросить у него нѣсколько терпѣнія. Здѣсь же я попытаюсь только пояснить отношеніе главнаго вывода изъ всего вышешложеннаго къ дѣлу освобожденія рабочихъ слѣдующимъ сравненіемъ.

Вы видите узника, запертаго уже долгіе годы въ четырехъ стѣнахъ темницы, въ которой онъ цѣлые дни, не разгибая спины, работаетъ на казну или на острое начальство. Можетъ-ли онъ, находясь въ такомъ положеніи, когда-либо достигнуть полнаго благосостоянія и свободы въ распоряженіи своими знаніями и способностями къ работѣ? Но, если выпустить такого узника на волю, будетъ-ли это равносильно обезпеченію ему полнаго благосостоянія и независимости? Конечно, нѣтъ. Но, съ другой стороны, вѣдь ясно, какъ божій день, что до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ оставаться въ тюрьмѣ, у него и возможности не будетъ бороться за свою экономическую независимость. Очевидно, для достиженія ея ему прежде всего необходимо выйти изъ тюрьмы, получить право и возможность свободно дви-

гаться по улицамъ и по бѣлому свѣту. Доказательству этой мысли — только въ примѣненіи ко всему рабочему классу Россіи — и посвящены были главнымъ образомъ предыдущія страницы.

Казалось бы, что и доказывать-то ее нечего, ужъ слишкомъ она проста. На дѣлѣ выходитъ, однако, не такъ. У насъ и до сихъ поръ еще далеко не всѣ народолюбцы понимаютъ всю первостепенную важность для рабочихъ и всѣхъ другихъ народныхъ массъ низверженія царскаго самодержавія и завоеванія для нихъ свободы и полноправія. Ни въ одной странѣ Запада интересы рабочихъ и другихъ слоевъ эксплуатируемыхъ массъ, особенно крестьянскихъ, не связаны между собою такъ тѣсно, какъ у насъ въ настоящее время. И между этими общими интересами тѣхъ и другихъ главное мѣсто занимаетъ вопросъ объ освобожденіи ихъ отъ царско-чиновничьяго произвола и связаннаго съ нимъ безправія. Въ рѣшенія этого вопроса наша рабочая партія явится представительницей и защитницей интересовъ большинства русскаго народа. Ужъ одно только это соображеніе — а есть и другія — должно служить оправданіемъ для меня въ глазахъ читателя въ томъ, что я такъ много мѣста удѣлилъ бесѣдѣ о положеніи низшихъ классовъ вообще, не различая строго между рабочими въ тѣсномъ смыслѣ слова и остальной народной массой.

II. Аксельродъ.

Опечатка. — Въ этой статьѣ, носящей общее заглавіе: „Чего добиваться русскимъ рабочимъ“, по недотмосру, пропущено заглавіе первой главы: „Новый способъ добыванія средствъ къ жизни и новыя эксплуататоры“.

И. А.

М А Ш И Н А

I. Какъ пользуются машиной капиталисты.

Недавно писали въ газетахъ, что рабочіе одной большой фабрики, недовольные фабричными порядками, въ одно утро не явились на работу, стали собираться кучками въ сосѣднихъ трактирахъ и, наконецъ, всей толпой двинулись къ фабрикѣ, гдѣ побили окна, повыбросали матеріаль, разбили машины. Черезъ полчаса явились казаки, нагайками разогнали толпу, многихъ арестовали. „Въ настоящую минуту, — прибавляетъ газета, — на фабрикѣ все спокойно: большинство рабочихъ опять готово приняться за работу; зачинщики же въ числѣ 80 человекъ находятся въ здѣшней тюрьмѣ“.

Такъ-то печально оно кончилось. А сколько горя еще впереди! Предстоитъ вѣдь приговоръ суда, который тоже не помилуетъ „нарушителей общественной тишины и спокойствія“. Не понять вѣдь имъ, этимъ сытымъ людямъ, всего того зла, всего того горя, что принесла рабочему машина, не понять имъ, что рабочій разбиваетъ машину не потому, что выпилъ лишнюю рюмку, а потому, что видитъ въ ней, въ этой машинѣ, въ этой фабрикѣ своего злѣйшаго врага!

Да и жестокъ этотъ врагъ! И цѣлые годы не разсказать той массы горя и обидъ, что прошло по душѣ рабочаго по винѣ этого лютаго разрушителя его здоровья, его семьи и достатка.

Было время, и время недавнее, когда каждый работникъ, кустарь или ремесленникъ, работалъ у себя на дому, работалъ, не покладая рукъ, въ потѣ лба своего, не меньше нынѣшняго работника на фабрикѣ; но жилось ему куда легче: онъ жилъ и работалъ, страдалъ

и наслаждался въ своемъ собственномъ домишкѣ; у него былъ кусокъ земли, приносившій ему кой-какой доходъ; матеріалы и орудія были его собственные; все, что онъ зарабатывалъ, принадлежало ему. Правда, большую часть заработка у него отнимало начальство въ видѣ податей и налоговъ, но все же онъ могъ скромно и спокойно прожить всю свою жизнь, окруженный своей семьей, помогавшей ему въ часы труда и доставлявшей ему кое-какія радости въ часы отдыха.

Но вотъ въ сосѣднемъ большомъ городѣ открылась фабрика; тамъ эта чудная штука, называемая машиною, почти безъ труда и безъ усталости производитъ цѣлыя горы товаровъ, между тѣмъ какъ домашнее производство можетъ доставить только небольшое количество при сильнѣйшемъ напряженіи силъ, почти до истощенія ихъ. И нашъ кустарь не лѣнится, онъ не хочетъ разстаться со своей самостоятельностью, онъ еще надѣется побѣдить это гордое чудовище-фабрику. Но проходятъ недѣли, мѣсяцы: машина производитъ все больше, фабрикантъ можетъ продавать свой товаръ все дешевле и дешевле. Одинъ покупатель за другимъ бросаютъ кустаря, чтобъ пойти покупать все на фабрику, гдѣ товаръ лучше и дешевле, гдѣ и выборъ больше. Все меньше и меньше становится заработокъ кустаря, уже его не хватаетъ на прокормленіе семьи, приходится продавать и закладывать; продается сначала кусокъ земли, потомъ домъ, хозяйство, наконецъ, доходитъ очередь и до инструментовъ. Лишившись всего, чѣмъ онъ такъ дорожилъ, надъ чѣмъ долгіе годы работалъ его дѣдъ, отецъ да и онъ самъ со своей семьей, нашъ кустарь остается владѣльцемъ еще одной только годной для продажи вещи, своей рабочей силы. Ее-то онъ и выноситъ на рынокъ, чтобы продать первому встрѣчному покупателю, если только таковой найдется.

Но покупатель не всегда находится. Фабрикантъ не изъ любви къ ремесленнику пустилъ его по міру, не потому, что хотѣлъ его привлечь на свою фабрику. Онъ любитъ одну только вещь въ мірѣ — барышъ. А получить этотъ барышъ не особенно трудно. Нашъ

фабрикантъ приобрѣлъ себѣ фабрику, машины и сырье. Если онъ теперь все это продастъ, то получить столько же, за сколько онъ все это купилъ, т. е. барыша не будетъ. Но если рабочій у него на фабрикѣ превратитъ его сырой матеріалъ въ ситецъ, сукно, плугъ или косилку, то фабрикантъ послѣ продажи всего произведеннаго не только вернетъ всѣ свои расходы, т. е. и расходъ на заработную плату, но получитъ еще порядочный барышъ. Откуда же этотъ барышъ?

Цѣна каждаго товара опредѣляется тѣмъ количествомъ рабочаго времени, какое понадобилось на его производство. Если на производство какой-нибудь вещи понадобилось 12 часовъ, а на производство другой вещи 3 часа, то первая будетъ стоить въ четыре раза дороже второй. Фабрикантъ, нанявшій на рынокѣ рабочаго, покупаетъ у него его рабочую силу, за которую онъ платитъ, какъ за всякій товаръ, т. е. оцѣниваетъ рабочую силу по количеству рабочаго времени, необходимого на ея производство. Но что такое количество рабочаго времени, необходимое на производство рабочей силы? Это, само собою понятно, то время, какое нужно потратить, чтобы произвести все то, что необходимо для жизни рабочаго, для поддержанія его существованія. Представьте же себѣ теперь, что для того, чтобы заработать все необходимое, рабочій долженъ работать 6 часовъ въ день; очевидно, что, работая болѣе шести часовъ, рабочій уже работает не на себя, а на фабриканта, производитъ для него барышъ. Но капиталистъ хочет не только получить барышъ, онъ хочет получить его какъ можно больше, и для этого въ его распоряженіи имѣется достаточно средствъ: онъ старается нанять рабочихъ какъ можно дешевле и заставляетъ ихъ работать какъ можно дольше.

И вотъ почему, какъ раньше сказано, выгнанный на рынокъ кустарь не всегда найдетъ покупателя для своей рабочей силы. Прожившій доселѣ всѣ дни свои въ кругу своей семьи кустарь или ремесленникъ привыкъ самъ быть своимъ хозяиномъ; ему трудно при-

выкнуть къ фабричнымъ порядкамъ, къ фабричной дисциплинѣ. Пока не было машины, капиталистъ нуждался въ искусныхъ рабочихъ, знающихъ свое дѣло, и готовъ былъ прикнудить лишній рубль такому работнику; тогда раззорившійся ремесленникъ принимался съ распростертыми объятіями, и ему дѣлались всевозможныя облегченія. Но машина все измѣнила: она укоротила учебное время, столь длинное у ремесленниковъ; теперь работа человѣка при машинѣ все болѣе упрощается и сводится къ нѣсколькимъ простымъ приемамъ, которымъ всякій можетъ научиться; вмѣсто искусныхъ рабочихъ при машинѣ могутъ работать самыя неискусныя чернорабочіе. А такъ какъ такихъ чернорабочихъ вездѣ и всегда много, то капиталистъ уже болѣе не зависитъ отъ воли и запроса своего работника: онъ всегда найдетъ на рынкѣ любое количество рабочихъ, которые возьмутъ дешевле, потому что потребности ихъ гораздо ниже потребностей искусныхъ и обучавшихся своему дѣлу ремесленниковъ.

Но машина еще и не то дѣлаетъ для фабриканта. До введенія машинъ рабочій-мужчина долженъ былъ содержать не только себя, но и жену и дѣтей, такъ что рабочая плата его опредѣлялась потребностями всей семьи. Но съ замѣной ручной работы механической, капиталистъ получилъ возможность привлечь на фабрику женщинъ и дѣтей. Какъ болѣе слабыя и менѣе способные къ борьбѣ съ самовластіемъ фабриканта, эти повые работники получаютъ за свой трудъ совершенно ничтожное вознагражденіе, на которое они должны согласиться, такъ какъ заработка отца семейства недостаточно для прокормленія всей семьи.

Вотъ почему изъ года въ годъ растетъ число женщинъ, уходящихъ на фабрику.

Такъ, число всѣхъ работницъ равно:

въ Англіи	4,5 мил.
во Франціи	3,75 "
въ Италіи	3,5 "
въ Германіи	5 "
въ Австро-Венгріи	3,5 "

А вотъ и другая интересная табличка, показывающая, нас олько мужской трудъ все болѣе вытѣсняется женскимъ.

Въ Англіи на 100 рабочихъ приходится:

	въ производствахъ					
	хлопчато-бумажн.	льняныхъ	джутовыхъ			
мужчинъ . . .	22,5	12,2	15,1			
мальчиковъ . . .	16,7	10,5	13,8			
женщинъ . . .	40,4)	55,4)	58,8)	60,8	72,3	71,6
дѣвочекъ . . .	16,4)	16,9)	12,8)			

Въ Россіи число женщинъ, работающихъ на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, считается около 300 тысячъ при 1,200,000 рабочихъ-мужчинъ.

Какъ видите, и русскіе капиталисты признаютъ „святость домашняго очага“ только для себя. А почему капиталисты являются такими любителями женскаго труда, можетъ показать слѣдующая табличка.

Въ ткацкой промышленности получаютъ за одинъ рабочі часъ:

	мужчины	женщины
въ Англіи	24 коп.	16,5 коп.
во Франціи	20 „	10 „
въ Швейцаріи	16 „	9 „
въ Германіи	15,5 „	8 „
въ Бельгіи	13 „	8 „
въ Италіи	9 „	4,5 „
въ Австріи	7,5 „	4,5 „

Въ Россіи средній мѣсячный заработокъ мужчинъ составляетъ 13 руб. 80 коп., т. е. меньше 4 коп. въ часъ, если работа продолжается 12 часовъ въ сутки; а женщины — 7 руб. 60 коп., или 2 коп. въ часъ! Отсюда видно, что во всѣхъ странахъ плата за женскій трудъ почти вдвое меньше мужскаго. Но скверно не то одно, что женщина получаетъ мало, а еще и то, что, работая на фабрикѣ, она должна запустить свое хозяйство, не можетъ заботиться ни о мужѣ, ни о дѣтяхъ. Фабричная работница, даже больная, должна работать во все время своей беременности до самыхъ родовъ и тотчасъ же послѣ родовъ опять приниматься

за работу. При такомъ образѣ жизни и дѣти рождаются на свѣтъ хилыми, и матери слишкомъ часто падаютъ жертвой непосильной работы: къ истощенному человѣку и болѣзни прилипчивѣй, и его организмъ не въ состояніи противиться разрушительному ея дѣйствию.

Но за машиной числится не одинъ этотъ грѣхъ; она повинна еще и въ такомъ звѣрствѣ, какъ высасываніе прибыли изъ пота и крови дѣтей. Какъ уже было сказано, въ настоящее время, при повсемѣстномъ употребленіи машинъ въ производствѣ, уже осталось очень мало такихъ фабрикъ, гдѣ отъ рабочаго требуется навыкъ и ловкость или же физическая сила; большею же частью вся работа состоитъ въ наблюденіи за ходомъ машинъ. Такая работа можетъ быть исполнена какъ женщинами, такъ и малолѣтками. И вотъ фабриканты съ безчеловѣчною жестокостью набрасываются на свою новую добычу — на несчастныхъ дѣтей, родители которыхъ не въ состояніи прокормить ни себя, ни свое потомство. Дѣтскій трудъ стоитъ дешево, еще дешевле женскаго, а фабрикантъ никогда не гнушается жестокости, если она приноситъ барыши. До какихъ ужасныхъ размѣровъ могла доходить эксплуатація дѣтскаго труда, видно изъ слѣдующихъ фактовъ, опубликованныхъ англійскою комиссіей, собиравшей свѣдѣнія о дѣтскомъ трудѣ въ 1863-67 гг. Въ швейныхъ мастерскихъ 7-13-тилѣтнія дѣвочки должны были работать отъ 6 или 7 часовъ утра до 11 или 12 часовъ вечера, т. е. 16-18 часовъ изъ 24! Въ другомъ случаѣ 14-тилѣтняя дѣвочка оставалась за работой отъ 6 час. утра до 12 час. ночи. Въ кружевномъ производствѣ работали пятилѣтнія дѣти, при чемъ работа продолжалась съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера съ 1½-часовымъ перерывомъ для ѣды. Когда работы бывало много, она затягивалась до 9 или 10 часовъ вечера; иногда работали всю ночь напролетъ до 6 час. утра. Часто дѣти, уходя съ работы въ 9 или 10 часовъ вечера, брали съ собой узелокъ съ работой. Такихъ примѣровъ чрезмѣрнаго безчеловѣчнаго наваливанія работы на малолѣтнихъ и подростковъ можно привести

сотни тысяч из исторiи не одной только Англии. Но то, что происходило 20-30 лѣтъ тому назадъ во всѣхъ европейскихъ странахъ и что тамъ мало по малу исчезаетъ, еще имѣетъ мѣсто у насъ въ Россiи. Такъ, въ Московскомъ фабричномъ районѣ, гдѣ средняя продолжительность рабочаго дня составляетъ 13 часовъ, дѣтсѣ 7 лѣтъ работаютъ 15, 16 и даже 17 часовъ въ сутки, получая за этотъ каторжный трудъ отъ 4 до 6 рублей въ мѣсяцъ, такъ что еле-еле хватаетъ на самыя простыя харчи. Вотъ почему фабриканты такъ охотно прибрѣгаютъ къ дѣтскому труду. Такъ, работало:

	дѣтей подростковь	
	до 12 л.	12-15 л.
Въ Московскомъ фабричномъ округѣ	1486	3363
„ С.-Петербур.	134	2030
„ Кіевскомъ	147	2032
„ Виленскомъ	163	2132
„ Варшавскомъ	—	5818
„ Харьковскомъ	—	3325
„ Воронежскомъ	—	3151

Всего на русскихъ фабрикахъ и заводахъ работаетъ 30 тысячъ дѣтей. И эти цифры гораздо ниже дѣйствительности, такъ какъ фабриканты часто скрываютъ число работающихъ у нихъ дѣтей, боясь штрафовъ и наказанiй.

Понятно теперь, почему нашъ кустарь или ремесленникъ часто не находитъ работы. Машина охотно пользуется услугами его жены и дѣтей, но искусный, знающій свое дѣло мастеровой ей вовеки не нуженъ. Машина, разорившая его, отнявшая у него его семью и все имущество, теперь гонитъ его прочь отъ себя, выбрасываетъ на улицу какъ ненужную вещь. И такихъ, какъ онъ, ежегодно набираются сотни, тысячи ищущихъ куска хлѣба, готовыхъ за ничто продать свою рабочую силу, но не находящихъ покупателя. Образуется *резервная (запасная) армія рабочихъ*. Чѣмъ больше въ производствѣ употребляется машинъ, чѣмъ лучше работаютъ машины, тѣмъ больше эта армія. Въ современномъ обществѣ она существуетъ постоянно и съ каждымъ

годомъ принимаетъ все болѣе страшные размѣры. Въ Германіи напр., число незанятыхъ рабочихъ равно 200-300 тысячъ и достигаетъ въ зимнее время даже 500 тысячъ. Полмилліона мужчинъ не могутъ найти куска хлѣба ни для себя, ни для своихъ дѣтей, потому что машина работаетъ легко и скоро! Особенно ужасныхъ размѣровъ достигла безработица нынѣшней зимой въ Англіи и въ Сѣверной Америкѣ. Въ одномъ изъ предмѣстій Лондона 33% всѣхъ взрослыхъ мужчинъ сидѣли безъ работы и не имѣли ея въ среднемъ въ теченіи 10 недѣль. Въ Глазговѣ въ одинъ день благотворительныя общества должны были прокормить 10 тысячъ человѣкъ, умиравшихъ съ голоду. Всего въ эту ужасную зиму насчитывали до 5¹/₄ милліоновъ жителей Англіи, лишённыхъ постоянного заработка. И то же самое повторяется ежегодно и во всѣхъ другихъ странахъ. У насъ въ Россію не собираютъ свѣдѣній о количествѣ страдающихъ отъ безработицы людей, но, судя по тому, что пишутъ ежедневныя газеты о странствіяхъ русскаго рабочаго народа изъ одной губерніи въ другую, съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ, въ поискахъ за работой, можно судить, что число голодающихъ отъ безработицы у насъ такъ же громадно, какъ и въ другихъ странахъ, если не больше. А если прибавить сюда почти все сельское населеніе, которое тернитъ отъ неурожаевъ, непосильныхъ налоговъ, а также отъ дѣйствія машины, то получится такая страшная цифра, что волосъ дыбомъ встанетъ при одной мысли объ ужасныхъ страданіяхъ всей этой массы. На многихъ ткацкихъ фабрикахъ Московской губерніи встрѣчаются запасные самоткачи, т. е. такіе, „которые живутъ на фабрикѣ, не получая никакого опредѣленнаго вознагражденія и перебиваясь лишь тѣмъ ничтожнымъ заработкомъ, который придется на ихъ долю при замѣщеніи того или другого ткача, почему либо не вышедшаго на работу своей смѣны. Во время промышленнаго кризиса 1884-85 годовъ количество запасныхъ считалось на каждой фабрикѣ многими десятками и даже сотнями“*).

*) См. Дементьевъ, „Фабрика, что она даетъ населенію“ и т. д.

Но когда рабочіе плачутъ, фабриканты смѣются: имъ выгодно существованіе резервной арміи; этимъ путемъ они держатъ въ своихъ рукахъ тѣхъ рабочихъ, которые у нихъ на фабрикѣ. Пусть рабочій только посмѣетъ нынѣ, сейчасъ онъ будетъ выброшенъ, а на смѣну ему явится цѣлая сотня другихъ, готовыхъ за кусокъ хлѣба переносить всѣ притѣсненія, всѣ капризы хозяйна. Мало этого: хозяинъ можетъ даже сбавить плату своимъ рабочимъ, и они принуждены будутъ покориться, ибо завтра могутъ придти другіе, и машина такъ же спокойно будетъ продолжать свое дѣло, какъ и вчера.

Вы думаете, этимъ кончаются всѣ услуги, которыя машина оказываетъ фабриканту. Ничуть не бывало! При помощи машины фабрикантъ можетъ продѣлывать со своими работниками все, чего не пожелаетъ его ненасытная мошна. А желаетъ она только толстѣть и наполняться, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше. Деньги, потраченные на машину, будутъ возвращены съ лихвою: въ этомъ фабрикантъ увѣренъ. Но ему хотѣлось бы вернуть эти деньги поскорѣе, да если возможно, и барышъ свой округлять.

И машина помогаетъ ему какъ въ томъ, такъ и въ другомъ. Рабочій только часть дня работаетъ на себя, остальное время онъ работаетъ на хозяина. Положимъ, что ему нужно работать 6 часовъ, чтобы заработать свою заработную плату. Если онъ будетъ работать 12 часовъ, то все, что онъ заработаетъ въ другіе шесть часовъ, пойдетъ въ карманъ хозяину. Ну, а если его заставить работать 18 часовъ? О, тогда хозяинъ будетъ вовсе блаженствовать: машина, фабрика, — все это стоятъ ему тѣхъ же денегъ, работаютъ ли тамъ 10, 12, 15 или 18 часовъ, а между тѣмъ, чѣмъ больше рабочего времени, тѣмъ больше производится товару, а такъ какъ расходы остаются тѣ же*), значитъ, чистаго барыша стало больше.

*) Собственно говоря, расходы на сырой и на вспомогательный (топливо, освѣщеніе) матеріалъ увеличились, такъ какъ произведено больше товару, значитъ, потребовалось больше сырья. Но всѣ другіе расходы будутъ тѣ же, работаютъ-ли на фабрикѣ 12 или 18 часовъ, такъ что барыша будетъ больше.

Вотъ почему фабриканты съ такою нѣжностью относятся къ длинному рабочему дню. Это помогаетъ имъ еще больше наполнять свои карманы и держать въ своихъ рукахъ рабочихъ. А для рабочихъ длинный рабочий день означаетъ рабство, невѣжество и раннюю смерть. Вотъ напр., что говорятъ люди знающіе о вредномъ, убійственномъ вліяніи длинной работы. „Послѣдствіемъ длиннаго рабочаго дня, говоритъ одинъ, является сильная напряженность нервной системы, которая затѣмъ уступаетъ мѣсто общей слабости, къ которой можетъ присоединиться тупая головная боль, даже неспособность ясно мыслить. При дальнѣйшей работѣ мозгъ перестаетъ дѣйствовать правильно, наступаютъ головокруженіе, шумъ въ ушахъ, глухота, ослабленіе зрѣнія, онѣмѣніе всѣхъ членовъ. Мускулы слабѣютъ, организмъ дѣлается доступнымъ эпидемическимъ болѣзнямъ и проч.“ Другой заявляетъ: „Человѣкъ можетъ работать только определенное время. Кромѣ сна, ему обязательно необходимы перерывы для отдыха. Машина не подвергается болѣзнямъ, она только изнашивается, но всегда можетъ быть починена. Она можетъ работать 24 часа въ сутки не уставая. Но человекъ, наблюдающій за нею, не можетъ быть починенъ: онъ остается инвалидомъ. Чѣмъ болѣе живое существо, человекъ или животное, ослаблено, измучено трудомъ, тѣмъ болѣе къ нему пристають прилипчивыя болѣзни. Посмотрите на животныхъ: если мы слишкомъ измучимъ лошадь, то она легко становится добычей первой эпидеміи. Усталость, недостаточный сонъ, все, что изнуряетъ и ослабляетъ тѣло, предрасполагаетъ его къ самымъ страшнымъ, наиболѣе свирѣпствующимъ среди рабочихъ болѣзнямъ, какъ чахотка, тифъ и проч.“

Не смотря на такое гибельное вліяніе длиннаго рабочаго дня, продолжительность работы въ разныхъ странахъ все еще очень велика, и во всякомъ случаѣ превышаетъ то количество рабочихъ часовъ, какое можно было бы работать безъ вреда для здоровья. Но всего хуже въ этомъ отношеніи дѣло обстоитъ въ Россіи, гдѣ рабочий классъ не составляетъ еще изъ

себя организованной силы, могущей ставить свои требования и добиваться ихъ исполненія. Такъ, среднимъ числомъ приходится на одного рабочаго

въ Англіи	56½	раб. часовъ въ недѣлю
во Франціи	60	" " " "
въ Россіи	74	" " " "

Но это только среднія цифры; вообще же продолжительность рабочаго дня въ Россіи колеблется между 12-18 часами въ сутки. При этомъ, надо замѣтить, что у насъ въ наибольшей степени распространена наиболѣе изнурительная и потому наиболѣе губительная для здоровья система шестичасовой смѣнной работы; она почти не даетъ рабочимъ возможности возстановить истощенныя силы; смѣняясь черезъ каждые шесть часовъ, рабочіе послѣ утомительнаго, непрерывнаго шестичасоваго труда, располагаютъ такимъ періодомъ отдыха, что за вычетомъ времени на ѣду и различныя домашнія работы, остается всего 3-4 часа на сонъ. Еще губительнѣе сверхсрочная ночная работа, простирающаяся въ совокупности съ обычной, урочной работой до 14½-16½ часовъ, а въ экстренныхъ случаяхъ даже до 21½ часовъ суточной работы.

Далѣе, продолжительность работы имѣетъ громадное вліяніе на число несчастныхъ случаевъ съ рабочими. Доказано, что наибольшій процентъ увѣчій и смертей рабочихъ приходится на тѣ часы, когда рабочіе приближаются къ окончанію своей смѣны и наиболѣе утомлены; а въ Россіи число увѣчій и смертей на фабрикахъ и заводахъ достигаетъ ежегодно ста тысячъ. Сто тысячъ нашихъ братьевъ и сестеръ ежегодно вырываются изъ нашей среды, не благодаря какой нибудь эпидемической болѣзни, но вслѣдствіе опустошительной войны, а благодаря фабрикамъ, куда они пошли искать хлѣба, но гдѣ, благодаря какому-то проклятію, и самый хлѣбъ превращается въ камни.

Плата какъ можно меньше своимъ рабочимъ, фабрикантъ не считаетъ своею обязанностью заботиться объ ихъ жизни и здоровьи; онъ знаетъ, что на мѣсто каждаго выбывшаго резервная армія доставитъ ему десятеи,

сотни другихъ. При томъ же забота о здоровьи рабочихъ стоитъ денегъ; приходится уступить часть своего барыша на устройство лучшихъ помѣщеній для рабочихъ, на оздоровленіе мастерскихъ и жилищъ, а на такое пожертвованіе не можетъ рѣшиться часто даже лучший изъ фабрикантовъ. Пыль, несущая въ себѣ всевозможныя заразныя болѣзни, въ особенности чахотку, ядовитыя газы и пары, высокая температура — все это готовить рабочему долгіе дни болѣзней и мученій, а фабрикантъ утверждаетъ, что устройство дезинфекцій обойдется ему черезъ-чуръ дорого, нанесетъ большой ущербъ его интересамъ!

А что стоитъ, напр., устройство бани? Сушіе пустяки для фабриканта, ворушающаго сотнями тысячъ, не правда-ли? А между тѣмъ, изъ 204 фабрикъ и заводовъ Московскаго уѣзда только на 47 имѣются бани для рабочихъ. На красильныхъ и т. п. заведеніяхъ, а равно и на механическихъ, химическихъ и проч. заводахъ бани встрѣчаются весьма рѣдко, хотя какъ разъ на этихъ заведеніяхъ рабочіе сильно нуждаются въ возможности почаще смывать съ кожи приставшую къ ней грязь.

„При этомъ надо замѣтить, что изъ 47 бань только 17 бесплатныхъ; въ остальныхъ 30 съ купающихся взимается плата въ такихъ размѣрахъ, что въ большинствѣ случаевъ баня является доходной статьей для фабричныхъ конторъ“*).

Не болѣе велика забота московскихъ фабрикантовъ о своихъ заболѣвшихъ рабочихъ: изъ числа 204 фабрикъ и заводовъ лишь на 28 были отведены особенныя помѣщенія, куда, въ случаѣ надобности, могутъ быть положены заболѣвшіе рабочіе. Но далеко не всѣ помѣщенія, по словамъ Ф. Ф. Эрисмана, заслуживаютъ названія больницъ; многія изъ нихъ, „представляя собой лишь каморку, огороженную отъ спаленъ рабочихъ и содержащую одну или двѣ койки, безъ всякаго врачебнаго персонала, безъ больничной прислуги и безъ аптеки,

*) См. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда, часть I.

существуют только для вида. Вообще, на громадномъ большинствѣ фабрикъ медицинская помощь крайне плохо организована или отсутствуетъ вовсе, не смотря на положеніе комитета министровъ, по которому на каждые сто человѣкъ фабричныхъ рабочихъ должна приходиться одна фабричная койка“*).

Если фабрикантъ не хочетъ тратиться на лѣченіе заболѣвшихъ у него на фабрикѣ, не смотря на то, что въ большинствѣ случаевъ причиною болѣзни является сама фабрика, то еще менѣе онъ согласенъ заботиться объ обученіи работающихъ у него дѣтей и подростковъ. Такъ, по словамъ того же Ф. Ф. Эрсмана, „число учащихся дѣтей на фабрикахъ Московскаго уѣзда весьма ограничено. Можно смѣло сказать, что учится едва ли болѣе десятой части живущихъ на фабрикахъ дѣтей школьнаго возраста. Работающія на фабрикахъ дѣти посѣщаютъ школу весьма рѣдко: на основаніи имѣющихся данныхъ можно придти въ тому заключенію, что такихъ дѣтей учится во всякомъ случаѣ не болѣе 100 человѣкъ, что составляетъ 6,7%⁰ всего количества работающихъ на фабрикахъ Московскаго уѣзда дѣтей моложе 14 лѣтъ, число которыхъ равняется приблизительно 1500 человѣкъ“*). Время, проведенное въ школѣ, не приписятъ барыша хозяину, и не затѣмъ фабрикантъ набираетъ малолѣтнихъ, чтобъ помочь имъ стать людьми: ему нужны наемные рабы, а не люди.

И то, что мы видѣли въ Московскомъ уѣздѣ, происходитъ вездѣ и повсюду, часто еще при болѣе безчеловѣчной, болѣе жестокой обстановкѣ. Вотъ напр., что писали недавно газеты о порядкахъ на одномъ большомъ сахарномъ заводѣ:

„Работаетъ на немъ до тысячи человѣкъ. Въ теченіе года подвергается обработкѣ до полутора милліоновъ пудовъ. Заводъ огромный. Шестъ вакуумъ-аппаратовъ, свой подъѣздный путь, обошедшійся во сто тысячъ руб., электрическое освѣщеніе. Что касается до условій труда, то онѣ убійственны. Работаютъ по 12 часовъ въ день и 30 рабочихъ дней въ мѣсяцъ, праздниковъ не

*) Тамъ же.

имѣть. Почти во всемъ заводѣ температура воздуха страшно высокая. Работаютъ голышемъ, — только прикрываютъ голову бумажнымъ колпакомъ, да вокругъ пояса носятъ короткій фартукъ. Въ нѣкоторыхъ отдѣленіяхъ, напр., въ камерѣ, куда приходится вкатывать телѣжки, нагруженныя металлическими формами, наполненными сахаромъ, — жара доходитъ до 70 градусовъ. Этотъ адъ до того измѣняетъ организмъ, что и въ казармахъ, гдѣ рабочимъ приходится жить, они не выносятъ температуры ниже 30°. Работа голышемъ совсемъ заглушаетъ чувство стыда. Голые мужчины работаютъ въ одномъ отдѣленіи съ бабами.

Тяжелыя работы, пропитанный сахарною пылью воздухъ обусловливаютъ развитіе на сахарныхъ и рафинадныхъ заводахъ особой специфической болѣзни, которая между прочимъ выражается появленіемъ на кожѣ большихъ язвъ и ранъ. И съ такими-то язвами рабочіе таскаютъ тяжелыя головы сахару, по нѣсколькѣ заразъ, лазаютъ въ сушильныя камеры и пр. Санитарный надзоръ существуетъ лишь на немногихъ заводахъ. На рафинадномъ заводѣ, кончая работы, рабочіе моются въ вонючей и грязнѣйшей водѣ. Зимой на одномъ большомъ заводѣ можно видѣть, какъ иногда по снѣгу бѣжитъ черезъ дворъ голый человѣкъ къ ватерелозету, помѣщающемуся далеко отъ главнаго корпуса. А бываетъ и такъ, что для избѣжанія столь непріятнаго путешествія по холоду рабочіе отправляютъ свои маленькія нужды и прямо въ чаны съ патокой“.

Такимъ образомъ, „знакомство съ положеніемъ рабочихъ на сахарныхъ заводахъ показываетъ лишь то, что успѣхи сахарной промышленности, если и ведутъ къ чьему либо благоденствію, то отнюдь ужь не къ благоденствію рабочей массы“. Такъ заканчиваетъ свое описаніе корреспондентъ.

Добрый человѣкъ, очевидно, думаетъ, что такъ обстоитъ только на сахарныхъ заводахъ, на другихъ же фабрикахъ и заводахъ благоденствуетъ не фабрикантъ, а именно рабочая масса.

А между тѣмъ сколько еще болѣе печальныхъ исторій

могли бы ему рассказать русскіе рабочіе о своей борьбѣ не за благоденствіе, а за то, чтобъ подышать свободно да съ голоду не помереть.

Но мы еще не исчерпали *всѣхъ подвиговъ* машины. Въ одинъ день на фабрикѣ происходитъ нѣчто странное и страшное: не раздастся больше шумъ и трескъ машинъ, не колеблется полъ подъ ногами, въ воздухѣ не стоитъ пыль и гамъ, рабочихъ расчитываютъ, они болѣе не нужны; они сдѣлали свое дѣло, а теперь могутъ отправляться во svoйси на голодную смерть. И тоже самое происходитъ на многихъ другихъ фабрикахъ. „Кризисъ“, говорятъ. И это новое, многимъ, можетъ быть, непонятное слово, сулитъ голодъ и нищету тысячамъ, милліонамъ. А знаете-ли, почему?

Фабрикантъ производитъ свои товары не для того или другого заказчика, а для тысячъ, сотенъ тысячъ, милліоновъ неизвѣстныхъ ему покупателей, разбѣянныхъ на пространствѣ цѣлаго государства, а те и многихъ государствъ, словомъ, для рынка, и часто для мірового рынка. На рынокъ вывозитъ онъ и сотни другихъ ему подобныхъ свои товары; тотъ изъ нихъ скорѣе найдетъ покупателя, кто продаетъ дешевле. А дешевле продать можетъ тотъ фабрикантъ, у кого фабрика больше, лучшія машины, больше рабочихъ. Вотъ почему между фабрикантами идетъ постоянное соревнованіе, постоянная борьба: всѣ стараются произвести какъ можно больше товара въ возможно меньше времени, чтобы онъ стоилъ возможно дешевле. Такимъ образомъ, рынокъ заваливается товарами; ихъ появляется столько, что ихъ можетъ хватить не на одинъ, а на нѣсколько лѣтъ. Товары могутъ лежать въ магазинахъ и гнить, никто ихъ не купитъ: одни потому, что имѣютъ всего вдоволь, другіе потому, что не имѣютъ денегъ для покупки. Фабрики закрываются. Рабочіе могутъ идти спокойно голодать и умирать, потому что они съ помощью машины произвели слишкомъ много!

Значитъ, спросятъ меня, правы были тѣ рабочіе, что разнесли фабрику, разбивали машины.

Скажу на это. какъ правъ ребенокъ, который бьетъ

порогъ, о который онъ спотынулся; вѣдь виновать-то не порогъ, а его слабыя ножки. Точно также сама машина не виновата въ страданіяхъ рабочаго класса. Правда, какъ мы видѣли до сихъ поръ, машина помогаетъ фабриканту угнетать рабочихъ. Но вѣдь точно также „тяжелый млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“, т. е. все зависитъ отъ того, въ чьихъ рукахъ молотъ находится. Сама по себѣ машина значительно облегчаетъ человѣческій трудъ, уменьшая въ чрезвычайной степени рабочее время, необходимое на приготовленіе всего нужнаго человѣку. Машина же способствуетъ быстро приближенію того царства равенства и братства, о которомъ наши дѣды могли только мечтать, какъ о чемъ-то сказочномъ, невозможномъ.

Объ этой благодѣтельной сторонѣ машины я надѣюсь поговорить въ слѣдующей книжкѣ.

Д. Кольцовъ.

ФРИДРИХЪ ЭНГЕЛЬСЪ

Какой свѣтильникъ разума погасъ,
Какое сердце биться перестало!

5-го августа новаго стиля (24 юни) 1895 года скончался въ Лондонѣ Фридрихъ Энгельсъ. Послѣ своего друга Карла Маркса (умершаго въ 1883 г.), Энгельсъ былъ самымъ замѣчательнымъ ученымъ и учителемъ современнаго пролетаріата во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Съ тѣхъ поръ какъ судьба столкнула Карла Маркса съ Фридрихомъ Энгельсомъ, жизненный трудъ обоихъ друзей сдѣлался ихъ общимъ дѣломъ. Поэтому, для того, чтобы понять, что сдѣлалъ Фридрихъ Энгельсъ для пролетаріата, надо ясно усвоить себѣ значеніе ученія и дѣятельности Маркса въ развитіи современнаго рабочаго движенія. Марксъ и Энгельсъ первые показали, что рабочій классъ съ его требованіями есть необходимое порожденіе современнаго экономическаго порядка, который вмѣстѣ съ буржуазіей неизбѣжно создаетъ и организуетъ пролетаріатъ; они показали, что не благожелательныя поштыки отдѣльныхъ благородныхъ личностей, а классовая борьба организованнаго пролетаріата избавятъ человѣчество отъ гнетущихъ его теперь бѣдствій. Марксъ и Энгельсъ въ своихъ научныхъ трудахъ первые разъяснили, что социализмъ не выдумка мечтателей, а конечная цѣль и необходимый результатъ развитія производительныхъ силъ въ современномъ обществѣ. Вся писаная исторія до сихъ поръ была исторіей классовой борьбы, смѣной господства и по-

бѣдъ однихъ общественныхъ классовъ надъ другими. И это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не исчезнутъ основы классовой борьбы и классового господства — частная собственность и беспорядочное общественное производство. Интересы пролетаріата требуютъ уничтоженія этихъ основъ, и потому противъ нихъ должна быть направлена сознательная классовая борьба организованныхъ рабочихъ. А всякая классовая борьба есть борьба политическая.

Эти взгляды Маркса и Энгельса усвоены теперь всѣмъ борющимся за свое освобожденіе пролетаріатомъ, но когда два друга въ 40-хъ годахъ приняли участіе въ социалистической литературѣ и общественныхъ движеніяхъ своего времени, такіа возрѣнія были совершенною новостью. Тогда было много талантливыхъ и бездарныхъ, честныхъ и безчестныхъ людей, которые, увлекаясь борьбою за политическую свободу, борьбой съ самодержавіемъ царей, полиціи и поповъ, не видѣли противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата. Эти люди не допускали и мысли, чтобы рабочіе выступали, какъ самостоятельная общественная сила. Съ другой стороны, было много мечтателей, подчасъ гениальныхъ, думавшихъ, что нужно только убѣдить правителей и господствующихъ классы въ несправедливости современнаго общественного порядка, и тогда легко водворить на землѣ миръ и всеобщее благополучіе. Они мечтали о социализмѣ безъ борьбы. Наконецъ, почти всѣ тогдашніе социалисты и вообще друзья рабочаго класса видѣли въ пролетаріатѣ только язву, съ ужасомъ смотрѣли они, какъ, съ ростомъ промышленности, растетъ и эта язва. Поэтому, всѣ они думали о томъ, какъ бы остановить развитіе промышленности и пролетаріата, остановить „колесо исторіи“. Въ противоположность общему страху передъ развитіемъ пролетаріата, Марксъ и Энгельсъ всѣ свои надежды возлагали на непрерывный ростъ пролетаріата. Чѣмъ больше пролетаріевъ, тѣмъ больше ихъ сила, какъ революціоннаго класса, тѣмъ ближе и возможнѣе социализмъ. Въ немногихъ словахъ заслуги Маркса и Энгельса передъ

рабочимъ классомъ можно выразить такъ: они научили рабочій классъ самопознанію и самосознанію, и на мѣсто мечтаній поставили науку.

Вотъ почему имя и жизнь Энгельса должны быть знакомы каждому рабочему, вотъ почему въ нашемъ сборникѣ, цѣль котораго, какъ и всѣхъ нашихъ изданій, будить классовое самосознаніе въ русскихъ рабочихъ, мы должны дать очеркъ жизни и дѣятельности Фридриха Энгельса, одного изъ двухъ великихъ учителей современнаго пролетаріата.

Энгельсъ родился въ 1820 году въ г. Барменѣ, въ рейнской провинціи прусскаго королевства. Отецъ его былъ фабрикантомъ. Въ 1838 году Энгельсъ семейными обстоятельствами былъ вынужденъ, не кончивъ гимназіи, поступить въ прикащики одного бременскаго торговаго дома. Занятія купеческимъ дѣломъ не помѣшали Энгельсу работать надъ своимъ научнымъ и политическимъ образованіемъ. Еще гимназистомъ возненавидѣлъ онъ самодержавіе и произволъ чиновниковъ. Занятія философій повели его дальше. Въ то время въ нѣмецкой философій господствовало ученіе Гегеля, и Энгельсъ сдѣлался его послѣдователемъ. Хотя самъ Гегель былъ поклонникомъ самодержавнаго прусскаго государства, на службѣ котораго онъ состоялъ въ качествѣ профессора Берлинскаго университета, — *ученіе* Гегеля было революціоннымъ. Вѣра Гегеля въ человѣческій разумъ и его права и основное положеніе гегелевской философій, что въ мірѣ происходитъ постоянный процессъ измѣненія и развитія, приводили тѣхъ учениковъ берлинскаго философа, которые не хотѣли мириться съ дѣйствительностью, къ мысли, что и борьба съ дѣйствительностью, борьба съ существующею неправдой и царящимъ зломъ коренится въ міровомъ законѣ вѣчнаго развитія. Если все развивается, если одни учрежденія смѣняются другими, почему же вѣчно будутъ продолжаться самодержавіе прусскаго короля или русскаго царя, обогащеніе ничтожнаго меньшинства насчетъ огромнаго большинства, господство буржуазіи надъ народомъ? Философія Гегеля говорила о развитіи духа и

идей, она была *идеалистической*. Изъ развитія духа она выводила развитіе природы, человѣка и людскихъ, общественныхъ отношеній. Марксъ и Энгельсъ, удержавъ мысль Гегеля о вѣчномъ процессѣ развитія*), отбросили предвзятое идеалистическое воззрѣніе; обратившись къ жизни, они увидѣли, что не развитіе духа объясняетъ развитіе природы, а наоборотъ — духъ слѣдуетъ объяснить изъ природы, матеріи... Въ противоположность Гегелю и другимъ гегелианцамъ, Марксъ и Энгельсъ были материалистами. Взглянувъ материалистически на міръ и человѣчество, они увидѣли, что какъ въ основѣ всѣхъ явленій природы лежатъ причины матеріальныя, такъ и развитіе человѣческаго общества обуславливается развитіемъ матеріальныхъ, производительныхъ силъ. Отъ развитія производительныхъ силъ зависятъ отношенія, въ которыя становятся люди другъ къ другу при производствѣ предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей. И въ этихъ отношеніяхъ — объясненіе всѣхъ явленій общественной жизни, человѣческихъ стремленій, идей и законовъ. Развитіе производительныхъ силъ создаетъ общественныя отношенія, опирающіяся на частную собственность, но теперь мы видимъ, какъ то же развитіе производительныхъ силъ отнимаетъ собственность у большинства и сосредоточиваетъ ее въ рукахъ ничтожнаго меньшинства. Оно уничтожаетъ собственность, основу современнаго общественнаго порядка, оно само стремится къ той же цѣли, которую поставили себѣ социалпсты. Социалпстамъ надо только понять, какаѧ общественная сила, по своему положенію въ современномъ обществѣ, заинтересована въ осуществленіи социализма, и сообщить этой силѣ сознаніе ея интересовъ и исторической задачи. Такая сила — пролетаріатъ. Съ нимъ Энгельсъ познакомился въ Англіи, въ центрѣ англійской промышленности, Манчестерѣ, куда онъ

*) Марксъ и Энгельсъ не разъ указывали, что они въ своемъ умственномъ развитіи многимъ обязаны великимъ нѣмецкимъ философамъ и въ частности Гегелю. „Безъ нѣмецкой философіи, говорить Энгельсъ, не было бы и научнаго социализма“.

перебрался въ 1842 году, поступивъ на службу въ торговый домъ, однимъ изъ пайщиковъ котораго былъ его отецъ. Здѣсь Энгельсъ не только сидѣлъ въ фабричной конторѣ, — онъ ходилъ по грязнымъ кварталамъ, гдѣ ютились рабочіе, самъ своими глазами видѣлъ ихъ нищету и бѣдствія. Но онъ не удовольствовался личными наблюденіями, онъ прочелъ все, что было найдено до него о положеніи англійскаго рабочаго класса, онъ тщательно изучилъ всѣ доступные ему официальные документы. Плодомъ этихъ изученій и наблюденій была вышедшая въ 1845 году книга: „Положеніе рабочаго класса въ Англии.“ Мы уже упомянули выше, въ чемъ главная заслуга Энгельса, какъ автора „Положенія рабочаго класса въ Англии“. И до Энгельса очень многіе изображали страданія пролетаріата и указывали на необходимость помочь ему. Энгельсъ *первый* сказалъ, что пролетаріатъ *не только* страдающій классъ; что именно то позорное экономическое положеніе, въ которомъ находится пролетаріатъ, неудержимо толкаетъ его впередъ и заставляетъ бороться за свое конечное освобожденіе. А борющійся пролетаріатъ *самъ поможетъ себѣ*. Политическое движеніе рабочаго класса неизбежно приведетъ рабочихъ къ сознанию того, что у нихъ нѣтъ выхода внѣ социализма. Съ другой стороны, социализмъ будетъ только тогда силой, когда онъ станетъ цѣлью *политической* борьбы рабочаго класса. Вотъ основныя мысли книги Энгельса о положеніи рабочаго класса въ Англии, мысли, теперь усвоенныя всѣмъ мыслящимъ и борющимся пролетаріатомъ, но тогда совершенно новыя. Эти мысли были изложены въ книгѣ, увлекательно написанной, полной самыхъ достовѣрныхъ и потрясающихъ картинъ бѣдствій англійскаго пролетаріата. Книга эта была ужаснымъ обвиненіемъ капитализма и буржуазіи. Впечатлѣніе, произведенное ею, было очень велико. На книгу Энгельса стали всюду ссылаться какъ на лучшую картину положенія современнаго пролетаріата. И дѣйствительно, ни до 1845 года, ни позже не появлялось ни одного столь яркаго и правдиваго изображенія бѣдствій рабочаго класса.

Соціалістомъ Энгельсъ сдѣлался только въ Англіи. Въ Манчестерѣ онъ вступилъ въ связь съ дѣятелями тогдашняго англійскаго рабочаго движенія и сталъ писать въ англійскихъ соціалистическихъ изданіяхъ. Въ 1844 году, возвращаясь въ Германію, онъ по пути познакомился въ Парижѣ съ Марксомъ, съ которымъ уже раньше у него завязалась переписка. Марксъ въ Парижѣ подъ вліяніемъ французскихъ соціалістовъ и французской жизни сдѣлался тоже соціалістомъ. Здѣсь друзья сообща написали книгу: „Святое семейство, или критика критической критики“. Въ этой книгѣ, вышедшей за годъ до „Положенія рабочаго класса въ Англіи“ и написанной большей частью Марксомъ, заложены основы того революціонно-матеріалистическаго соціализма, главныя мысли котораго мы изложили выше. „Святое семейство“ — шуточное прозваніе философовъ братьевъ Бауэровъ съ ихъ послѣдователями. Эти господа проповѣдовали критику, которая стоитъ выше всякой дѣятельности, выше партій и политики, отрицаетъ всякую практическую дѣятельность и лишь „критически“ созерцаетъ окружающій міръ и происходящія въ немъ событія. Господа Бауэры свысока судили о пролетаріатѣ, какъ о некритической массѣ. Противъ этого вздорнаго и вреднаго направленія рѣшительно возстали Марксъ и Энгельсъ. Во имя дѣйствительной человѣческой личности — рабочаго, попираемаго господствующими классами и государствомъ, они требуютъ не созерцанія, а борьбы за лучшее устройство общества. Силу, способную вести такую борьбу и заинтересованную въ ней, они видятъ, конечно, въ пролетаріатѣ. Еще до „Святого семейства“ Энгельсъ напечаталъ въ „Нѣмецко-французскомъ журналѣ“ Маркса и Ругѣ „Критическіе очерки по политической экономіи“, въ которыхъ съ точки зрѣнія соціализма разсмотрѣлъ основныя явленія современнаго экономическаго порядка, какъ необходимыя послѣдствія господства частной собственности. Общеніе съ Энгельсомъ безспорно содѣйствовало тому, что Марксъ рѣшилъ заняться политической экономіей, той наукой, въ которой его труды произвели цѣлый переворотъ.

Время отъ 1845 по 1847 г. Энгельсъ провелъ въ Брюсселѣ и Парижѣ, соединяя научныя занятія съ практической дѣятельностью въ средѣ нѣмецкихъ рабочихъ Брюсселя и Парижа. Тутъ у Энгельса и Маркса завязались отношенія съ тайнымъ нѣмецкимъ „Союзомъ коммунистовъ“, который поручилъ имъ изложить основныя начала выработаннаго ими социализма. Такъ возникъ напечатанный въ 1848 году знаменитый „Манифестъ коммунистической партіи“ Маркса и Энгельса. Эта небольшая книжечка стоитъ цѣлыхъ томовъ: духомъ ея живетъ и движется до сихъ поръ весь организованный и борющійся пролетариатъ цивилизованнаго міра.

Революція 1848 г., разразившаяся сперва во Франціи, а потомъ распространившаяся и на другія страны Западной Европы, привела Маркса и Энгельса на родину. Здѣсь, въ Рейнской Пруссіи, они стали во главѣ демократической „Новой Рейнской Газеты“, издававшейся въ Кельнѣ. Оба друга были душой всѣхъ революціонно-демократическихъ стремленій въ Рейнской Пруссіи. До послѣдней возможности отстаивали они интересы народа и свободы отъ реакціонныхъ силъ. Послѣднія, какъ извѣстно, одолѣли. „Новая Рейнская Газета“ была запрещена, Маркъ, потерявшій за время своей эмигрантской жизни права прусскаго подданнаго, былъ высланъ, а Энгельсъ принялъ участіе въ вооруженномъ народномъ возстаніи, въ трехъ сраженіяхъ бился за свободу и послѣ пораженія повстанцевъ бѣжалъ черезъ Швейцарію въ Лондонъ.

Тамъ же поселился и Маркъ. Энгельсъ вскорѣ снова сдѣлался прикащикомъ, а потомъ и пайщикомъ того торговаго дома въ Манчестерѣ, въ которомъ онъ служилъ въ 40-хъ гг. До 1870 года онъ жилъ въ Манчестерѣ, а Маркъ въ Лондонѣ, что не мѣшало имъ находиться въ самомъ живомъ духовномъ общеніи: они почти ежедневно переписывались. Въ этой перепискѣ друзья обмѣнивались своими взглядами и знаніями и продолжали сообща вырабатывать научный социализмъ. Въ 1870 г. Энгельсъ перебрався въ Лондонъ, и до 1883 г., когда скончался Маркъ, продолжалась ихъ сорѣбная

духовная жизнь, полная напряженной работы. Плодомъ ея были — со стороны Маркса — „Капиталъ“, величайшее политико-экономическое произведение нашего вѣка, со стороны Энгельса, — цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ сочиненій. Марксъ работалъ надъ разборомъ сложныхъ явленій капиталистическаго хозяйства. Энгельсъ въ весьма легко написанныхъ, нерѣдко полемическихъ работахъ освѣщалъ самыя общія научныя вопросы и разныя явленія прошлаго и настоящаго — въ духѣ матеріалистическаго пониманія исторіи и экономической теоріи Маркса. Изъ этихъ работъ Энгельса назовемъ: — полемическое сочиненіе противъ Дюринга (здѣсь разобраны величайшіе вопросы изъ области философіи, естествознанія и общественныхъ наукъ*), „Происхожденіе семьи, собственности и государства“ (перев. на русскій яз., издано въ С.-Петербургѣ, 3-е изд. 1895), „Людвигъ Фейербахъ“ (русскій переводъ съ примѣч. Г. Плеханова, Женева, 1892), статьи объ иностранной политикѣ русскаго правительства (переведена на русскій языкъ въ жевевскомъ „Соціалдемократѣ“, №№ 1 и 2), замѣчательныя статьи о квартирномъ вопросѣ, наконецъ, двѣ маленькія, но очень цѣнныя статьи объ экономическомъ развитіи Россіи („Фридрихъ Энгельсъ о Россіи“, перев. на русскій языкъ В. И. Засуличъ, Женева, 1894). Марксъ умеръ, не успѣвъ окончательно обработать свой огромный трудъ о капиталѣ. Вчернѣ, однако, онъ былъ уже готовъ, и вотъ Энгельсъ послѣ смерти друга принялся за тяжелый трудъ обработки и изданія II и III тома „Капитала“. Въ 1885 г. онъ издалъ II-ой, въ 1894 г. III-й томъ (IV-й томъ онъ не успѣлъ обработать). Работы надъ этими двумя томами потребовалось очень много. Австрійскій социалдемократъ Адлеръ вѣрно замѣтилъ, что изданіемъ II-го и III-го томовъ „Капитала“ Энгельсъ соорудилъ своему гениальному другу величественный памятникъ, на кото-

*) Это удивительно содержательная и поучительная книга. Изъ нея, къ сожалѣнію, на русскій языкъ переведена только небольшая часть, содержащая историческій очеркъ развитія социализма („Развитіе научнаго социализма“, 2-ое изд., Женева, 1892).

ромъ невольно неизгладимыми чертами вырѣзалъ свое собственное имя. Дѣйствительно, эти два тома „Капитала“ — трудъ двоихъ: Маркса и Энгельса. Старинныя преданія рассказываютъ о разныхъ трогательныхъ примѣрахъ дружбы. Европейскій пролетаріатъ можетъ сказать, что его наука создана двумя учеными и борцами, отношенія которыхъ превосходятъ всѣ самыя трогательныя сказанія древнихъ о человѣческой дружбѣ. Энгельсъ всегда, — и въ общемъ, совершенно справедливо, — ставилъ себя позади Маркса. „При Марксѣ, висалъ онъ одному старому приятелю, я игралъ вторую скрипку“. Его любовь къ живому Марксу и благоговѣніе передъ памятью умершаго были безпредѣльны. Этотъ суровый борецъ и строгій мыслитель имѣлъ глубоко любящую душу.

Послѣ движенія 1848-49 гг. Марксъ и Энгельсъ въ изгнаніи занимались не одной только наукой. Марксъ создалъ въ 1864 г. „Международное Общество Рабочихъ“ и въ теченіе цѣлаго десятилѣтія руководилъ этимъ обществомъ. Живое участіе въ его дѣлахъ принималъ также и Энгельсъ. Дѣятельность „Международнаго Общества“, соединявшаго, по мысли Маркса, пролетаріевъ всѣхъ странъ, имѣла огромное значеніе въ развитіи рабочаго движенія. Но и съ закрытіемъ въ 70-хъ годахъ „Международнаго Общества“ объединяющая роль Маркса и Энгельса не прекратилась. Наоборотъ, можно сказать, что значеніе ихъ, какъ духовныхъ руководителей рабочаго движенія, постоянно возросло, потому что непрерывно росло и само движеніе. Послѣ смерти Маркса Энгельсъ одинъ продолжалъ быть совѣтникомъ и руководителемъ европейскихъ социалистовъ. Къ нему одинаково обращались за совѣтами и указаціями и нѣмецкіе социалисты, сила которыхъ, не смотря на правительственныя преслѣдованія, быстро и непрерывно увеличивалась, и представители отсталыхъ странъ, — напр., испанцы, румыны, русскіе, которымъ пришлось обдумывать и взвѣшивать свои первые шаги. Всѣ они черпали изъ богатой сокровищницы знаній и опыта стараго Энгельса.

Марксъ и Энгельсъ, оба знавшіе русскій языкъ и читавшіе русскія книги, живо интересовались Россіей, съ сочувствіемъ слѣдили за русскимъ революціоннымъ движеніемъ и поддерживали сношенія съ русскими революціонерами. Оба они сдѣлались социалистами изъ демократовъ, и демократическое чувство *ненависти* къ политическому произволу было въ нихъ чрезвычайно сильно. Это непосредственное политическое чувство вмѣстѣ съ глубокимъ теоретическимъ пониманіемъ связи политическаго произвола съ экономическимъ угнетеніемъ, а также богатый жизненный опытъ сдѣлали Маркса и Энгельса необычайно чуткими, именно въ *политическомъ* отношеніи. Поэтому, героическая борьба малочисленной кучки русскихъ революціонеровъ съ могущественнымъ царскимъ правительствомъ находила въ душахъ этихъ испытанныхъ революціонеровъ самый сочувственный отзвукъ. Наоборотъ, поползновенія ради мнимыхъ экономическихъ выгодъ отворачиваться отъ самой непосредственной и важной задачи русскихъ социалистовъ — завоеванія политической свободы — естественно являлось въ ихъ глазахъ подозрительнымъ и даже прямо считалось ими измѣной великому дѣлу социальной революціи. „Освобожденіе пролетаріата должно быть его собственнымъ дѣломъ“ — вотъ чему постоянно учили Марксъ и Энгельсъ. А для того, чтобы бороться за свое экономическое освобожденіе, пролетаріатъ долженъ завоевать себѣ извѣстныя *политическія* права. Кромѣ того, и Марксъ и Энгельсъ ясно видѣли, что и для западно-европейскаго рабочаго движенія политическая революція въ Россіи будетъ имѣть огромное значеніе. Самодержавная Россія всегда была оплотомъ всей европейской реакціи. Необыкновенно выгодное международное положеніе, въ которое поставила Россію война 1870 года, надолго поселившая раздоръ между Германіей и Франціей, конечно, только увеличило значеніе самодержавной Россіи, какъ реакціонной силы. Только свободная Россія, не нуждающаяся ни въ угнетеніи поляковъ, финляндцевъ, нѣмцевъ, армянъ и прочихъ мелкихъ народовъ, ни въ постоянномъ стравли-

вані Франціи съ Германіей, дасть современной Европѣ свободно вздохнуть отъ военныхъ тягостей, ослабитъ всѣ реакціонные элементы въ Европѣ и увеличитъ силу европейскаго рабочаго класса. Вотъ почему Энгельсъ и для успѣховъ рабочаго движенія на Западѣ горячо желалъ водворенія въ Россіи политической свободы. Русскіе революціонеры потеряли въ немъ своего лучшаго друга.

Вѣчная память Фридриху Энгельсу, великому борцу и учителю пролетаріата!

Из фондов Российской национальной библиотеки

Из фондов Российской национальной библиотеки

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Царское правительство и рабочіе.

(Вмѣсто внутренняго обозрѣнія.)

Вѣроятно, немногимъ изъ нашихъ читателей извѣстно о существованіи газеты: „Гражданинъ“. Редакторомъ этой газеты состоитъ нѣкій князь Мещерскій, прославившійся защитой розги, гоненіемъ на народное образованіе и многократнымъ обкрадываніемъ казны вмѣстѣ съ бывшимъ министромъ путей сообщенія, господиномъ Кривошеиннымъ. Вотъ этотъ-то князь Мещерскій, одна изъ опоръ современнаго царскаго правительства, узнавъ, что въ Государственный совѣтъ вносится новый законъ, касающійся охраны рабочихъ отъ черезъ-чуръ уже грубаго фабричнаго произвола, такъ писалъ въ своей газетѣ: „Мы не нѣмцы: издавая законы по охранѣ рабочихъ, мы создаемъ въ Россіи рабочій вопросъ“. Несомнѣнно, что Мещерскій нисколько не опасался, что фабрикантамъ придется худо отъ новыхъ законовъ. Онъ прекрасно зналъ, что законы вызваны желаніемъ какъ-нибудь успокоить волнующихся рабочихъ, обмануть ихъ надеждой на защиту со стороны царскихъ чиновниковъ. Онъ отлично понималъ, что ни само правительство, ни тѣмъ менѣе фабриканты не придадутъ никакого серьезнаго значенія новымъ законамъ, которые останутся только на бумагѣ. Нѣтъ, не того боялся князь, что руссійское купечество станетъ получать меньше барышей, или что фабрикантамъ придется раскошелиться на устройство больницъ, школъ и т. д. Страшило его

самое появленіе въ русской жизни слова „рабочій вопросъ“. По своей узости и тупоумію, онъ не замѣчалъ, что рабочій вопросъ возникъ въ Россіи не со вчерашняго дня, и какъ защитникъ самодержавія, онъ находилъ, что признаніе самимъ правительствомъ существованія рабочаго вопроса равносильно признанію существованія рабочаго класса съ самостоятельными интересами, съ новыми запросами и стремленіями. И въ этомъ отношеніи Мещерскій совершенно правъ: самодержавіе, дѣйствительно, несовмѣстимо съ существованіемъ самостоятельно мыслящаго и стремящагося къ развитію рабочаго класса.

Условія жизни рабочаго таковы, что онъ не можетъ не вести постоянной борьбы со своими эксплуататорами за улучшеніе своего положенія, за лучшее будущее своихъ дѣтей. Въ этой борьбѣ всѣ преимущества на сторонѣ эксплуататора: на его сторонѣ сила государства, на его сторонѣ богатство. Чтобы вести борьбу съ надеждой на успѣхъ, рабочіе должны противопоставить фабрикантамъ силу организованной рабочей арміи, опирающейся на ясное сознаніе всѣхъ своихъ членовъ. Чтобы сьорганизоваться, чтобы имѣть возможность сговориться рабочимъ разныхъ городовъ, чтобы создать одинъ союзъ для общей борьбы, необходима свобода собраний; для того, чтобы можно было растолковать всей рабочей массѣ пользу отъ союза съ другими рабочими, необходимость борьбы съ капиталистическимъ строемъ, надо, чтобы рабочіе имѣли свои газеты и журналы, гдѣ объяснялась бы роль и значеніе рабочаго движенія, — необходима свобода слова. Самодержавное правительство, въ которомъ царь долженъ являться отцомъ семейства, самовольно распоряжающимся жизнью и имуществомъ своихъ ближнихъ, но въ которомъ онъ на самомъ дѣлѣ не больше какъ игрушка въ рукахъ нѣсколькихъ честолюбцевъ-министровъ, не можетъ допустить, чтобы въ странѣ существовали иныя мысли, иныя чувства, иныя стремленія, кромѣ дозволенныхъ царской полиціей. Царское правительство является тою цѣпью, которая сковываетъ по рукамъ и ногамъ нашъ

рабочій классъ. Сорвать съ себя оковы рабства, испровергнуть самодержавіе и замѣнить его другимъ, народнымъ правительствомъ, такова ближайшая задача русскихъ рабочихъ.

Какъ начать эту борьбу, какъ ее вести, объ этомъ придется еще разъ бесѣдовать въ дальнѣйшихъ книжкахъ. Здѣсь же мы намѣрены на цѣломъ рядѣ примѣровъ, сообщенныхъ намъ товарищами съ родины, показать, какую роль играетъ наше правительство въ „разрѣшеніи“ рабочаго вопроса.

Намъ, можетъ быть, слѣдовало начать издалека: рассказать, какъ необходимость уплачивать непосильные подати и налоги, идущіе на содержаніе царя, его огромной семьи, цѣлой арміи никому ненужныхъ чиновниковъ, огромнаго войска, служащаго скорѣе для царской потѣхи да противъ самого русскаго народа, чѣмъ для защиты страны отъ нападенія враговъ, заставляетъ крестьянина бросать свою землю и искать работы въ городѣ, на фабрикѣ, такъ что правительство способствуетъ возникновенію и росту запасной рабочей арміи; слѣдовало бы также сообщить о томъ, какъ правительственнымъ „заботы“ о мужикѣ (урядники, земскіе начальники) превращаютъ его въ нищаго, въ силу чего потребности массы населенія все падаютъ, уменьшается производство и съ нимъ спросъ на рабочія руки и проч. и проч. Но объ этомъ мы предпочитаемъ поговорить въ особой статьѣ; теперь же мы предположимъ, что правительство уже продѣлало надъ крестьяниномъ всѣ тѣ пакости и мерзости, на какія оно способно: выгнало его изъ деревни, заставило долго шататься въ поискахъ за работой, по нѣскольку разъ сажало въ тюрьмы за попрошайничество или бродяжничество (если нечѣмъ было заплатить за паспортъ), пока, наконецъ, нашему деревенскому счастливцу (по мнѣнію начальства, всякій русскій человекъ изъ низшихъ сословій долженъ быть счастливъ, когда находитъ работу) удалось пристроиться гдѣ-нибудь на фабрикѣ или заводѣ. Мы уже отчасти знаемъ, что его тамъ ждетъ; но вмѣшательство полиціи и чиновниковъ рѣшительно во всѣ стороны его жизни

дѣлаетъ его положеніе невыносимымъ. Освобожденный отъ крѣпостного ига помещиковъ, онъ сталъ крѣпостнымъ цари, который поддерживаетъ его враговъ-фабрикантовъ и мѣшаетъ всякому его свободному движенію. Хотите фактовъ? Ихъ много въ русской жизни. Мы выберемъ тѣ, которые касаются самаго послѣдняго времени.

Рѣшительно на всѣхъ фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ полиція держитъ своихъ шпионовъ, которые доносятъ ей обо всякомъ наиболѣе сознательномъ рабочемъ, принимающемъ близко къ сердцу интересы своихъ товарищей. Такихъ рабочихъ полиція начинаетъ травить: сначала дѣйствуетъ на главнаго мастера, на завѣдующаго работами, которые донимаютъ рабочаго штрафами, вычетами, а часто и побоями. Рабочій долго терпитъ, но наконецъ выходитъ изъ себя и словомъ или дѣломъ мститъ за давнія обиды и оскорбленія. Этого только и нужно: полиція предастъ преступника суду, его прячутъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ тюрьму, откуда онъ выходитъ совершенно разбитымъ и физически, и нравственно. Но полиція мало одной жертвы, она хотѣла бы совершенно вытравить изъ рабочихъ духъ недовольства, и на время ей это удается. Лучшіе изъ рабочихъ заступаются за своего обиженнаго товарища, начинается стачка рабочихъ, требующихъ освобожденія неповинно осужденнаго, и тутъ начинается разгулъ полиціи: она хватается направо и налево, виновныхъ и невинныхъ, запираетъ въ тюрьму или высылаетъ на родину. На время рабочіе присмирѣли, пока полиціи не потребуется вызвать новый „бунтъ“ и вырвать такимъ образомъ изъ среды рабочихъ новую сотню жертвъ. Такой, напр., „бунтъ“ былъ вызванъ исключительно полиціей среди рабочихъ мастерскихъ Владикавказской ж. д. въ Ростовѣ на Дону.

Уже въ концѣ 1893 г. жандармы пронюхали, что на этой дорогѣ среди рабочихъ дѣятельно ведется пропаганда социалистическихъ идей. Надо было не только прогнать и лишитъ заработка „социалистовъ“, но и запугать надолго рабочую массу, чтобы она и цыкнуть

не посылала. И вотъ начинается цѣлый рядъ преслѣдованій, сначала мелкихъ, потомъ все болѣе и болѣе грубыхъ, выведшихъ, наконецъ, изъ терпѣнія рабочихъ. Уже въ декабрѣ 1893 г. одинъ изъ нашихъ товарищей сообщалъ намъ слѣдующее объ этихъ придиркахъ:

„Не буду говорить, писалъ онъ, о положеніи рабочаго: его экономическое положеніе хорошо всѣмъ извѣстно. Не буду говорить о тѣхъ „недоразумѣніяхъ“, которыя часто возникаютъ между представителями капитала и рабочими. Уважу только, какъ пользуются этими недоразумѣніями и что они вызываютъ. Обсчитываніе рабочихъ, прижимки, грубое обращеніе, — все это происходитъ гласно, во всю ширь варостающаго русскаго капитализма. Прихлебатели капитала не знаютъ никакихъ границъ, кромѣ своего алчнаго инстинкта. Да они и увѣрены, что власти и судъ всегда примутъ ихъ сторону, если рабочіе вмѣстѣ-ли, или въ одиночку подумаютъ отстаивать свое человѣческое достоинство и заработанный тяжелымъ трудомъ кусокъ хлѣба. Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Обсчитали одного рабочаго Рудометова (бывшаго политическаго ссыльнаго, пробылъ четыре года въ Семипалатинской области). При объясненіи по поводу такого обсчитыванія Рудометовъ вышелъ изъ себя и побилъ мастера. Въ мастерскія (Ростовской ж. д.) явился тотчасъ жандармы, составили протоколъ, и Рудометовъ былъ привлеченъ къ уголовной отвѣтственности. А надо сказать, что жандармы суютъ свой носъ во все, что дѣлается въ мастерскихъ и на дорогѣ: ни одного рабочаго, кондуктора, конторщика не примутъ на службу безъ согласія жандармовъ. Въ день суда надъ Рудометовымъ публики набралось масса, особенно изъ рабочихъ, которые пришли посмотреть, каковъ-то будетъ правый судъ надъ ихъ братомъ, постоявшимъ за свои права. Входитъ и жандармскій офицеръ Лосевъ, завѣдующій жандармской полиціей на Ростовской дорогѣ и проситъ судью поговорить съ нимъ наединѣ, на что получаетъ милостивое приглашеніе. Нѣкоторыя слова изъ этого таинственнаго разговора долетаютъ до публики и до

Рудометова. Слышны слова: „Бывшій политическій ссыльный... вліяніе между рабочими... двухъ-тысячная толпа... наказаніе примѣрное“. Судья отвѣчаетъ: „Повѣрьте, что могу! Очень радъ...“ Горячее рукопожатіе въ довершеніе столь милостиваго разговора. — Начался и судъ. По прочтеніи протокола, Рудометовъ не выслушивается, какъ это водится на судѣ, а приступаютъ прямо къ допросу свидѣтелей. Всѣ свидѣтели со стороны мастера и полиціи. Допрашиваютъ и какого-то техника, который показывается въ пользу мастера. Послѣ его показанія встаетъ Лосевъ и, пожимая при всей публикѣ руку этому технику, благодаритъ за показаніе. Лосевъ благодаритъ за показаніе и какого то рабочаго, но руки ему не жметъ, а только ловко прищелкиваетъ шпорами. Когда Рудометовъ проситъ слова, чтобы выяснить свои мотивы, судья его по-просту обрываетъ. Лосевъ проситъ слова, ему разрѣшается говорить. „Я поставленъ смотрѣть за рабочими. Если одинъ изъ нихъ не будетъ наказанъ примѣрно, то эта 2000-ая толпа пойдетъ по его стопамъ“. Судья кланяется, **отказываетъ Рудометову въ послѣднемъ словѣ** и приговариваетъ его къ двумъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Какъ видите, ни судья, ни Лосевъ даже не постарались скрыть свой произволъ“.

Эта исторія, въ которой роль царской полиціи выступаетъ во всей ея низости и гадости, служила только началомъ къ цѣлому ряду гоненій противъ ростовскихъ рабочихъ. Вскровъ послѣ нея, въ послѣднихъ числахъ декабря 1893 г., при выходѣ изъ театра былъ схваченъ переодѣтыми жандармами рабочій Вѣтровъ. Тотчасъ же, ночью, этого рабочаго привозятъ въ Ростовское жандармское управленіе и подвергаютъ допросу. Онъ имѣлъ неосторожность отвѣтить на нѣкоторые вопросы. Отвѣты его показались интересными, и его въ тотъ же день отправили въ г. Новочеркасскъ къ начальнику жандармскаго правленія, полковнику Страхову. Страховъ прежде всего напугалъ Вѣтрова тѣмъ наказаніемъ, которому онъ подвергнется, если не захочетъ сознаться. Перепуганный угрозами и опьяненный виномъ, которымъ

угощалъ его Страховъ (жандармы знали о слабости Вѣтрова къ вину, и этимъ объясняется то, что арестовали именно его, а не другого кого изъ ростовскихъ рабочихъ), Вѣтровъ сталъ называть фамилии лицъ, участвовавшихъ въ рабочихъ кружкахъ и оговорилъ много народу. Черезъ три дня Вѣтровъ отравился отъ угрызений совѣсти, давъ знать передъ смертью знакомымъ, что онъ выдалъ массу людей. Въ Ростовѣ пошли аресты: сразу посажено было въ тюрьму 14 человекъ, а черезъ мѣсяцъ былъ арестованъ рабочій Мосеенко. Между тѣмъ, накопившееся постепенно среди рабочихъ недовольство прорвалось послѣ одного изъ тѣхъ безчеловѣчныхъ поступковъ, которые дозволяли себѣ завѣдующіе работами въ мастерскихъ, опираясь на всемогущую власть жандармовъ. О ближайшей причинѣ стачки намъ писали слѣдующее:

„Всѣми работами при мастерскихъ Владикавказской жел. дор. (въ Ростовѣ) завѣдывалъ одинъ инженеръ, человекъ очень грубый, штрафовавшій рабочихъ за всякіе пустяки и увольнявшій часто ни въ чемъ неповинныхъ рабочихъ. Съ каждымъ годомъ недовольство и озлобленіе рабочихъ росли, бывали иногда вспышки, но онѣ всегда очень умѣло и энергично подавлялись, такъ что никто о нихъ не зналъ. За послѣднее время передъ стачкой завѣдующій работами инженеръ сталъ буквально невыносимъ; онъ то и дѣло налагалъ штрафы на ничтожный и безъ того заработокъ рабочихъ, увольнялъ всѣхъ на его взглядъ „бунтовщиковъ“, что, конечно, не улучшало отношеній къ нему рабочихъ.

„Въ желѣзнодорожномъ депо имѣется такъ называемое „собирающее“ отдѣленіе, гдѣ изъ отдѣльныхъ частей собираютъ паровозъ. Такъ какъ эта работа производится рѣдко, то особыхъ рабочихъ для этого не имѣется, а когда нужно собирать паровозъ, то рабочихъ берутъ изъ мастерскихъ и платятъ имъ сдѣльно за каждый составленный паровозъ. Работа сама по себѣ кропотливая и утомительная, но рабочіе соглашались на нее, надѣясь заработать нѣсколько больше обыкновеннаго. На самомъ же дѣлѣ они при новомъ инженерѣ полу-

чали гораздо меньше, такъ какъ онъ заставлялъ по 2-3 раза составлять одинъ и тотъ же паровозъ.

„Однажды — это было въ мартѣ 1894 г. — въ депо былъ собранъ паровозъ. Когда туда вошелъ инженеръ, рабочій накручивалъ уже послѣднія гайки. Инженеръ, бывшій въ этотъ день особенно не въ духѣ, выругалъ всѣхъ находившихся въ депо рабочихъ и велѣлъ разобратъ весь паровозъ. Затѣмъ онъ подошелъ къ рабочему, завинчивавшему гайки, ни за что ни про что выругалъ его и, какъ говорятъ, ударилъ. Рабочій былъ человекъ уже старый; товарищи за него заступились. Поднялся шумъ, слышались брань и угрозы начальству. Инженеру удалось скрыться въ суматохѣ. На другой день всѣ рабочіе явились на работу, но увидѣвъ, что ихъ товарищъ, „поссорившійся“ съ инженеромъ, удаленъ, рѣшили прекратить работу. Стачка охватила довольно широкой районъ железнодорожнаго пути. Начальство, перепробовавъ всѣ угрожающія средства, приступило къ переговорамъ, ибо время было горячее, а рабочихъ не было. Рабочіе заявили, что они лишь тогда приступятъ къ работѣ, когда будутъ удовлетворены слѣдующія ихъ требованія: 1) ихъ уволенный товарищъ долженъ быть опять принятъ на службу; 2) инженеръ долженъ быть удаленъ; 3) заработная плата будетъ повышена и число рабочихъ часовъ уменьшено и 4) всѣ налагаемые на нихъ штрафы должны идти не въ пользу дороги, а на образованіе особаго капитала, изъ котораго выдавались бы пособія рабочимъ въ случаѣ ихъ болѣзни, или ихъ семьямъ въ случаѣ ихъ смерти.“

Такое сознательное выступленіе ростовскихъ рабочихъ со вполне опредѣленными требованіями не на шутку испугало начальство дороги. Если бы рабочіе бунтовали, разбивали мастерскія, ихъ легко было бы усмирить казацкими нагайками, а то и ружейными пулями. Но рабочіе вели себя смирно и твердо стояли на своихъ требованіяхъ. Конечно, и за это ихъ можно было привлечь къ суду (русскіе законы наказываютъ за всякое дѣйствіе скопомъ), но время, какъ сказано, было горячее, и начальство готово уже было

уступить, но обратилось предварительно къ министру Кривошеину. Министръ телеграфировалъ, что если рабочіе не согласятся черезъ три дня приступить къ работѣ, то всѣхъ ихъ немедленно уволить безъ права поступленія на какія-либо казенныя работы.

Положеніе рабочихъ было безвыходное, — и на третій день почти всѣ рабочіе приступили къ работѣ. Этимъ, конечно, дѣло не кончилось, Теперь пошла травля со стороны жандармовъ; много рабочихъ было арестовано, болѣе 150 человекъ выслано изъ Ростова и лишены права поступать въ желѣзнодорожныя мастерскія. Съ оставшимися въ тюрьмѣ обращались безчеловѣчно: одинъ изъ рабочихъ, Шамуровъ, тамъ сошелъ съ ума. Около 20 человекъ было сослано на разные сроки въ Архангельскую губернію.

Тяжела та школа, въ которой приходится учиться русскому рабочему; малѣйшій отпоръ съ его стороны, — и начальство не стѣсняется запереть въ тюрьмы, ссылатъ, оставлять безъ куска хлѣба. Русскій министръ, обкрадывающій ежегодно казну на десятки тысячъ рублей, находитъ чрезмѣрной грошевую прибавку къ жалованью рабочаго.

Исторія ростовской стачки очень многому должна была научить тамошнихъ рабочихъ; они должны были понять, что ихъ единичныхъ, разрозненныхъ силъ недостаточно для борьбы съ такимъ врагомъ, какъ министерство путей сообщенія. Но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ происходили въ послѣднее время стачки, гдѣ не были затронуты непосредственно интересы правительства, рабочіе все-таки очень скоро убѣдились, что войско, жандармы, полиція, все начальство готово къ услугамъ фабрикантовъ, какъ только измученный, изнуренный рабочій попробуетъ заявить о своихъ очень скромныхъ желаніяхъ.

„Въ іюнь 1895 года, подѣ Москвой, около станціи Кусково Николаевской жел. дороги произошла стачка на Мазуринской бумагопрядильной фабрикѣ, принадлежащей К. К. Мазурину и Герасимову съ сыновьями. Мазуринъ въ дѣла не вмѣшивался, а управлялъ всѣмъ

Герасимовъ съ директоромъ. Притѣсненіями они довели рабочихъ до того, что тѣ отказались отъ работы. 11-го іюня первая смѣна прядильщиковъ (17 чел.), окончивъ работу, стала требовать отъ мастера прибавки; къ нимъ присоединилась и вторая смѣна. Мастеръ Герасимовъ, хозяйскій сынъ, сначала было обѣщалъ прибавить по 5 коп. на рубль. Рабочіе сейчасъ же потребовали утвержденія новой раздѣнки, но мастеръ, успѣвшій уже посоветоваться съ директоромъ фабрики, объявилъ, что хозяева теперь раздѣнки не подпишутъ, а повѣсятъ ее послѣ Покрова дня, когда кончится срокъ найма. Но рабочіе не повѣрили этому обѣщанію и забастовали. Дали знать фабричному инспектору. Къ вечеру пріѣхалъ его помощникъ, и къ тому же времени поднялась вся фабрика, около 2000 человекъ. Забастовщики, требуя повышенія заработной платы, указывали на сосѣднюю фабрику, гдѣ рабочимъ послѣ Пасхи была сдѣлана прибавка. Какъ разъ въ это время въ фабричной школѣ производился экзаменъ, на которомъ присутствовалъ попечитель ея Мазуринъ. Когда онъ послѣ экзамена вышелъ изъ школы, рабочіе окружили его, требуя прибавки. На это Мазуринъ отвѣчалъ, что онъ оплачиваетъ трудъ рабочихъ прекрасно: самый маленький мальчикъ получаетъ 40 к., а прядильщикъ 60-70 к. Когда рабочіе стали жаловаться на то, что завѣдующій убавляетъ число рабочихъ и удлинняетъ рабочій день оставшихся, то Мазуринъ, между прочимъ, заявилъ, что у него на фабрикѣ числится 4000 человекъ. Это была неправда: на фабрикѣ работало всего 3000 человекъ, причемъ прядильщики получали 37 коп., а не 60-70, какъ утверждалъ Мазуринъ. Его слова подлили масла въ огонь, такъ что рабочіе начали выходить изъ себя. Все начальство тайкомъ скрылось въ сосѣднее село. Остался только хозяйскій сынъ, мастеръ Герасимовъ. Онъ за ночь „бунтовалъ“ съ рабочими, стараясь спасти хозяйское добро, угощалъ рабочихъ папирсами, сладостями, хлѣбомъ, думалъ отдѣлаться этими подачками. Но разъяренная толпа искала, на чемъ бы сорвать гнѣвъ. Тогда Герасимовъ указалъ на старня, негодныя

постройки, и такимъ образомъ спасъ отъ разгрома главныя зданія. На другой день всѣ винныя лавки по сосѣдству были заперты; это только еще болѣе усилило раздраженіе стачечниковъ, и они начали безъ пощады громить все, что ни попадалось подъ руку. Избита была полиція, разнесена квартира директора, перебиты стекла въ фабричныхъ корпусахъ. Не удѣляли бы и машины, если бы во время не прибыли казаки. Всѣ рабочіе столпились во дворѣ, затворили ворота и не пускали казаковъ; но послѣдніе ворвались силой. Начальникъ сталъ спрашивать, чего хотятъ рабочіе. Нѣкоторые стали было говорить, но тутъ послышались голоса: „что на него, братцы, смотрѣть?“

„Вслѣдъ за этимъ полетѣли въ казаковъ камни; офицеръ далъ знакъ — и казаки, сомкнувшись, бросились на народъ и загнали нагайками въ спальни. Начались переговоры. Рабочіе требовали поголовнаго разчета, если имъ не дадутъ прибавки. Но, какъ и слѣдовало ожидать, ихъ самымъ подлымъ образомъ обманули: вызвали всѣхъ на фабричный дворъ, разставили въ ряды, и мастеръ Герасимовъ, бунтовавшій съ ними ночью, ходилъ, окруженный солдатами по рядамъ и указывалъ зачинщиковъ. Арестовали около 200 человекъ. Остальные опять взялись за работу“.

Можетъ, однако, показаться, что въ исторіи этой стачки фигурируютъ казаки и аресты только потому, что выведенные изъ себя рабочіе обращались не совсемъ вѣжливо съ Мазуринскимъ добромъ, — но такое заключеніе будетъ невѣрно. И намъ поведеніе мазуринскихъ рабочихъ не кажется правильнымъ. Какое напр., имѣетъ отношеніе битые стекла къ требованію увеличенія заработка? Можно-ли думать, что разгромъ фабрики способствуетъ уменьшенію рабочаго дня? Очевидно, что никакого отношенія здѣсь нѣтъ, и никто не можетъ думать, что такимъ путемъ онъ улучшить свое положеніе. Но всякій, кто хоть мало-мальски знакомъ съ нашими фабричными порядками; всякій, кто видѣлъ, какъ мастера и хозяева обращаются съ рабочими, не удивится, что въ нихъ иногда просыпается

чувство мести, желаніе какъ-нибудь папакостить фабриканту. Чувство мести есть, можетъ быть, первый признакъ пробужденія челоуѣческаго достоинства въ рабѣ. Сегодня еще униженный, онъ завтра заговоритъ языкомъ челоуѣка, сознающаго свои силы и свои права.

„Московскій фабрикантъ Прохоровъ сьумѣлъ прославиться своимъ „либерализмомъ“. На фабрикѣ у него школа, устроилъ онъ также и народное гулянье. Тѣмъ не менѣе, рабочимъ у него жилось плохо. Ткачи получаютъ отъ 8 до 15 руб. въ мѣсяцъ. Хотя Прохоровъ и нѣкоторые другіе фабриканты даютъ имъ еще даровую квартиру, но ея не всѣ рабочіе могутъ пользоваться (семейные, напр., лишаются ея, также и всѣ провинившіеся въ чемъ-нибудь). Кромѣ того, даровыя квартиры очень плохо устроены въ гигиеническомъ отношеніи. Тѣ же рабочіе, которые не пользуются даровой квартирой, ничего не получаютъ сверхъ обычной платы. Но и этотъ скудный заработокъ Прохоровъ старается урѣзать. Для достиженія этой цѣли, онъ пускается на всякія хитрости, не останавливаясь и передъ мошенническими уловками. Такъ, за кусокъ въ 90 арш. онъ заставляетъ рабочихъ брать плату, какъ за кусокъ въ 60 арш.; выдаетъ плохую основу, вслѣдствіе чего нитки безпрестанно рвутся, ихъ приходится связывать, а время уходитъ, станокъ стоитъ, да еще за каждый узелъ приходится платить штрафъ. Всѣ эти притѣсненія особенно усилились къ веснѣ этого года, изъ желанія, уменьшеніемъ заработка рабочаго, покрыть уменьшеніе дохода, происшедшее благодаря вздорожанію хлопка. Наконецъ, терпѣніе рабочихъ допнуло и они рѣшились просить прибавки. Хотѣли заявить объ этомъ въ субботу 20-го мая. Но прошла суббота, воскресенье, понедѣльникъ. — а никто не рѣшался выступить съ требованіемъ. Эти толки среди рабочихъ дошли тѣмъ временемъ до администраціи. Во вторникъ въ 11 часовъ утра, когда пришла мужская смѣна, мастеръ велѣлъ сторожамъ запретить фабрику и крикнулъ ткачамъ: „ну, вотъ вы просили прибавки, ступайте, кому мало, хозяинъ въ конторѣ“. Сначала никто не двигался съ мѣста, наконецъ,

отправились въ контору. Прохоровъ, желая поселить раздоръ среди рабочихъ, согласился повысить разцѣнку на три сорта. Но рабочіе не согласились: „прибавлять, такъ прибавлять всѣмъ“. Тогда Прохоровъ предложилъ имъ работать въ ночь на воскресенье. Но ткачи не согласились и на это. Изъ конторы между тѣмъ дали знать фабричному инспектору. Тотъ пріѣхалъ, никакихъ объясненій отъ рабочихъ не принявъ, обрывая всякаго, кто хотѣлъ сказать ему слово. Онъ, между прочимъ, произнесъ рабочимъ рѣчь, въ которой убѣждалъ ихъ прекратить стачку, указывая на Прохорова, какъ на образцоваго фабриканта, который заботится о рабочихъ; въ противномъ случаѣ грозилъ имъ ссылкой въ Архангельскую губ. Эта рѣчь возмутила рабочихъ, и они замѣтили инспектору, что было бы лучше, еслибы вмѣсто гуляній Прохоровъ накиннулъ имъ нѣсколько копѣекъ. „Несогласны“, кричали они, и разошлись. Тогда вызваны были казаки и войска. Ночью, во время сна, спальни рабочихъ были окружены нѣсколькими стами городовыхъ и казковъ. Утромъ, часовъ въ 6, началось наступленіе. Стали будить ткачей и выгонять ихъ изъ спаленъ на дворъ. На дворѣ ихъ разставили въ ряды, а мастера, управляющій и хозяинъ ходили по рядамъ и отбирали тѣхъ рабочихъ, которые ими раньше были замѣчены въ чемъ-нибудь, или просто казались подозрительными. Отобрали человѣкъ 50 и отправили въ въ участокъ. Затѣмъ вынесли для чего-то якону и объявили: „желающіе идти работать — идите, а не желающіе — заявите“. Всѣхъ, кто требовалъ расчета, немедленно забирали и отправляли въ участокъ. Но ткачи догадались, въ чемъ дѣло, и немногіе изъ нихъ заявили о своемъ желаніи получить расчетъ. Всего было арестовано до 70 человѣкъ. Такъ былъ усмирень этотъ „бунтъ“. Изъ 70 арестованныхъ слѣдователь не нашелъ возможнымъ задержать больше 18. Изъ нихъ троихъ отобрали въ качествѣ зачинщиковъ и отправили въ петербургскую тюрьму, а остальныхъ выслали административнымъ порядкомъ на родину подъ надзоръ полиціи на два года; тѣмъ же, кто родомъ изъ Московской губерніи, запретили жить въ ней“.

Иной разъ выищется такой рѣдкій полицейскій чиновникъ, который не хочетъ взять на свою совѣсть укрощеніе несуществующаго „бунта“, но и въ такомъ случаѣ рабочіе, благодаря своей неорганизованности, не въ состояніи одолѣть своего хозяина. Слишкомъ уже неравны борющіяся силы. Приведемъ примѣръ одной стачки, разыгравшейся при сравнительно выгодныхъ для рабочихъ условіяхъ. Дѣло происходило также нынѣшнимъ лѣтомъ въ складѣ товарищества К. и С. Поповыхъ. Товарищество это, какъ извѣстно, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ чайной торговлѣ и съ каждымъ годомъ расширяетъ свое предпріятіе. За послѣднія десять лѣтъ имъ продано было 50 милл. фунт. чаю на сумму 31 мил. руб.; чистая прибыль за 1894 г. равнялась 800 тыс., а въ 1895 году рассчитывали выручить около милліона. Число магазиновъ доходило до 60 и постоянно открываются еще новыя. Число рабочихъ, занятыхъ развѣской и обандероливаніемъ, растетъ съ каждымъ годомъ, а между тѣмъ фирма старается сохранить старыя „семейныя“ отношенія между рабочими и хозяевами. Держитъ она рабочихъ въ „страхѣ божіемъ“, и почти не выпускаетъ ихъ со двора. Работа въ складѣ кончается въ 7 часовъ вечера, а къ 9 часамъ всѣ должны быть дома въ повѣркѣ. Опоздавшій немедленно получаетъ расчетъ. На побывку къ роднымъ тоже почти не пускаютъ. Чтобы рабочимъ не скучно было сидѣть взаперти, Поповы обучаютъ ихъ музыкѣ (для чего по воскресеньямъ приходитъ учитель) и устроили для нихъ небольшую бібліотечку. Какъ видите, господа Поповы — хозяева совсѣмъ особенные; для нихъ рабочій, что дитя неразумное, его и поучить надо, да и присмотрѣть за нимъ не мѣшаетъ, какъ бы по неосторожности не причинилъ бы себѣ какого либо вреда. Но рабочіе смотрѣли на дѣло иначе. Они полагаютъ, что сами лучше знаютъ, что для нихъ хорошо или дурно; музыкѣ они, можетъ быть, непрочъ бы поучиться, да предпочли бы это сдѣлать на свободѣ, а не взаперти. Словомъ, поводовъ къ столкновенію представлялось не мало, въ особенности еще по той при-

чинѣ, что Поповы, несмотря на горячую любовь къ рабочимъ, были гораздо сильнѣе привязаны къ собственному кошельку. Плата у Поповыхъ гораздо ниже, чѣмъ у другихъ чаеоторговцевъ. Всякій новый рабочий поступаетъ на 5 руб. (отъ хозяйина полагается квартира и кромѣ того выдаются харчевныя въ артель по 7 руб. на человѣка. Остатки отъ артельныхъ расходовъ идутъ не рабочимъ, а остаются въ карманѣ у управляющаго). Затѣмъ понемногу плата растетъ и лѣтъ черезъ пять доходитъ до 15 руб., послѣ чего ростъ ея прекращается. Но въ дѣйствительности до 15 руб. почти никто не дослуживается, т. е. хозяева обыкновенно увольняютъ старыхъ, замѣняя ихъ новичками. Но для того, чтобы такая частая переменна не вредила дѣлу, которое требуетъ извѣстнаго навыка, хозяева завели такой порядокъ: каждому столу задается извѣстный урокъ, который во что бы то ни стало долженъ быть выполненъ. Связанные такой **круговой** порукой, рабочіе каждаго стола должны интенсивнѣе (напряженнѣе) работать, а часто кончатъ работу и въ нерабочее время, такъ что десятичасовой рабочий день (отъ 7 часовъ утра до 7 часовъ вечера) всегда немного длиннѣе. При такихъ порядкахъ, въ поводахъ къ раздраженію у служащихъ недостатка не можетъ быть. Уже два года тому назадъ оно прорвалось наружу по такому поводу. Въ складѣ пропали бандероли, за что отказано всѣмъ рабочимъ, работавшимъ за однимъ столомъ. Ихъ сторону приняли развѣсчики, которые потребовали, чтобы вернули расчитанныхъ товарищей или чтобы всѣмъ дать разчетъ. Ихъ разчитали. Рабочіе должны были покориться. Но это столкновение показало рабочимъ, что для своихъ требованій имъ нужно выбрать какой нибудь другой путь. — Но какой? Трудно сразу рѣшить, въ особенности рабочему, имѣющему мало опытности и принужденному рѣшать всѣ свои дѣла тайкомъ отъ хозяйина, отъ полиціи. Въ данномъ случаѣ рабочіе предположили, что имъ нужно выбрать для своихъ требованій болѣе подходящий моментъ, когда фирма особенно нуждается въ опытныхъ работникахъ. Такой случай представился

нынѣшнимъ лѣтомъ. Чай въ складѣ весь вышелъ, спросъ былъ большой, а въ Одессу только-что пришли пароходы съ новымъ чаемъ. Въ виду такихъ благоприятныхъ для нихъ обстоятельствъ, рабочіе въ пятницу 21-го іюня заявили управляющему Смѣшному, что они будутъ продолжать работу лишь въ томъ случаѣ, если, во-первыхъ, имъ прибавятъ по 2 руб. на человѣка, а во-вторыхъ, отмѣнятъ всѣ порядки, стѣсняющія ихъ свободу. Управляющій доложилъ объ этомъ 26-го іюля въ собраніи членовъ товарищества. Большинство высказалось было за согласіе на требованія рабочихъ, но меньшинство запротестовало. Нѣкто Мальбергъ сказалъ по этому случаю цѣлую рѣчь, въ которой старался доказать собранію, что требованіямъ со стороны рабочихъ не будетъ конца, разъ имъ сдѣлать хоть одну уступку, и ссылаясь на бывшую два года назадъ стачку, которая показала, что рабочіе не въ состояніи бросить работу. Рѣшено было требованіе рабочихъ отвергнуть, о чемъ и было объявлено 27-го. На слѣдующій же день всѣ рабочіе потребовали расчета. Управляющій далъ знать полиціи о „бунтѣ“; но немедленно явившійся приставъ не нашелъ никакого повода для вмѣшательства полиціи: до того смирно вели себя „бунтовщики“. Рабочіе получили расчетъ и потомъ всѣ разошлись по другимъ чаоторговцамъ, гдѣ въ это время шла смѣшная работа. 29-го іюля правленіе пригласило къ себѣ выборныхъ отъ рабочихъ, но переговоры ни къ чему не привели. Лишь когда окончилась временная работа у другихъ чаоторговцевъ, рабочіе должны были опять вернуться къ Поповымъ, при чемъ имъ обѣщано было измѣнить условія жизни; но отъ повышенія заработной платы они должны были отказаться. Сдержатъ-ли Поповы свое обѣщаніе? Вѣроятно, кое-что будетъ измѣнено, но трудно предположить, что товарищество вовсе откажется отъ своихъ патріархальныхъ приемовъ: слишкомъ оно хорошо знаетъ, что рабочіе не въ состояніи бросить работу. Чтобы бросить работу, необходимо существованіе кассы, откуда сидящій безъ работы могъ бы получать помощь; такой кассы рабочимъ не

позволить устроить русское правительство. Чтобы бросить работу съ надеждой на успѣхъ, надо, чтобы другіе рабочіе не шли работать туда, гдѣ работа стоптъ; узнать объ этомъ рабочіе могли бы изъ газетъ, но ничего подобнаго въ газетахъ печатать не дозволяютъ. Чтобы довести стачку до конца, рабочимъ необходимо часто собираться, чтобы столковаться между собою и съ посторонними, но сочувствующими людьми; но такія собранія запрещены русскими законами. Это безправіе рабочихъ — на руку хозяевамъ, сторону которыхъ держитъ царь и его сановники. Фабрикантамъ все можно: они имѣютъ и свои съѣзды, на которыхъ рѣшаютъ вопросы о томъ, какъ почище обирать публику да получше прибрать къ рукамъ непокорныхъ рабочихъ; они и стачки могутъ устраивать, чтобы повысить цѣны на свои продукты. Мы слышали о съѣздахъ углепромышленниковъ, мукомоловъ, сахароваровъ; слышали о стачкахъ противъ потребителей тѣхъ же сахароваровъ, нефтепромышленниковъ, и пр. Но гдѣ же съѣзды рабочихъ? Почему стачка рабочихъ считается „бунтомъ“?

Подъ деспотической властью русскаго царя одинаково страдаютъ рабочіе всѣхъ національностей, русскіе и поляки, евреи и нѣмцы. Въ царствѣ польскомъ, гдѣ промышленность гораздо сильнѣе развита, чѣмъ въ собственно русскихъ губерніяхъ, рабочіе благодаря своей скученности въ большихъ городахъ, сумѣли лучше организовать, чѣмъ это сдѣлали до сихъ поръ русскіе рабочіе. Не смотря на сильныя преслѣдованія со стороны царскихъ чиновниковъ, польскіе рабочіе безъ различія вѣроисповѣданія и національности, всѣ болѣе или менѣе примыкаютъ къ социалистической партіи, издающей свою газету для рабочихъ, собирающейся ежегодно на съѣзды (конечно, все это дѣлается втайнѣ отъ зоркихъ глазъ полиціи). Но и польскимъ рабочимъ приходится терпѣть пораженія, благодаря вмѣшательству властей въ пользу хозяевъ. Интересна въ этомъ отношеніи происшедшая нынѣшнимъ лѣтомъ стачка въ Вѣлостокѣ.

Вѣлостокъ — большой городъ съ 70 тысячнымъ на-

селеніемъ, занятымъ исключительно фабричнымъ производствомъ. Здѣшніе рабочіе принадлежатъ къ тремъ національностямъ: полякамъ, нѣмцамъ и евреямъ, разобщеннымъ столѣтними предрасудками и ненавистью, бессознательно заимствованной у высшихъ классовъ; каждая изъ этихъ національностей говоритъ на своемъ языкѣ, непонятномъ для другихъ. И несмотря на общую и жестокую эксплуатацію со стороны фабрикантовъ, эти три группы рабочихъ не дошли до пониманія необходимости дѣйствовать сообща. Но вотъ началась дѣятельность польской социалистической партіи, которая образовала въ Вѣлостокѣ мѣстный комитетъ и одинаково обращалась къ польскимъ рабочимъ, какъ и къ нѣмцамъ и къ евреямъ.

Весною нынѣшняго года гродненскій губернаторъ распорядился, чтобы во всѣхъ фабрикахъ губерніи введены были рабочія книжки. Извѣстно, что русскій царь, простирая свои отеческія заботы и на рабочихъ, издаетъ законы, имѣющіе яко-бы цѣлю охранить рабочихъ отъ насилія фабрикантовъ. Одной изъ такихъ „охранительныхъ“ мѣръ являются рабочія книжки, имѣющія яко-бы цѣлю обезпечить рабочему правильную выдачу заработка; но содержащіяся въ нихъ различныя статьи закона болѣе напоминаютъ отношенія раба къ своему владѣльцу, чѣмъ свободно договаривающагося товаро-продавца къ покупателю. Такъ, одна изъ статей говоритъ, что капиталистъ имѣетъ право нарушить контрактъ въ случаѣ дерзкаго поведенія рабочаго; слѣдующая статья разрѣшаетъ то же самое рабочему только въ томъ случаѣ, если ему будетъ нанесено тяжкое оскорбленіе словомъ или дѣйствіемъ, но при этомъ онъ долженъ просить о разрывѣ контракта. Въ эту же книжку вшивается тетрадка, содержащая внутренній регламентъ фабрики, какъ извѣстно, почти всегда весьма жестокой, который такимъ образомъ получаетъ какъ бы силу закона. Доказано было, кромѣ того, что хозяева напередъ условленными между собою значками обозначали въ книжкахъ поведеніе и степень покорности рабочаго. Рабочіе Вѣлостока увидѣли въ попыткѣ ввести

внижки посягательство на ихъ интересы, на ихъ свободу. Началось сильное возбужденіе. Мѣстный рабочій комитетъ выпустилъ прокламацію, въ которой подчеркнул наглый характеръ новыхъ правилъ, приглашалъ рабочихъ къ сопротивленію. Стачка началась 20-го августа на самой большой бѣлостокской фабрикѣ, принадлежащей Коммихову. 24-го работа была прекращена на шляпной фабрикѣ Браунека и Фосса, и въ теченіе недѣли всѣ рабочіе отобрали свои паспорта, такъ какъ распространился слухъ, что ихъ будутъ приклеивать къ рабочимъ книжкамъ. Съ понедѣльника 26-го стачка стала всеобщей какъ въ городѣ, такъ и во всѣхъ окрестныхъ фабрикахъ. Всего забастовало 26 тысячъ чел. Тогда выступило на сцену правительство. Масса войска, въ особенности казаковъ, была собрана въ Бѣлостокѣ. Съ ними прибылъ гродненскій губернаторъ и фабричный инспекторъ. Оба они начали переговоры съ рабочими, но приказывали арестовывать тѣхъ изъ рабочихъ, которые осмѣливались съ ними не соглашаться, надѣясь, такимъ образомъ, отнять у стачечниковъ ихъ „вожаконъ“. Многіе фабриканты, какъ Коммиховъ, помогали имъ въ этомъ благородномъ дѣлѣ, указывая рабочихъ, которыхъ, по ихъ мнѣнію, слѣдовало арестовать. Попы католическіе и протестанскіе (православныхъ тамъ не было, а то и эти бы не отстали), конечно, также исполнили свою обязанность, произнося чувствительныя проповѣди противъ стачки. Губернаторъ въ своихъ объявленіяхъ требовалъ, чтобы было приступлено къ работѣ, угрожая непокорнымъ самымъ строгимъ наказаніемъ. Но все это не поколебало твердости рабочихъ; они оставались спокойными, не отвѣчая ни на вызовы полиціи, ни на продѣлки фабрикантовъ. Но имъ пришлось бороться съ другимъ болѣе могущественнымъ врагомъ, съ голодомъ. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободы печати, очень трудно, даже невозможно собрать достаточное количество денегъ для содержанія такой массы людей; кромѣ того, положеніе стачечниковъ еще ухудшилось вслѣдствіе правительственнаго приказа о закрытіи до конца стачки всѣхъ суще-

ствовавшихъ въ Вѣлостокѣ кредитныхъ учрежденій, гдѣ рабочіе могли бы подѣ залога своего жалкаго имущества достать хоть немного денегъ. Правда, крестьяне окрестныхъ сель сочувствовали стачечникамъ и бесплатно давали имъ провизію, но стачечниковъ было такъ много, что эта помощь незначительно смягчила нужду, и наконецъ, голодъ довелъ стачечниковъ до того, что 9-го сентября они принуждены были опять взяться за работу. Но дѣятельность социалистической партіи не прошла даромъ, вѣлостокскіе рабочіе многому научились, и въ этомъ отношеніи стачка принесла свои плоды, какъ мы это видимъ изъ прокламаціи, выпущенной рабочимъ комитетомъ 2-го сентября. Она гласитъ: „Товарищи! Удастся-ли намъ съ успѣхомъ низвергнуть его, или же голодъ принудитъ насъ склониться предъ деспотизмомъ, — во всякомъ случаѣ мы своимъ единодушнымъ протестомъ доказали правительству, что оно должно считаться съ нами. Мы докажемъ, что любимъ свободу и что союзныя силы правительства и капиталистовъ, направленные противъ насъ, натолкнутся на наше противодѣйствіе. Раньше или позже мы выйдемъ побѣдителями!“

Крикъ негодованія пронесся бы по всякой другой странѣ, если бы ей правительство осмѣливалось приготовить десятки тысячъ рабочихъ къ голодной смерти. На страницахъ настоящаго „Сборника“ читатели найдутъ описаніе стачки въ Кармо (во Франціи)*). И тамъ буржуазное правительство пало уже такъ низко, что позволило себѣ тайкомъ помогать предпринимателю, но все то, что продѣлывало французское правительство, совершенно блѣднѣетъ передъ подвигами русскихъ жандармовъ. Вся честная Франція помогала стачечникамъ, для нихъ были собраны огромныя суммы, многія даже не социалистическія газеты открыли подписку въ ихъ пользу. А вѣдь тамъ число стачечниковъ едва достигало 800. У насъ же ни одна газета не смѣла пикнуть о стачкѣ, не смѣла запикнуться, что около 30 ты-

слячъ человѣкъ впродолженіи недѣль переносили голодь и всѣ связанныя съ нимъ страданія.

Удивляться, впрочемъ, нечему. Мы привыкли уже къ тому, что наше правительство эксплуатируетъ въ свою пользу и въ пользу высшихъ классовъ голодь народныхъ массъ. Здѣсь не мѣсто вспоминать о его подвигахъ въ голодные годы, когда губернаторы насильно заставляли крестьянъ за безцѣнокъ исполнять разныя работы, которыя предпринимались будто бы въ пользу голодающаго населенія; въ дѣйствительности же правительство хотѣло воспользоваться дешевой рабочей рукой.

Недавно еще больше отличился тамбовскій губернаторъ. Господа тамбовскіе помѣщики жаловались на дороговизну рабочихъ рукъ. Русскіе помѣщики всегда находятъ, что рабочіе получаютъ черезчуръ много, и потому неудивительно, что и тамбовскіе помѣщики не отстали отъ общаго хора. Но тамбовскій губернаторъ (надо полагать, человѣкъ очень жалостливый) принялъ близко къ сердцу страданія бѣдныхъ помѣщиковъ: былъ разосланъ приказъ ко всѣмъ уѣзднымъ исправникамъ о немедленномъ взысканіи податей съ крестьянъ. Что послѣдовало за этимъ, газеты не сообщаютъ; но всѣмъ, мало малски знакомымъ съ отечественными порядками, не трудно догадаться: засвистали по деревнямъ розги, полетѣли зуботычины и ругательства, послѣ чего мужикъ отправился на поклонъ къ барину или къ кулаку. Послѣдніе, чувствуя свою силу, диктовали свои условія, требовали немовѣрныхъ процентовъ, составляли контракты на обработку своихъ полей за безцѣнокъ.

Не мытьемъ, такъ катаньемъ. Гдѣ не дѣйствуетъ штыкъ и пуля, тамъ на помощь приходитъ голодь и розга.

И чтобы у русскихъ рабочихъ не осталось никакого сомнѣнія въ томъ, какъ относится царь къ этой безсовѣстной расправѣ, Николай II счелъ нужнымъ громко, во всеуслышаніе высказать свое мнѣніе о гнусномъ убійствѣ нѣсколькихъ рабочихъ въ Ярославлѣ. Тамъ, на Корзинкинской фабрикѣ (Большая Мануфактура тожь)

25-го апрѣля нынѣшняго года началась стачка. Причинъ для неудовольствія рабочихъ было слишкомъ достаточно. На фабрикѣ работаетъ 7579 человекъ (4238 мужчинъ, 3208 женщинъ, 111 мальчиковъ и 22 дѣвочки). Рабочій день продолжается для мужчинъ 12 час., для женщинъ 9-12 час., а для малолѣтнихъ 8 час. До 1891 года директоромъ фабрики былъ англичанинъ Шокросъ. При немъ не было штрафовъ, и ткачи зарабатывали въ мѣсяць до 25 рублей, прядильщики до 30. Съ 1891 года, послѣ вступленія на должность директора нѣмецкаго Федорова, плата понизилась до 20 руб. прядильщикамъ и 14-15 руб. — ткачамъ. Еще хуже стало положеніе рабочихъ послѣ пасхи, когда администрація фабрики стала раздавать для обработки матеріалъ плохого качества. Съ одной стороны уменьшилась выработка ткачей, такъ какъ плохая пряжа твется гораздо медленнѣе, а съ другой увеличились штрафы за петли и углы, которыхъ стало гораздо больше вслѣдствіе плохого матеріала. Новая система особенно вредно отразилась на ткачахъ и поселила среди нихъ крайнее неудовольствіе. 25-го апрѣля рабочіе увидѣли на стѣнахъ мастерскихъ объявленіе, изъ котораго узнали, что сдѣльная плата съ 10-ти пудовъ прижи понижена на $7\frac{1}{2}$ -8%, для ткачей плата была оставлена прежней, но увеличена ширина ткани. Новая расцѣнка вводилась немедленно, слѣдовательно, Корзинкины и К^о нарушали до срока договоръ съ рабочими, что составляло прямое нарушеніе закона. Возмущенные прядильщики отказались тотчасъ же отъ работы; къ нимъ скоро применили ткачи и почти всѣ рабочіе. На мѣсто пропсшествія, по просьбѣ администраціи, явились войска и власть съ губернаторомъ Фриде во главѣ. Рабочіе отправили къ нему депутацію для выясненія причины забастовки. Депутаціи губернаторъ, однако, не выслушалъ, а приказалъ арестовать ее и посадить въ часть. Подобное отношеніе властей еще болѣе возмутило рабочихъ. Тѣмъ не менѣе, они хотѣли мирно разойтись по домамъ, но на дворѣ наткнулись на солдатъ, которые не только не пропустили ихъ, но стали наносить удары прикладами. Вышедшіе

изъ себя рабочіе отвѣчали градомъ камней и прорвали цѣпь солдатъ. Въ это время пьяный офицеръ приказалъ сдѣлать залпъ, послѣ котораго оказались убитыми одинъ рабочій, одна женщина и одинъ ребенокъ, да ренеными 18 рабочихъ. Характернымъ здѣсь является тотъ фактъ, что всѣ раны нанесены сзади, какъ это показало прокурорское слѣдствіе. Одинъ изъ пайщиковъ Мануфактуры, Шумновъ, пріѣхавшій изъ Москвы, потребовалъ къ себѣ изъ среды забастовавшихъ депутацію, которая и была къ нему отправлена для заявленія слѣдующихъ требованій: 1) возстановленія платы, бывшей при Шокросѣ, 2) увольненія директора Федорова и его помощника Шапова, который дѣлалъ на Мануфактурѣ, что хотѣлъ и который внушилъ къ себѣ рабочимъ такое озлобленіе, что ему едва удалось спастись отъ разъяренной толпы и 3) назначеніе директоромъ главнаго механика Дема, котораго рабочіе любили и который за это подвергся вмѣстѣ съ другимъ англичаниномъ высылкѣ изъ Ярославля. Эта депутація вскорѣ была также арестована. Въ результатѣ стачки оказалось слѣдующее: ни одно изъ требованій рабочихъ не было удовлетворено; измѣнена только расцѣнка 25-го апрѣля, да ненавистный Шаповъ бѣжалъ; 150 человекъ заключено въ тюрьму, до 2000 человекъ уволено, и большинство изъ нихъ выслано изъ Ярославля административнымъ порядкомъ. По окончаніи беспорядковъ администрація фабрики предложила всѣмъ служащимъ назвать имена бунтовщиковъ, а если возможно, то и свидѣтелей, которые могли бы охарактеризовать поведеніе каждаго стачечника и дать свое мнѣніе о причинахъ беспорядковъ. На эти вопросы два конторщика и весь врачебный персоналъ отказались отвѣчать; имъ пришлось не только уйти съ фабрики, но нѣкоторымъ и уѣхать изъ Ярославля.

И вотъ послѣ этихъ подвиговъ храбраго войска, стрѣляющаго по приказанію пьянаго въ тылъ беззащитныхъ рабочихъ, въ Ярославскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ появился слѣдующій приказъ войскамъ московскаго округа: „Начальникъ главнаго штаба отзываетъ сего года

за № 23,659 увѣдомилъ меня, что на всеподданнѣйшемъ докладѣ о дѣйствіи войскъ при содѣйствіи гражданскимъ властямъ по подавленію беспорядковъ на фабрикѣ товарищества Ярославской Большой Мануфактуры, Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Весьма доволенъ стойкимъ и спокойнымъ поведеніемъ войскъ во время фабричныхъ беспорядковъ“. Почитай за счастье о такомъ Высочайшемъ одобреніи дѣйствіи во время упомянутыхъ беспорядковъ объявить по войскамъ Высочайше вѣреннаго мнѣ округа, предписываю приказъ этотъ прочитать во всѣхъ ротахъ, эскадронахъ, сотняхъ, батареяхъ и командахъ; молодцамъ же фанаторіямъ, своимъ доблестнымъ поведеніемъ заслужившимъ одобреніе обожаемаго монарха, объявляю мое спасибо, а ротныхъ командировъ 6-ой роты штабсъ-капитана Калугина и 9-ой роты поручика Петрова, за умѣлое и своевременное употребленіе оружія искренно благодарю. Подписалъ командующій войсками генераль-адъютантъ Костанда“.

Это царское одобреніе и генеральское спасибо никогда не будутъ забыты русскими рабочими. Мы же, социаль-демократы, съ своей стороны шлемъ наше спасибо царю за его громогласное одобреніе солдатъ, убивавшихъ безоружныхъ рабочихъ, ихъ женъ и дѣтей. Распространяй, другъ читатель, это царское слово всюду, гдѣ можешь. Пусть узнаютъ русскіе рабочіе, что царь всенародно объявилъ себя защитникомъ эксплуататоровъ противъ эксплуатируемыхъ, покровителемъ угнетателей противъ угнетаемаго ими народа. Можетъ быть, это заявленіе о солидарности царя съ пьянымъ офицеромъ возбудитъ, наконецъ, въ народѣ тотъ святой гнѣвъ, который поможетъ ему освободить Россію отъ царскаго самодурства, чиновничьяго грабежа и буржуазной эксплуатаціи.

Другая стачка, напоминающая ярославскую, недавно произошла въ Ивановѣ-Вознесенскѣ. Въ той мѣстности рабочіе обыкновенно нанимаются съ 1-го окт. до Пасхи и съ Пасхи по 1-ое октября. Обыкновенно на зимній сезонъ вслѣдствіе прилива рабочихъ изъ деревень плата

понижается на 5-10%. Въ этомъ году нѣкоторые фабриканты оставили лѣтнюю расцѣнку, но товарищество Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры понизило плату на 20-25%. Такъ лѣтомъ за кусокъ одного сорта платили 1 р. 24 к., а теперь 1 р. 04 к., за кусокъ другого сорта назначено 80 к. вмѣсто 1 р., за третій сортъ 26 коп. вмѣсто 36 и т. д. Надо при этомъ имѣть въ виду, что вообще заработная плата на фабрикѣ Товарищества была и лѣтомъ нѣсколько ниже средней, составляя для ткача 8-12 р. въ мѣсяцъ, а на эту сумму при дороговизнѣ тамошней жизни съ трудомъ можно прокормиться одному человѣку. По установившемся обычаю, расцѣнки вывѣшиваются на фабрикахъ за 1-2 недѣли до начала работъ съ тѣмъ, чтобы рабочіе успѣли своевременно познакомиться съ ними, между тѣмъ, Товарищество вывѣсило расцѣнку только 30-го сентября. Всѣ рабочіе не успѣли съ ней познакомиться въ этотъ день и рѣшили остаться работать и послѣ 1-го октября, причемъ согласились заработную плату за двѣ истекшія недѣли получить не 30-го сентября, а 7-го октября. 2-го октября рабочіе пришли на фабрику, остались недовольны новой расцѣнкой, тѣмъ не менѣе этотъ и слѣдующій день проработали, а 4-го октября всѣ ткачи (всего болѣе 2000 человѣкъ) потребовали увеличенія платы, а когда Товарищество не согласилось, то всѣ они прекратили работу. Во время забастовки рабочіе вели себя въ высшей степени спокойно, не позволяя себѣ никакого шума или насилія. 8-го октября въ городъ прибыли **войска и начальникъ губерніи** (зачѣмъ?); но, несмотря на всѣ увѣщанія, рабочіе не пошли на фабрику, заявивъ, что заработная плата ткача постепенно понижалась съ 1875 г., а потому они желаютъ имѣть по крайней мѣрѣ среднюю плату, бывшую въ 1888 году. 18-го октября эта забастовка окончилась; ровно черезъ двѣ недѣли рабочіе приняли уменьшенную расцѣнку. Къ работамъ приступили сначала рабочіе, пришедшіе изъ деревень по окончаніи полевыхъ работъ, а когда ихъ набралось до 150 человѣкъ, то и забастовавшіе рабочіе одинъ за другимъ потянулись на фабрику.

Но въ двѣ недѣли, когда рабочіе не работали, очень усердно работала полиція и солдаты. По дошедшимъ до насъ слухамъ, и тамъ нашлись офицеры, приказавшіе стрѣлять въ народъ, были убитые, были и раненые. Мы до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не знаемъ, насколько достовѣрно это извѣстіе. Можетъ быть, новое царское спасибо подлымъ убійцамъ подтвердитъ темные слухи. Не ради царя, а ради несчастныхъ жертвъ мы желали бы не слышать больше этого спасибо.

Безъ вмѣшательства войскъ, полиціи или, въ крайнемъ случаѣ, судебного слѣдователя не обошлась ни одна изъ стачекъ послѣдняго времени. Напоминемъ для полноты о стачкѣ на хлопчато-бумажной фабрикѣ Каретниковыхъ въ селѣ Тейково близъ Иванова-Вознесенска (Владимірской губ.), гдѣ все дѣло началось вслѣдствіе притѣсненій новаго директора-англичанина, смотрѣвшаго на рабочихъ, какъ на скотовъ. Рабочіе, недовольные порядкамъ, послали къ администраціи депутацію, но ее не стали слушать. 5000 человекъ собрались на фабричномъ дворѣ, ожидая, чтобъ къ нимъ вышелъ хозяинъ. Рабочіе вели себя очень мирно, но это, очевидно, было не по вкусу директору, и онъ выстрѣлилъ въ толпу. Разъяренные этимъ поступкомъ, рабочіе въ клочки разорвали директора и затѣмъ кинулись громить квартиры администраціи, которая только бѣгствомъ спаслась отъ народнаго самосуда. Изъ Владиміра были вызваны пѣхота и казаки, но употребить въ дѣло оружіе имъ не пришлось. Хозяева удовлетворили требованія рабочихъ, послѣ чего работы возобновились. За все поплатились 25 рабочихъ, говорившихъ отъ имени своихъ товарищей съ администраціей; ихъ обвиняютъ (почему именно ихъ? не потому-ли, что они защищали интересы своихъ товарищей?) въ подстрекательствахъ и убійствѣ.

Упомянемъ еще о стачкѣ папиросницъ на петербургской фабрикѣ „Лафермъ“. Недовольные фабричными порядками, въ особенности штрафами, онѣ разнесли машины и другія принадлежности фабрики и уничтожили весь запасъ табаку. Порядокъ былъ восстановленъ полиціей при помощи жандармовъ.

Въ томъ же Петербургѣ разыгралась въ началѣ ноября другая стачка. Именно, на суконной мануфактурѣ Торнтонна, 5-го ноября забастовало около 500 ткачей, которые, собравшись толпой въ корридорахъ фабрики, просили директоровъ увелечить ихъ задѣльную плату, такъ какъ заработокъ ткачей за послѣдніе пять мѣсяцевъ сильно упалъ (нѣкоторые ткачи зарабатывали по 10-15 руб. въ мѣсяць), вслѣдствіе того, что съ іюня мѣсяца начали работать только ³/₄ дня. Директоръ сначала не соглашался на прибавку, но затѣмъ обѣщаль сдѣлать прибавку черезъ нѣсколько дней. Тогда рабочіе потребовали, чтобы онъ далъ имъ слово, что прибавить хоти двѣ коп. на кусокъ; онъ отказался отъ этого и просилъ подождать нѣсколько дней. Рабочіе тогда заявили, что они не будутъ работать до полученія окончательнаго отвѣта. Прибывшій въ тотъ же день фабричный инспекторъ пытался убѣдить рабочихъ (а почему не директора?) приступить къ работѣ, но они отказались отъ исполненія его требованій и, простоявъ толпой до 7 часовъ вечера, разошлись спокойно по квартирамъ (всѣ рабочіе мануфактуры Торнтонна живутъ въ фабричныхъ домахъ). На другой день, т. е. 7-го ноября, въ назначенный часъ ткачи не приступили къ работамъ, а потому въ 8 часовъ утра на мануфактуру прибыли старшій фабричный инспекторъ съ мѣстнымъ фабричнымъ инспекторомъ и нѣсколько представителей полиціи. На убѣжденія этихъ лицъ приступить къ работѣ, ткачи отвѣчали настойчиво, что они не могутъ работать при прежней платѣ, такъ какъ ихъ заработокъ понизился за послѣднее время до невозможнаго для существованія минимума. Когда же рабочимъ было обѣщано, что на ихъ заявленія будетъ обращено вниманіе, они спокойно пошли въ 10 часовъ утра на работу. Вы думаете, что все кончено? Нисколько. „Въ настоящее время (добавляетъ корреспондентъ газеты, откуда мы почерпнули извѣстіе объ этой стачкѣ) производится разслѣдованіе по поводу причинъ, вызвавшихъ эту забастовку рабочихъ“. На языкѣ обыкновенныхъ смертныхъ это значило бы, что фабричная инспекція

позаботится объ искорененіи существующихъ на фабрикахъ пружимокъ и эксплуатаціи, но на полицейскомъ жаргонѣ нашихъ чиновниковъ это имѣетъ другое значеніе: будутъ искать **возжаконъ**, т. е. тѣхъ изъ рабочихъ, которые умѣютъ постоять за товарищеское дѣло. Каковы будутъ результаты этого разслѣдованія, объ этомъ мы изъ газетъ не узнаемъ.

Волненія на фабрикахъ Торнтонъ, очевидно, еще не кончились. Нижеслѣдующее обращеніе нѣкоторыхъ изъ рабочихъ этой фабрики къ своимъ товарищамъ знакомитъ насъ съ безчеловѣчной эксплуатаціей, царящей на этой фабрикахъ. Безъ всякихъ полицейскихъ дознаній мы смѣло можемъ рѣшить, что собственно „бунтовщики“ то были не рабочіе, а сами хозяева.

РАБОЧИЕ И РАБОТНИЦЫ ФАБРИКИ ТОРНТОНА. 6-ое и 7-ое ноября должны быть для всѣхъ насъ памятные дни... Ткачи своимъ дружнымъ отпоромъ хозяйской пружимки доказали, что въ нашей средѣ въ трудную минуту еще находятся люди, умѣющие постоять за наши общіе рабочіе интересы, что еще не удалось нашимъ добродѣтельнымъ хозяевамъ превратить насъ окончательно въ жалкихъ рабовъ ихъ бездоннаго кошелька. Будемте-же, товарищи, стойко и неуклонно вести нашу линію до конца, будемъ помнить, что улучшить свое положеніе мы можемъ только общими дружными усилиями. Прежде всего, товарищи, не попадайтесь въ ловушку, которую вамъ подстроили гг. Торнтонъ. Они разсуждаютъ такимъ образомъ: „теперь время заминки въ сбѣтъ товаровъ, такъ что при прежнихъ условіяхъ работы на фабрикахъ не получить намъ нашего прежняго барыша... А на меньшій мы не согласны... Стало быть, надо будетъ поналечь на рабочую братію, пусть-ка они своими бочками поотдуваются за плохія цѣны на рынкахъ... Только дѣльце это надо обстроить не кое какъ, а съ умѣньемъ, чтобы рабочій по своей простотѣ и не понялъ, какую закуску мы ему подготавливаемъ... Затронь всѣхъ сразу, — сразу всѣ и поднимутся, ничего съ ними не подблещь, а вотъ мы сначала объегоримъ бѣдняковъ-ткачишекъ, тогда и прочіе не увернутся... Стѣсняться съ этими людшками мы не привыкли, да и къ чему? У насъ новыя метлы чище метуть...“ И такъ, заботливые о благахъ рабочихъ хозяева потихоньку да полегоньку хотятъ приготовить для рабочихъ всѣхъ отдѣленій фабрики такое же будущее, которое они уже осуществили для ткачей... Поэтому, если мы всѣ останемся безучастны къ судьбѣ нашего ткацкаго отдѣленія, то мы впроемъ своими собственными руками лму, въ которую въ скоромъ времени швырнуть и насъ. Ткачи зарабатывали въ послѣднее время, почтай что на кругъ, по 3 руб. 50 к. въ полумѣсяцъ, въ теченіи этого же времени они ухитрились жить семьями въ 7 человекъ на 5 рублей, семьей же изъ мужа, жены и

ребенка — всего на 2 рубля. Они попустили последнюю одежку, прожили последние гроши, приобретенные адским трудом в ту пору, когда благодетели Торнтонны наращивали миллионы на свои миллионы. Но и этого всего было мало, и на их глазах выкидышались за ворота все новья и новья жертвы хозяйского корыстолюбия, а прижимка росла своим чередом с самой бессердечной жестокостью... В шерсть стали валить безо всяких оговорок полдеса и клопа, отчего страшно замедлялась выработка, товара, проволоочки на получение основы, будто ненароком, увеличились, наконец, стали прямо сбавлять рабочие часы, а теперь вводят дуски изъ 5 шницъ вѣсто 9, чтобы ткать почаще возился с хлопотами по получению и заправкѣ основъ, за которыя, какъ извѣстно, онъ не получаетъ ни гроша. Изморомъ хотѣтъ извести ткачей и заработокъ въ 1 руб. 62 коп. въ полумѣсяцъ, который уже сталъ появляться въ расчетныхъ книжкахъ нѣкоторыхъ ткачей, можетъ стать въ скоромъ времени общимъ заработкомъ ткацкого отдѣленія. — Товарищи, хотите ли и вы дожидаться такой хозяйской ласки? А если нѣтъ, если еще, наконецъ, не совсѣмъ окаменѣли ваши сердца такихъ же, какъ и вы, бѣдняковъ, сплотитесь дружно около нашихъ ткачей, выставимъ наши общія требованія и при каждомъ удобномъ случаѣ станемъ отвоевывать себѣ лучшую долю у нашихъ угнетателей. Рабочіе прядильнаго отдѣленія — не самообольщайтесь устойчивостью и нѣкоторымъ повышениемъ вашего заработка... Вѣдь почти ^{7,8} вашего брата уже рассчитаны съ фабрики, и вашъ лучшій заработокъ купленъ цѣною голода выкинутыхъ за ворота вашихъ же прядильщиковъ. Это опять таки хитрая уловка хозяевъ и понять ее не трудно, если только подсчитать, сколько выработывало все льно-прядильное отдѣленіе прежде и сколько оно выработываетъ теперь. — Рабочіе новой красильни! Вы выработываете цѣной 14 съ 1/2 ежедневнаго труда, пронызываемые съ ногъ до головы убійственными испарениями красокъ, уже и теперь 12 руб. въ мѣсяцъ. Обратите вниманіе на наши требованія: мы хотимъ положить въ нихъ конецъ и тѣмъ незаконнымъ вычетамъ, которые производятся съ васъ за неумѣлость вашего мастера. — Чернорабочіе и вообще всѣ неспеціальные рабочіе фабрики. Неужели вы надѣетесь удержать свои 60-80 коп. подденныхъ, когда специалисту ткачу придется довольствоваться 20 коп. въ сутки? — Товарищи, не будьте слѣпыми, не попадайте въ хозяйскую ловушку, крѣпче стойте другъ за друга, иначе всѣмъ намъ плохо придется въ эту зиму. Самымъ зоркимъ образомъ должны мы всѣ слѣдить за маневрами нашихъ хозяевъ по части пониженія расцѣнокъ и сопротивляться всѣми силами этому губельному для насъ стремленію... Будьте глухи ко всѣмъ ихъ отговоркамъ о плохихъ дѣлахъ: для нихъ это только меньшая прибыль на ихъ капиталъ, для насъ — это голодная страдація нашихъ семей, лишеніе послѣдняго куска черстваго хлѣба, а развѣ можно положить то и другое на одни и тѣ же вѣсы? Теперь жмутъ въ первую голову ткачей, и мы должны добиваться:

1) повышенія ткацкихъ расцѣнокъ до ихъ весенней величины, т. е. приблизительно на 6 коп. на шницъ;

2) чтобы исполняли и для ткачей законъ о томъ, что рабочему должна быть передъ началомъ работи объявлена величина того заработка, на который онъ идетъ. Пусть табель, подписанная фабричнымъ инспекторомъ, не будетъ только на бумагѣ, но и на дѣлѣ, какъ того требуетъ законъ. Для ткацкой, напр., работы, должны быть къ существующей расцѣнкѣ добавлены указанія о качествахъ шерсти, количествѣ въ ней поллеса и кнопа, должно быть просчитано время, идущее на подготовительную работу;

3) рабочее время должно быть распределено такъ, чтобы съ нашей стороны не являлось невольныхъ прогуловъ; теперь, напр., подстроили такъ, что ткачъ на каждомъ кускѣ теряетъ день на полученіе основы, а такъ какъ кусокъ станетъ меньше почти вдвое, то ткачъ и на этомъ будетъ нести, независимо отъ табели расцѣнокъ, двойную потерю. Хочетъ у насъ хозяинъ грабить заработокъ, такъ пусть идетъ въ чистую, такъ чтобы мы твердо знали, что отъ насъ хотятъ отжалить;

4) фабричный инспекторъ долженъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ расцѣнкахъ не было обмана, чтобы онѣ не были двойными. Это значитъ, напр., что въ табели расцѣнокъ не должно за одинъ и тотъ же сортъ товара, но только съ различными названіями, допускать двухъ различныхъ цѣнъ. Напр., биберь мы текали по 4 руб. 32 к., а уралья всего за 5 руб. 14 коп., — а развѣ по работѣ это не одно и то же? Еще болѣе наглымъ надувательствомъ является двойная цѣна работи при товарѣ одного наименованія. Такимъ путемъ гг. Торвтоны обходили законы о штрафахъ, въ которыхъ сказано, что штрафъ можно наложить только за такую порчу работи, которая зависѣла отъ небрежности рабочаго, въ такомъ случаѣ вычетъ долженъ заноситься въ рабочую книжку подъ графою штрафа не позже трехъ дней со дня его наложенія. Всѣ же штрафы выѣстъ должны находиться въ строгомъ отчетѣ, и сумма, изъ нихъ составленная, не можетъ идти въ карманъ фабриканту, а должна идти на нужды рабочихъ этой фабрики. А у насъ — посмотрите въ наши книжки — чисто, можно подумать, что наши хозяева изо всѣхъ хозяевъ предобрѣйшіе. На самомъ же дѣлѣ они обходятъ по нашему незнанію законъ и ловко обстраиваютъ свои дѣлишки... Насъ, видите-ли, не штрафуютъ, а у насъ производятъ вычетъ, платя по меньшей расцѣнкѣ, и пока существовали двѣ расцѣнки — меньшая и большая — придратся къ нимъ никакъ нельзя, а они себѣ вычитаютъ да вычитаютъ въ свой карманъ.

5) Выѣстъ съ введеніемъ одной расцѣнки, пусть каждый вычетъ заносится въ графу штрафовъ съ обозначеніемъ, почему онъ произведенъ.

Тогда намъ будетъ видна неправильная штрафовка, меньше будетъ пропадать даромъ нашего труда и уменьшится число такихъ безобразій, которыя творятся въ настоящее время, напр., въ красивой, гдѣ рабочіе выработывали меньше по винѣ неумѣлаго мастера, что по закону не можетъ быть причиною неоплаты труда, такъ какъ тутъ небрежность рабочаго не при чемъ. А мало-ли у всѣхъ насъ такихъ вычетовъ, въ которыхъ мы ничуть не виноваты?

6) мы требуемъ, чтобы за квартиру съ насъ брали столько, сколько брали до 1891 г., т. е. по 1 руб. съ человѣка въ мѣсяцъ, потому что платить 2 рубля при нашемъ заработкѣ положительно не изъ чего, да и за что?... За эту грязную, вонючую, тѣсную и опасную въ пожарномъ отношеніи конуру? Не забывайте, товарищи, что во всемъ Петербѣ плата. по 1 р. въ мѣсяцъ считается достаточной, только одни наши заботливые хозяева не довольствуются ею и мы должны ихъ заставить прекратить и здѣсь свою алчность. Защищая свои требованія, товарищи, мы вовсе не бунтуемъ, мы только требуемъ, чтобы намъ дали то, чѣмъ пользуются уже всѣ рабочіе другихъ фабрикъ по закону, что огняли у насъ, надѣясь лишь на наше неумѣніе отстаивать свои собственныя права. Докажемъ же на этотъ разъ, что наши „благодѣтели“ ошиблись*).

* * *

Рядомъ съ этой охватывающей всю Россію борьбой рабочихъ съ эксплуататорами можно поставить еще только одно явленіе — это всеобщее стремленіе народныхъ массъ къ образованію. Вѣрнѣе будетъ сказать, что второе теченіе есть слѣдствіе перваго. Крепостная Россія не знала ни стачекъ рабочихъ, ни народныхъ чтеній, ни воскресныхъ школъ, ни народныхъ театровъ. Новыя условія производства создали новый классъ, революціонный по преимуществу, ибо только въ неспроверженіи

*) Интересна также во многихъ отношеніяхъ стачка въ Омскѣ. Нѣкій Морозовъ взялъ подрядъ на постройку Омскаго вокзала. Рабочихъ онъ нанималъ повсюду, гдѣ только находилъ подешевле. Между прочимъ, онъ привезъ плотниковъ изъ Нижняго. Положеніе морозовскихъ рабочихъ, какъ и вездѣ на строящейся Сибирской желѣзной дорогѣ, было самое печальное. Будили ихъ очень рано, перерывы для обѣда были очень коротки, а штрафы за малѣйшіе проступки безбожны. Рабочіе увидѣли, что при такихъ порядкахъ они по окончаніи работы останутся съ пустыми руками. Между тѣмъ, рабочіе узнали, что тотъ же Морозовъ платитъ гораздо дороже поденщикамъ, занятымъ въ Омскѣ разгрузкой барокъ. Рабочіе потребовали, чтобы и ихъ представили къ разгрузкѣ; Морозовъ отклонилъ это требованіе, и тогда изъ 483 рабочихъ, работавших на вокзалѣ, 19 плотниковъ 28-го мая приостановили работу и потребовали свои паспорта. Морозовъ отказалъ. Тогда рабочіе обратились къ мѣстному адвокату, г. Милонову, который и принесъ жалобу мировому судѣ, приговоръ котораго гласилъ, что Морозовъ долженъ вернуть рабочимъ паспорта.

Но рабочіе предполагаютъ, а жандармы располагаютъ. Желѣзнодорожное жандармское управленіе принесло мировому судѣ жалобу на 9 рабочихъ за нарушеніе ст. 1358 Уст. о наказаніяхъ. Статья

старыхъ формъ производства его будущее. Рабочій классъ только борьбой можетъ отстоять себѣ сносное существованіе, только борьбой можетъ завоевать себѣ лучшее будущее. А для борьбы пужно знаніе: много силъ и времени тратится даромъ, вслѣдствіе незнакомства нашихъ рабочихъ съ условіями жизни другихъ странъ, даже другихъ городовъ въ самой Россіи. И стремленіе къ свѣту, къ знанію стало столь сильно, что даже наше правительство, несмотря на свое мракобѣсіе, принуждено было уступить этому теченію. Но правительство въ то же время чувствуетъ, что распространеніе образованія въ массахъ готовитъ ему не совсѣмъ пріятныя сюрпризы. Поэтому, высказываясь публично за школы, чтенія и т. п., побочными путями оно стремится приостановить, задержать какъ-нибудь могучее теченіе, которое (оно это чувствуетъ) въ концѣ концовъ можетъ снести его самого. Всякія махинаціи пускаются въ ходъ, чтобы помѣшать открытію новой школы, чтобы

эта приводитъ цѣлый рядъ наказаній за остановку работы на фабрикѣ или заводѣ до истеченія контракта, съ цѣлью заставить фабрикантовъ или заводчиковъ повысить плату или измѣнить условія контракта.

Жалоба была принесена не только на рабочихъ, но и на ихъ адвоката, Милонова, обвинявшася въ томъ, что онъ подговорилъ рабочихъ къ стачкѣ. Мировой судья оправдалъ подсудимыхъ, такъ какъ, по его мнѣнію, не было доказано, что приостановка работы имѣла цѣлью измѣненіе контракта.

Это рѣшеніе мирового судьи было опротестовано прокуроромъ, послѣ того какъ имъ была получена слѣдующая телеграмма отъ министра юстиціи: „Ст. 1358 примѣнима и къ стачкѣ желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Протестуйте“. Такимъ образомъ, санкція министра юстиціи придала закону тотъ смыслъ, котораго онъ и не могъ имѣть: законъ прямо говоритъ о рабочихъ фабрикъ и заводовъ. Понятно, что послѣ этого и судья побоялся послушаться министра: 26-го іюля омскій окружной судъ приговорилъ троихъ рабочихъ къ одному мѣсяцу тюремнаго заключенія, а остальныхъ шестерыхъ къ тремъ недѣлямъ. Адвокатъ Милоновъ тоже былъ приговоренъ къ пяти недѣлямъ заключенія, не смотря на то, что Милоновъ доказывалъ суду, что рабочіе раньше бросили работу, а потомъ пришли къ нему съ просьбой вести ихъ дѣло у мирового судьи. Судъ нашелъ, однако, что виноваты не только подстрекатели, но и тотъ, кто зналъ о стачкѣ и не уговорилъ рабочихъ приняться за работу. Ну, чѣмъ не шемякинъ судья!

заставить свѣтскія школы перейти въ руки духовенства. (У нашего духовенства нѣтъ ни времени, ни охоты, ни достаточно знаній, чтобы заняться народнымъ образованіемъ; но это-то и придаетъ церковно-приходскимъ школамъ такую цѣну въ глазахъ правительства: онѣ остаются только на бумагѣ, на бумагѣ же остаются и ея ученики, а между тѣмъ разъ въ какой-нибудь мѣстности существуетъ церковно-приходская школа, администраціи не разрѣшаетъ уже открытія свѣтской). Земскіе начальники, тѣ дѣйствуютъ еще откровеннѣе; они прямо заявляютъ крестьянамъ: „не надо вамъ школы!“ Но все это не помогаетъ; теченіе такъ сильно, что съ нимъ становится трудно бороться, все труднѣе и труднѣе преодолѣть его. Всѣ силы государства должны быть направлены на борьбу со школой, съ лучшей частью русскихъ людей, желающихъ понести народу свѣтъ знанія.

Какимъ образомъ правительство надѣется побороть новаго врага, объ этомъ читатель можетъ судить, прочитавъ помѣщаемые ниже два письма бывшего министра внутреннихъ дѣлъ Дурново къ министру такъ называемаго народнаго просвѣщенія. Мы приводимъ оба письма безъ малѣйшихъ пропусковъ, дабы нашъ читатель могъ составить себѣ вполне ясное понятіе о тайныхъ подвигахъ нашихъ министровъ. Мы надѣемся, что читатель будетъ очень признателенъ доброй феѣ, доставившей намъ эти документы.

*Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново
министру Народ. Просвѣщенія графу И. Д. Делянову.*

Графъ Иванъ Давидовичъ!

Въ ряду общественныхъ, особенно выдвинувшихся въ минувшемъ году, слѣдуетъ отмѣтить рѣзко-проявившееся въ различныхъ слояхъ интеллигентныхъ классовъ — стремленіе содѣйствовать поднятію уровня народнаго образованія путемъ организаціи народныхъ чтеній, открытія библиотекъ и читаленъ для грамотнаго и сельскаго населенія и путемъ безвозмезднаго распространенія въ народѣ дешевыхъ изданныхъ книгъ и брошюръ научнаго, нравственнаго и литературнаго содержанія. Заботами столичнаго комитета грамотности и всякаго рода провинціальнаго общественныхъ комитетовъ и кружковъ разнообразнаго наименованія, при содѣйствіи мѣстныхъ

земствъ, заложено весьма много библиотекъ при народныхъ и приходскихъ училищахъ, а также учреждено въ различныхъ мѣстностяхъ имперіи значительное число библиотекъ и читаленъ для народа, независимо отъ школъ. Большая часть этихъ учреждений находится подъ нѣкоторымъ надзоромъ мѣстныхъ администрацій. Контроль этотъ, конечно, больше формальный, нежели действительный и къ тому же разнообразно применяемый въ разныхъ губерніяхъ едва-ли можетъ обезпечить за этими учреждениями нормальное развитіе въ тѣхъ случаяхъ, когда учредители сами завѣдующіе ими проникнуты антиправительственнымъ образомъ мыслей, усматриваютъ въ этихъ учрежденияхъ легальное средство проводить свои теоріи въ жизнь и воспитывать народъ въ желательномъ для нихъ направленіи, не всегда согласнымъ съ истинными условиями нашего государственнаго строя.

Но если библиотеки и читальни подчинены какому-либо, хотя недостаточному надзору, то *безвозмездная* раздача книгъ ускользаетъ отъ всякаго правительственнаго надзора, и обстоятельство это обращаетъ на себя тѣмъ болѣе серьезное вниманіе, что непосредственными распространителями книгъ въ народѣ является главнымъ образомъ интеллигентная и чаще всего учащаяся молодежь обоюдо пола, проникающая въ народную массу въ качествѣ учителей, фельдшеровъ, ветеринаровъ, санитаровъ, завѣдующихъ столовыми и т. п. Неурожай 91 года и холера 1892-93 гг. вызвали усиленный наплывъ молодежи въ деревни, и въ результатѣ оживили нѣсколько заглухшее въ теченіи 80-хъ годовъ стремленіе русской молодежи къ поднятію, по личному почину интеллигенціи, умственнаго уровня народа. Изъ имѣющихся въ М. В. Д. свѣдѣній можно заключить, что это движеніе, охватывающее молодежь, развилось послѣдовательно и носитъ на себѣ характеръ не случайнаго, временнаго явленія, а какъ бы систематическаго осуществленія программы и представляется однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ на легальной почвѣ противоправительственнымъ элементамъ, при чемъ лицами, рас пространяющими народныя книжки, рекомендуется не ограниченіе одною раздачею таковыхъ, но и по возможности истолковывать ихъ народу въ смыслѣ подготовленія ихъ къ воспріятію революціонныхъ идей. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ началѣ 70-хъ годовъ хожденіе молодежи въ народъ было основано на исключительномъ стремленіи содѣйствовать скорѣйшему образованію народа. Но эта благая цѣль скоро пріобрѣла своеобразную окраску отъ стремленія агитаторовъ развивать народъ въ духѣ усвоенныхъ ими революціонныхъ ученій. Народившееся движеніе вызвало въ настоящее время усиленіе издательской дѣятельности С. П. Б. комитета грамотности, въ фирмѣ „Посредника“ и нѣкоторыхъ другихъ петербургскихъ и московскихъ книгопродавцевъ, при чемъ за народную литературу принялись болѣе или менѣе выдающіеся литераторы-народники — Мих. Засодимскій, Успенскій и друг., не считая графа Л. Толстого, сочиненія котораго распространяются въ огромномъ количествѣ экземпляровъ. Цензура, поставленная въ *опредѣленныхъ закономъ рамкахъ*, не всегда можетъ противодѣйствовать

искусно-маскированной пропагандѣ извѣстной идеи и за отсутствіемъ *формальнаго* основанія къ запрещенію книгъ пропускаетъ въ народѣ обращеніе сочиненій, не всегда соответствующихъ народному пониманію и мировоззрѣнію и несогласныхъ съ духомъ православія и русской государственной жизни. Вотъ эти именно произведенія печати составляютъ главное орудіе легальной пропаганды въ народѣ и рассылаются въ бібліотеки и читальни, а также учителямъ, фельдшерамъ, санитарамъ и т. п. молодымъ людямъ обоюга пола для безвозмезднаго и безконтрольнаго распространенія среди сельскаго и фабричнаго населенія. Если принимать во вниманіе, что во главѣ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію народныхъ книгъ учреждений, С.П.Б. комитета грамотности, стоятъ пѣсколко лицъ, политическая благонадежность которыхъ болѣе чѣмъ сомнительна и что въ изданіи и распространеніи народной литературы принимаютъ горячее участіе лица, извѣстные своимъ либеральнымъ направленіемъ, какъ Мих. Гольцевъ, Засодимскій, Успенскій, Рубакинъ и многіе другіе, то представляется вѣроятнымъ, что указанное выше движеніе, вызванное наружу народнымъ бѣдствіемъ послѣднихъ лѣтъ, будетъ развиваться систематически въ духѣ, не согласномъ съ видами правительства и въ недалекомъ будущемъ повести можетъ къ весьма неутѣшительнымъ результатамъ. Въ виду изложенныхъ соображеній и озобочиваясь охраненіемъ общественной безопасности и порядка, я полагаю бы настоятельно нынѣ же принять серьезныя мѣры къ тому, чтобы содѣйствіе дѣлу народнаго образованія, всегда цѣлое по своему принципу, не сдѣлалось, подъ влияніемъ людей злонамѣренныхъ, при условіи безконтрольнаго допущенія внимательства частныхъ лицъ и обществъ въ эту важную сферу государственныхъ заботъ — источникомъ изращенія народнаго мировоззрѣнія и отчужденія народа отъ освѣщенныхъ вѣками историческихъ завѣтовъ. По моему мнѣнію, активное содѣйствіе частнымъ обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ по дѣлу народнаго образованія можетъ быть допускаемо только при условіи, чтобы содѣйствіе это согласовалось съ направленіемъ, котораго придерживается правительство въ лицѣ М. Н. П. и чтобы дѣятельность всѣхъ этихъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ находилась подъ дѣятельнымъ надзоромъ его органовъ; между тѣмъ въ настоящее время на практикѣ положеніе дѣла иное: С.П.Б. комитетъ грамотности, состоящій въ видѣ временнаго учрежденія при Им. Вольноэкономич. Обществѣ, дѣйствующемъ на основаніи правилъ, утвержденныхъ Мин. Гос. Имущ. для народа, вредно влияют на народное развитіе.

Сообщая вышеизложенныя свѣдѣнія и соображенія на усмотрѣніе Вашего Сіятельства, я имѣю честь покорнѣе просить Васъ, не признаете-ли Вы своевременнымъ и цѣлесообразнымъ нынѣ же возбудить вопросъ о передачѣ въ вѣденіе вѣреннаго Ваш. Сіятельству Министерства С.П.Б. комитета грамотности и отдѣлений, а также принять надлежащія мѣры или испросить въ государственномъ порядкѣ надлежащія полномочія для подчиненія контролю М. Н. П. всякихъ частныхъ обществъ, преслѣдующихъ дѣло народнаго обра-

зованія и въ учрежденіи единообразнаго по всей Имперіи надзора за всѣми народными бібліотеками, читальнями и книжными складами, предназначенными для народа. О послѣднемъ покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство почтить меня въ возможно непродолжительномъ времени увѣдомленіемъ, при чемъ я буду очень признателенъ Ваш. Сіятельству за указаніе приѣмовъ и способовъ содѣйствія, которые потребуются по этому дѣлу со стороны М. В. Д.

Прямите и г. д.

Подписаль: *И. Дурново.*

Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Дурново
Оберъ-Прокурору Св. Синода К. П. Побѣдоносцеву.

М. В. Д.

Совершенно достоверно.

Милостивый Государь Константинъ Петровичъ!

Свѣдѣнія, полученныя въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, свидѣлствуютъ, что лица, неблагонадежныя въ политическомъ отношеніи, а также часть учащейся молодежи извѣстнаго направленія, по ирѣзу шестидесятихъ годовъ, стремятся къ поступленію въ воскресныя школы въ качествѣ преподавателей, лекторовъ; бібліотекарей и т. п. Такое систематическое стремленіе, не оправдываемое даже изысканіемъ способа приобрѣтенія средствъ для существованія, такъ какъ всѣ обязанности въ подобныхъ школахъ исполняются безвозмездно, показываетъ, что вышеозначенное явленіе представляетъ собою одно изъ средствъ борьбы на легальной почвѣ съ существующимъ въ Россіи государственнымъ порядкомъ и общественнымъ строемъ противоположныхъ элементовъ. По ирѣзующимся свѣдѣніямъ, всѣ воскресныя школы, учрежденныя городскими управленіями, земствами, а равно и частными лицами до 1891 года на основаніи Положенія о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 г. состоятъ въ вѣдѣніи М. Н. П. и находятся подъ наблюденіемъ дирекціи и инспекціи народныхъ училищъ, губернскаго и городского училищныхъ совѣтовъ, при чемъ высшее наблюденіе за преподаваніемъ Закона Божія и религіозно-нравственнымъ направленіемъ обученія принадлежитъ по ст. 17 Положенія епархіальному архіерею черезъ назначенныхъ имъ съ этою цѣлью особыхъ лицъ. Завѣдываніе же дѣлами и ответственность за порядокъ лежатъ въ силу ст. 14 Положенія — въ школахъ общественныхъ — на попечителяхъ и попечительницахъ, а въ частныхъ — на распорядителяхъ и распорядительницахъ. Преподаватели избираются на основаніи циркуляра М. Н. П. отъ 3-го мая 875 года содержаниемъ или учредителями училищъ и допускаются къ исполненію должности инспекторомъ народныхъ училищъ, по предварительному сношенію объ ихъ нравственныхъ качествахъ и политической благонадежности съ мѣстной администраціей. Послѣ же 1891 года открытіе воскресныхъ школъ и управленіе ими переданы въ исключительное вѣдѣніе епархіальнаго начальства и въ какой мѣрѣ прииыняются выше-

наложенныя правила Положенія о начальных народных училищах М. В. Д. неизвѣстно. Между тѣмъ, изъ имѣющихся свѣдѣній усматривается, что не только въ составѣ преподавателей встрѣчаются люди вреднаго въ политическомъ отношеніи направленія, но что нерѣдко самыя школы находятся подъ негласнымъ руководствомъ нѣлаго кружка неблагонадежныхъ лицъ, члены коего, совершенно не принадлежащія къ официальному персоналу служащихъ, по приглашенію или же поставленнымъ учителей и учительницъ, читаютъ по вечерамъ лекціи и занимаются по временамъ съ учащимися, при чемъ въ нѣкоторыхъ школахъ на каждого ученика приходится по отдѣльному неофициальному учителю. Хотя публичныя чтенія въ школахъ этого типа допускаются на основаніи Высочайше утвержденаго Положенія 24-го декабря 1876 года, бесѣды же духовно-правственнаго содержанія разрѣшаются епархіальнымъ начальствомъ подъ надзоромъ указанныхъ имъ лицъ, но порядокъ, допускающій возможность чтенія лекцій людьми посторонними, даетъ полный просторъ для проникновенія въ число лекторовъ лицъ прямо революціонной среды, которые, разумѣется, съумѣютъ воспользо-ваться всякимъ предметомъ и любой одобренной программой для внушенія слушателямъ, конечно, съ осторожностью и съ соблюденіемъ постепенности, противоположительственныхъ идей. Яркой иллюстраціей къ вышеизложенному можетъ служить отобранное по обыску у лица, привлеченнаго къ дознанію политическаго характера, письмо преподавателя одной изъ воскресныхъ школъ, фамилія котораго до сего времени остается не выясненною. „Съ формулировкой „Вашей задачи историческихъ чтеній, пишетъ онъ, я согласенъ, „если только внести поправки въ п. 2-ой. Именно, что только коллективное самосознаніе, совокупность отдѣльныхъ критическихъ „личностей можетъ дать осязательные плоды. Дѣятельность отдѣльной личности, какъ бы широко она ни была развита, сводится „обыкновенно если не къ нулю, то къ безконечно малой величинѣ, „парализуемая встрѣчными противными дѣятельностями. Да и есть „ли особая нужда напирать на роль личности, когда ей и такъ „склонны навязывать излишнее значеніе? Вѣдь постоянно приходится „слышать: 'Куда намъ дуракамъ чай пить!' Да и чѣмъ объяснить „продолжительность и абсолютную власть въ Россіи, какъ не тѣмъ, „же самымъ превозношеніемъ отдѣльной личности на счетъ массы. „А это у васъ, кажется, упущено изъ виду. Далѣе я бы еще болѣе „выдвинулъ практическую задачу: именно, ознакомленіе съ современной дѣйствительностью, какъ слѣдствіемъ предыдущей исторической жизни. Слѣдуетъ остановиться на тѣхъ фактахъ нашей „исторіи, которые такъ или иначе отзываются на текущей дѣятельности или, по крайней мѣрѣ, объясняютъ ее. Объединяющей „идеей въ этомъ случаѣ можно было бы выставить идею закрѣпощенія и раскрыщенія сословій. Вѣдь крестьянскій вопросъ есть „исходная точка для объясненія современнаго строя (рабочій вопросъ неразрывно связанъ съ нимъ и другія стороны нашей жизни „тоже). Къ нему бы можно было приурочить нѣкоторыя другія Ваши „темы, напр., Разина, Пугачева; хотя они и дѣйствовали въ разное

„время, но смысл ихъ бунтовъ былъ одинъ и тотъ же. А вѣдь надо
 „имѣть въ виду кратковременность срока чтеній, а потому оста-
 „навливаться лишь на наиболѣе характерныхъ, наиболѣе типичныхъ
 „фактахъ. Съ этой же точки зрѣнія мнѣ кажется излишне обособ-
 „лить Бировщину и Аракчеевщину. Точно также не зачѣмъ такъ
 „долго останавливаться на московскихъ князьяхъ, особенно не надо
 „упускать изъ виду текущую жизнь. Вѣдь только знакомство съ
 „условіями тебя окружающими сдѣлаютъ изъ тебя человѣка созна-
 „тельнаго и активного. Ваша проповѣдь можетъ привести къ резуль-
 „татамъ прямо противоположнымъ тѣмъ, конхъ Вы желаете. Именно
 „эта борьба, пріязкательная съ нравственной стороны, но сопря-
 „женная съ личными страданіями, можетъ во многихъ не усилить
 „энергію, а ослабить ея“.

Независимо отъ сего въ М. В. Д. полученная негласнымъ путемъ
 программа для публичнаго чтенія въ одной изъ московскихъ воскрес-
 ныхъ школъ слѣдующаго содержанія: „Происхождение общества,
 „развитіе общественной организаціи. Государство и для чего оно
 „нужно. Порядокъ, свобода, справедливость. Формы государственнаго
 „устройства. Монархія абсолютная и конституціонная. Трудъ основа
 „общаго благосостоянія. Полезность и богатство. Производство, об-
 „мѣнъ и капиталъ. Какъ распределяется богатство. Преслѣдованіе
 „собственного интереса. Собственность и ея необходимость. Осво-
 „божденіе крестьянъ съ землею. Рента, прибыль, заработная плата.
 „Отчего зависитъ плата и ея виды. Бережливость“. Чтеніе по этой
 программѣ, безусловно негодной для народной школы, даетъ полную
 возможность лектору ознакомить постепенно слушателей съ теоріями
 Карла Маркса, Энгельса и пр., я присутствующее по назначенію
 епархіальнаго начальства лицо едва-ли въ состояніи будетъ уловить
 въ чтеніи начатки социаль-демократической пропаганды. Для болѣе
 точнаго ознакомленія съ составомъ служащихъ въ воскресныхъ
 школахъ затребованы были свѣдѣнія о церковно-приходской вос-
 кресной школѣ при московской фабрикѣ Товарищества Прохоров.
 Трехгорной Мануфактуры, о мужской воскресной школѣ, открытой
 15-го минувшаго января въ г. Ельцѣ съ разрѣшенія епархіальнаго
 начальства подъ наблюденіемъ соборнаго протоіерея о. Г. Селяхово
 и о воскресной школѣ въ г. Тифлисѣ при главныхъ мастерскихъ
 закавказской желѣзной дороги, разрѣшенной къ открытію Высоко-
 преосвященствомъ экзархомъ Грузіи въ декабрѣ прошлаго года со-
 гласно ходатайства начальника названной дороги. Изъ полученныхъ
 официальныхъ отзывовъ усматривается, что въ первой изъ выше-
 поименованныхъ школъ въ числѣ преподавателей состоятъ слѣдую-
 щія лица, извѣстныя по своей неблагонадежности или по сношеніямъ
 съ лицами вреднаго направленія: бывший студентъ москов. унив.
 Дмитрій Дмитровичъ *Салодовниковъ*, томская мѣщанка Тамсіа Ми-
 хайловна *Акимова*, татанротская мѣщанка Надежда Степановна
Селеда, дочь гражданина города Вехно Софья Семеновна *Якобсонъ* и
 итальянская подданная Матильда Исидоровна *Семерга*. Кромѣ того,
 зимою прошлаго года означенную школу посѣща и въ качествѣ
 лекторовъ еще нѣсколько лицъ, нинѣ, впрочемъ, устранившихся отъ

занятий. — Учредителем Елецкой воскресной школы, помѣщающейся за рѣкой Сосной, гдѣ живетъ преимущественно простой и мастеровой людъ и гдѣ находятся желѣзнодорожныя мастерскія, состоятъ инспекторъ Александровскаго Елецкаго технического желѣзнодорожного училища Андрей Ивановъ *Ишиновъ*, который, будучи студентомъ московскаго технического училища, вращался въ противоправительственныхъ кружкахъ и находился въ сношеніяхъ съ лицами, привлеченными къ дѣламъ политическаго характера; изъ числа учителей и учительницъ Департаменту болѣе или менѣе извѣстны по сомнительной благонадежности бывшая ученица елецкой гимназіи Анна Иванова *Архипова*, Александръ Павловъ *Бутлинъ*, врачъ Владиміръ Андреевъ *Варукинъ*, бывшая слушательница С.П.Б. высшихъ женскихъ курсовъ Фелидота Иванова *Коренева*, Екатерина Никонова *Однотробова* и мѣщанка Антонина Николаевна *Сафонова*.

Тифлисская школа фактически пока еще не открыла своихъ дѣйствій, но въ числѣ 16 человекъ, изъявившихъ желаніе принять участіе въ обученіи, уже значатся шесть человекъ, весьма неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи, а именно: бывшій студентъ новороссійскаго университета Рудольфъ Ивановъ *Даниловичъ*, бывш. студентъ петербургскаго университета Николай Ивановъ *Семеновъ*, бывшій студентъ москов. коммерческаго училища Петръ Васильевъ *Румянцевъ*, бывшій студентъ технологическаго института В. В. *Тимофеевъ*, Николай Карловъ *Кессель* и бывшій студентъ московскаго университета Николай Яковлевъ *Смородскій*, при чемъ трое первыхъ привлекались въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣламъ политическаго характера и понесли соотвѣтствующія наказанія.

Сообщая объ изложенномъ Вашему Высокопревосходительству для свѣдѣнія, я считаю долгомъ добавить, что по моему мнѣнію представляется настоятельно необходимымъ принятіе самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ къ устраненію возможности лицамъ, не принадлежащимъ къ officialному составу воскресныхъ школъ, выступать въ качествѣ лекторовъ и вообще принимать всякое, хотя бы даже косвенное участіе въ преподаваніи или наблюденіи за школьными занятіями. Равнымъ образомъ весьма желательно, чтобы епархіальное начальство, по сношеніи съ администраціей, занялось тщательной провѣркой лицъ, уже допущенныхъ къ занятіямъ въ школахъ, а при назначеніи новыхъ наставниковъ предварительно собирались бы свѣдѣнія объ ихъ благонадежности. Вмѣстѣ съ симъ, прилагая копію циркуляра Губернаторамъ, Градоначальникамъ, Оберъ-Полицейстерамъ и Начальникамъ жандармскихъ управленій, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство, не изволите ли Вы признать полезнымъ сдѣлать распоряженіе по вѣренному Вамъ вѣдомству о томъ, чтобы въ случаѣ требованія свѣдѣній о политической благонадежности, запросы по этому предмету были направляемы Губернскимъ Начальствомъ къ мѣстнымъ Губернаторамъ, а центральныя и правленіями въ Департаментъ Полиціи

Примите и проч.

Подписалъ: *Ив. Дурново*.

Намъ нечего прибавлять къ этимъ документамъ: они сами говорятъ за себя. Окружить всякаго честнаго русскаго обывателя шпионами, задержать народное образование, отдавши его въ руки безграмотнаго и фанатичнаго духовенства — таковы главныя правительственныя задачи. Лучшій отвѣтъ, какой могутъ ему дать русскіе рабочіе, это — продолжать учиться наперекоръ начальству и бороться, пока настанетъ день побѣды.

* * *

Борьтсь! Но какъ? Мы выше перечислили цѣлый рядъ стачекъ, результаты которыхъ были очень плачевны для рабочихъ. Это, однако, не значитъ, что всѣ стачки будутъ такъ оканчиваться. А главное, не въ одномъ только успѣхѣ заключается ихъ значеніе. Стачки уже тѣмъ полезны, что будятъ мысль самыхъ забитыхъ, онѣ заставляютъ задумываться надъ причинами общественной несправедливости съ одной стороны, а съ другой — приучаютъ рабочихъ къ солидарности, къ пониманію того обстоятельства, что интересы всѣхъ рабочихъ общи въ борьбѣ противъ предпринимателей. Русскому рабочему, въ частности, стачка открываетъ глаза на его политическое безправіе, показываетъ ему необходимость первымъ дѣломъ покончить съ самымъ главнымъ въ настоящее время врагомъ, съ царскимъ деспотизмомъ. Необходимо, конечно, чтобы болѣе понимающіе, болѣе развитые товарищи выясняли при всякомъ такомъ случаѣ значеніе достигнутой побѣды или понесеннаго пораженія. Слѣдствіемъ такого яснаго пониманія рабочими своей ближайшей задачи — сверженія самодержавія — явилась бы крупная рабочая организація, охватывающая рабочихъ всѣхъ большихъ городовъ, которые такимъ образомъ составили бы изъ себя громадную силу, съ которой правительству пришлось бы считаться. Не намъ здѣсь указывать, какимъ путемъ эта организація заявляла бы свои требованія. Этотъ вопросъ должны были бы рѣшить сами участники организаціи; на тайныхъ съѣздахъ (какъ это уже и теперь

практикуютъ наши польскіе товарищи) они могли бы выбирать путь, наиболѣе удобный для даннаго момента и при данномъ состояніи силъ. Съ увелеченіемъ числа сторонниковъ росли бы и требованія, и возможность ихъ выполненія. Не надо, конечно, думать, что все это сдѣлается сразу: будутъ ошибки, будутъ, вѣроятно, и пораженія, но не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а всякое пораженіе принесетъ новый опытъ, новую возможность избѣгнуть старыхъ ошибокъ. Такимъ путемъ шло всякое новое движеніе.

Въ самое послѣднее время, если вѣрить дошедшимъ до насъ слухамъ, дѣлаются попытки къ объединенію рабочихъ группъ различныхъ городовъ. Одна такая группа — группа южнорусскихъ рабочихъ — обнародовала свою программу, которую она опубликовала въ видѣ отвѣта на манифестъ партіи „Народнаго Права“. Эта послѣдняя, состоящая, главнымъ образомъ, изъ представителей интеллигенціи, ставитъ себѣ главной цѣлью завоеваніе политической свободы. Какъ мы видѣли, и для рабочихъ главнымъ вопросомъ дня, самой насущной потребностью настоящей минуты является освобожденіе отъ царской опеки. Вотъ почему рабочіе могли бы бороться рядомъ съ партіей „Народнаго Права“. Но у нихъ слишкомъ много своихъ самостоятельныхъ интересовъ и задачъ, чтобы сливаться съ нерабочими партіями. Если же партія „Народнаго Права“ всецѣло стоитъ за рабочихъ, то ея сторонникамъ слѣдуетъ вполне пристать къ рабочему движенію, отдать ему всѣ свои силы. Въ противномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о союзныхъ отношеніяхъ между нею и рабочей партіей, какъ между двумя независимыми другъ отъ друга организаціями, а никакъ не о подчиненіи одной изъ нихъ другой. Рабочимъ нужно помнить, что ихъ партія должна быть социалистической, т. е. такой, которая стремится превратить всѣ орудія производства въ общенародную собственность. Стремится она къ этому не потому, что такъ нравится тому или другому изъ ея вождей, а потому, что иначе невозможно освобожденіе рабочихъ отъ эксплуатаціи, невозможно

свободное развитіе человѣчества. Этому рабочіе никогда не должны забывать. Сверженіе царизма является только однимъ изъ этаповъ на пути, этапомъ, самымъ труднымъ, самымъ важнымъ въ настоящее время, но только первымъ. Свое социалистическое знамя рабочіе должны держать высоко, съ осторожностью подходить къ каждой предлагаемой имъ программѣ, провѣряя ее сквозь социалистическіе очки. Этому, какъ намъ кажется, не сдѣлала группа южнорусскихъ рабочихъ. Приводимъ здѣсь полностью ея отвѣтъ, дабы читатель самъ могъ судить, насколько мы правы.

Отвѣтъ группы южнорусскихъ рабочихъ на манифестъ партіи „Народныхъ Правъ“.

Принимая во вниманіе, что съ разантіемъ капиталистическаго строя, т. е. такого, при которомъ продуктъ труда является товаромъ, мелкое народное хозяйство погибаетъ въ борьбѣ съ капиталистическимъ, и что съ большимъ и большимъ введеніемъ машинъ экономическое положеніе все ухудшается; принимая все это во вниманіе, мы, южнорусскіе рабочіе, думаемъ, что наше экономическое положеніе улучшится только тогда, когда земля и орудія производства будутъ государственныя, а производство будетъ организовано по потребностямъ всѣхъ и каждого.

Для достиженія этой конечной цѣли мы считаемъ необходимымъ, чтобы правительство исполнило только волю народа, а законы издавалъ бы самъ народъ черезъ своихъ представителей, словомъ, мы хотимъ та ую конституцію, при которой было бы:

Всеобщее, прямое, равное для всѣхъ тайное избирательное право съ 20-ти лѣтъ, какъ для законодательнаго собранія, такъ и для мѣстнаго самоуправленія. — Законодательное собраніе безъ Верхней Палаты и Сената. — Независимость избирателя отъ мѣста жительства, т. е. кто поселился вчера въ избирательномъ округѣ, не теряетъ права голоса. — Жалованье народнымъ представителямъ. — Всѣ выборы происходятъ въ праздничный день. — Свобода совѣсти и вѣроисповѣданій; уничтоженіе жалованья чинамъ господствующей религіи, такъ какъ это дѣлаетъ изъ поповъ чиновниковъ. — Свобода печати, слова, ассоціацій и сходокъ. — Независимый гласный судъ, судъ присяжныхъ. — Выборная администрація. — Неприкосновенность жилища и личности гражданина, арестъ и обыскъ могутъ быть только по приговору суда. — Всеобщее обязательное образованіе, т. е. всякій, заявившій себя несостоятельнымъ, воспитывается на счетъ государства съ 8-ми до 20-тилѣтняго возраста. — Уничтоженіе арміи, а взамѣнъ нея всеобщее вооруженіе народа. Этотъ пунктъ особенно важенъ потому, что армія, отнимая лучшихъ рабочихъ, развращаетъ ихъ и въ то же время служитъ орудіемъ въ рукахъ правительства, чтобы давить народъ. — Введеніе во всѣ

отрасли промышленности восьмичасового рабочего дня. — Прогрессивный подоходный налогъ, такой же налогъ и на наслѣдства. — Объявленіе національной собственностью всѣхъ земель, принадлежащихъ министерству государственныхъ имуществъ и удѣловъ, а также имѣній, заложенныхъ въ государственномъ банкѣ и не выкупленныхъ въ срокъ и отдача ихъ въ аренду крестьянамъ. — Вслѣдствіе, послышавшій на конституцію, считается внѣ закона и долгъ каждаго гражданина убить его. — Вопросъ объ расширеніи конституція можетъ быть поднятъ черезъ 15 лѣтъ.

Какъ видитъ партія „Народныхъ Правъ“, ея программа сходна съ нашей, только къ первому пункту мы считаемъ необходимымъ прибавить, что мы желаемъ всеобщаго, прямого, равнаго для всѣхъ тайнаго избирательнаго права; требованія же партіи „Народныхъ Правъ“ по этому пункту считаемъ неясными. Кромѣ политическихъ требованій нашей программы, мы считаемъ необходимымъ, чтобы конституція обезпечивала за народомъ и социально-экономическія требованія нашей программы, для проведенія которой мы, отдѣльныя группы рабочихъ, будемъ организоваться въ партію, и когда она будетъ достаточно сильна, съ оружіемъ въ рукахъ потребуемъ проведенія нашей программы въ жизнь.

Надѣмся, что наши стѣверные товарищи согласны съ нами. Въ данный моментъ мы считаемъ самымъ важнымъ пропаганду между городскими рабочими. Подъ словомъ „городскими“ мы понимаемъ не только природныхъ городскихъ рабочихъ, но и обезземеленныхъ, изгнанныхъ нуждою въ городъ, крестьянъ. Мы считаемъ это особенно важнымъ потому, что пропаганда въ городѣ вызоветъ также и пропаганду въ деревнѣ.

Послѣ всего сказаннаго просимъ партію „Народныхъ Правъ“ снабжать насъ какъ книгами, необходимыми для пропаганды, такъ и людьми, желающими посвятить себя этому дѣлу, и печатать о нашихъ нуждахъ.

Просимъ также напечатать и этотъ отвѣтъ.

Можетъ быть, не со всѣми требованіями группы южнорусскихъ рабочихъ можно согласиться, но во всякомъ случаѣ всякій русскій рабочий въ правѣ указать на нихъ съ гордостью, какъ на выраженіе яснаго сознанія и политической зрѣлости; подъ большинство изъ нихъ подпишется всякій сознательный социалистъ самыхъ передовыхъ странъ. Какъ странно рядомъ съ этимъ читать просьбу, обращенную къ партіи „Народнаго Права“ о снабженіи книгами, необходимыми для пропаганды, и людьми, желающими посвятить себя этому дѣлу. И съ этой просьбой обращаются къ партіи, отношеніе которой къ всеобщему, прямому, равному для всѣхъ, тайному избирательному праву сами авторы

„отвѣта“ считаютъ неяснымъ, къ партіи, очень мало или вовсе не говорящей о „соціально-экономическихъ требованіяхъ нашей программы“! Какъ увѣрятся рабочіе, что книги и люди, которыми ихъ снабдитъ партія „Народнаго Права“, будутъ для нихъ жизнью?

Мы коснулись этого маленькаго инцидента (происшествія), чтобы указать на одну изъ опасностей, грозящихъ рабочимъ на пути къ организаціи. Со временемъ намъ, можетъ быть, придется указать и на другія опасности. А пока мы не устанемъ повторять: за дѣло, товарищи! Впередъ дѣла много, а жизнь не ждетъ, она каждый день ставитъ новыя требованія, которыя необходимо удовлетворить. А потому, впередъ! Русскимъ рабочимъ пора перестать топтаться на мѣстѣ; пора и имъ войти равноправными членами въ семью всемірной соціалдемократіи.

Да здравствуютъ пока еще разрозненныя рабочія группы! Да здравствуетъ завтрашняя русская рабочая партія!

Д. К.

Сергѣй Михайловичъ КРАВЧИНСКІЙ

(Степнякъ)

28-го декабря 1895 года громадная толпа жителей Лондона собралась на площади передъ вокзаломъ, чтобы проводить останки умершаго русскаго изгнанника-революціонера, Сергѣя Михайловича Кравчинскаго, писавшаго подъ именемъ Степняка. По отзывамъ англійской прессы, такого широкаго и торжественнаго выраженія общественнаго сочувствія давно не видалъ Лондонъ.

— Я зналъ Степняка и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пользовался его дружбой и добрыми совѣтами, говорилъ въ своей прощальной рѣчи членъ англійскаго парламента, рабочій социалистъ Джонъ Бернсъ. Я зналъ его за добраго вѣрнаго друга угнетенныхъ всѣхъ національностей. . . . Онъ соединялъ въ себѣ сердце льва и добродушіе ребенка. Это былъ великодушный человѣкъ и крупная личность въ революціонномъ движеніи Европы. И вотъ, чтобы засвидѣтельствовать это передъ цѣлымъ свѣтомъ, мы сошлись здѣсь, въ самомъ сердцѣ Лондона, гдѣ свободно пользуемся тѣмъ, чего тамъ страстно добиваются и за что борются всѣ русскіе, подобные Степняку. . . .

„Великодушный человѣкъ“ . . . „Сердце льва и добродушіе ребенка“ . . . Бернсъ указалъ дѣйствительно характерныя черты погибшаго изгнанника.

Джону Бернсу, какъ и всѣмъ своимъ многочисленнымъ заграничнымъ знакомымъ и читателямъ послѣдняго десятилѣтія покойный былъ извѣстенъ подъ именемъ Степняка. Но въ революціонной, „подпольной Россіи“ семидесятыхъ годовъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ,

самыхъ любимыхъ именъ было имя Сергѣя Кравчинскаго. Оно тѣсно срослось съ самыми первыми шагами революціоннаго движенія.

Кравчинскій какъ будто лишь вмѣстѣ съ этимъ движеніемъ появился на свѣтѣ божій. О его дѣтствѣ почти ничего не извѣстно самымъ близкимъ его людямъ. Онъ о немъ никогда не рассказывалъ. Гдѣ родился — онъ, кажется, и самъ не зналъ. Отецъ былъ военнымъ докторомъ и, слѣдуя за полкомъ, семья часто переѣзжала съ мѣста на мѣсто. Учился онъ въ орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, затѣмъ въ петербургскомъ артиллерійскомъ училищѣ; былъ произведенъ въ офицеры, но скоро вышелъ въ отставку и поступилъ студентомъ въ Лѣсной институтъ.

Въ началѣ семидесятихъ годовъ, незабвенныхъ для каждаго, кто принималъ тогда участіе въ движеніи, Кравчинскому было около двадцати лѣтъ. Онъ участвовалъ въ самыхъ первыхъ шагахъ образовавшагося въ Петербургѣ въ 1872 году кружка молодежи, ставшаго потомъ извѣстнымъ подъ именемъ „Чайковцевъ“, и былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и несомнѣнно самымъ талантливымъ его членомъ.

Занявшись сперва распространеніемъ хорошихъ легальныхъ книгъ среди учащейся молодежи, кружокъ скоро перешелъ къ пропагандѣ среди рабочихъ, и Кравчинскій читалъ имъ популярныя лекціи за Невскою Заставой.

Въ 1873-74 годахъ кружокъ Чайковцевъ, а за нимъ и вся захваченная движеніемъ интеллигентная молодежь принимается за пропаганду среди крестьянъ и однимъ изъ первыхъ отправляется „въ народъ“ Кравчинскій. Чтобы имѣть предлогъ для своего появленія въ деревнѣ и не возбудить подозрительности крестьянъ, пропагандисты считали нужнымъ знать деревенскія работы или какое-нибудь обычное въ деревнѣ ремесло. Для большинства интеллигентовъ, не привычныхъ ни къ какому ручному труду, это представляло почти непреодолимая трудности. Сергѣй Кравчинскій, кромѣ желѣзнаго здоровья и большой физической силы, отличался

еще необыкновенной способностью ко всякому ручному труду. Онъ какъ то сразу влучивался всему, за что брался, и при этомъ очень любилъ физическую работу. Это пристрастіе осталось у него на всю жизнь. Даже здѣсь, въ Лондонѣ, заваленный литературной работой, онъ самъ прокладывалъ газовыя трубы въ своей квартирѣ, дѣлалъ мебель, красилъ полы, двери и пр. Благодаря этой способности, Кравчинскій былъ однимъ изъ немногихъ пропагандистовъ, ничуть не отстававшихъ въ работѣ отъ настоящихъ рабочихъ.

Еще недавно, не задолго до смерти, вспоминая объ этомъ времени, Сергѣй, съ оживленіемъ, съ видимымъ удовольствіемъ увѣрялъ, что „былъ, право-же, хорошимъ рабочимъ. Всѣ хвалили. Работалъ лучше самого Рогачева (силача-товарища, разгибавшаго лодковы, съ которыми онъ вмѣстѣ ходилъ „въ народъ“). Тотъ, конечно, былъ сильнѣе, сразу больше подниметь, но не такъ выносливъ. Къ вечеру бывало совсѣмъ раскиснетъ, а я ничего“.

Одно время онъ жилъ у молоканъ, разспрашивалъ ихъ объ ихъ вѣрѣ и рассказывалъ имъ о „своей“. Ему не разъ случалось вспоминать о томъ голодѣ, который онъ тамъ добровольно переносилъ. Молокане часто постятся, и постъ у нихъ заключается въ томъ, чтобы ничего не ѣсть по цѣлымъ суткамъ, при чемъ работа продолжается какъ обыкновенно. „Можно бы, конечно, на сторонѣ достать чего-нибудь и поѣсть: никто бы не замѣтилъ, — рассказывалъ онъ, — но по моему это было бы безсовѣстно“.

Во все, за что ни брался Сергѣй, онъ всегда владывалъ всю свою душу и все дѣлалъ „по совѣсти“.

Для той же пропаганды Кравчинскій написалъ и свои первыя литературныя произведенія: „Мудрицу Наушовну“ и сказку о копѣйкѣ“, въ которыхъ поэтически изложилъ свои социалистическія идеи. Странныя это вышли сказки. Черезъ 3-4 года ихъ авторъ дѣлалъ уже самыя презрительныя гримасы, когда ему упоминали о нихъ. Но въ отместку заставлялъ свою

близкую пріятельницу, Эпштейнъ*), любившую дразнить его этими сказками, немедленно сознаться, что какъ онѣ ни были плохи, а все же многія, и она въ томъ числѣ, проливали надъ ними слезы. И въ самомъ дѣлѣ, хотя въ этихъ юношескихъ произведеніяхъ авторъ не успѣлъ еще справиться ни съ собственной фантазіей, ни съ идеями, ни со способомъ ихъ изложенія, онъ все же выразилъ что-то, соотвѣтствовавшее восторженному настроенію части его товарищей и способное, при первомъ чтеніи, вызвать слезы наиболѣе впечатлительныхъ изъ женщинъ.

Полный жизни, которою заражалъ всѣхъ окружающихъ; художникъ по складу ума, идеализировавшій, преувеличивавшій хорошія качества своихъ пріятелей и безмѣрно восхитавшійся ими, въ то же время искренній, простой и ласковый, какъ ребенокъ, въ своихъ личныхъ сношеніяхъ съ людьми, Кравчинскій былъ обшцемъ любимцемъ и гордостью товарищей.

Не мудрено, что когда начались аресты, всѣмъ хотѣлось отправить за границу именно его. Но въ то время осѣсться въ Европѣ онъ еще не могъ. Вопиющая сторона его натуры, жажда практической революціонной дѣятельности брала въ немъ слишкомъ сильный перевѣсъ надъ задатками литературнаго таланта. Удержать его подольше вдали отъ родины могла тогда лишь перспектива вооруженной борьбы за симпатичную ему цѣль. Участіе въ такой борьбѣ, кромѣ своей непосредственной привлекательности, давало также возможность пріобрѣсти военную опытность, которая, по его убѣжденію, могла пригодиться на службѣ будущей русской народной революціи.

Такъ, онъ участвовалъ въ Герцеговинскомъ возстаніи, предшествовавшемъ русско-турецкой войнѣ, и ему, какъ бывшему артиллеристу, была тамъ поручена батарея.

*) Анна Михайловна Эпштейнъ, когда-то дѣятельный членъ того-же кружка „Чайковцевъ“, ведшая въ теченіе многихъ лѣтъ контрабандную переправу людей и книгъ черезъ русскую границу, умерла отъ болѣзни въ Вѣнѣ въ ноябрѣ того же 1895 года.

Въ 1876 г. онъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ движеніе казалось сравнительно затихшимъ. Вновь образовавшаяся организація, прославившаяся впоследствии подъ именемъ „Земли и Воли“, еще не успѣла тогда приобрести преобладающаго вліянія, а остатки Чайковцевъ были заняты, главнымъ образомъ, помощью многочисленнымъ заключеннымъ въ тюрьмахъ пропагандистамъ. Наиболѣе живымъ дѣломъ представлялось устройство побѣговъ изъ тюремъ; въ немъ Кравчинскій и принялъ дѣятельное участіе.

Начало 1877 года снова застаётъ его за границей, въ Италіи, куда онъ взялся сопровождать одну большую пріятельницу. Здѣсь онъ сошелся съ группой итальянской молодежи, воспитавшейся подъ вліяніемъ Бакунина и походившей во многомъ на русскихъ революціонеровъ того времени. Вмѣстѣ со своими итальянскими пріятелями онъ составилъ планъ вооруженнаго возстанія, написалъ для нихъ статью о приемахъ партизанской войны и вмѣстѣ съ ними отправился въ итальянскую провинцію Беневенто, гдѣ рѣшено было начать возстаніе въ надеждѣ, что къ нему присоединится мѣстное населеніе. Эта надежда, однако, не оправдалась, и пріѣзжіе революціонеры были почти тотчасъ же арестованы. Вмѣстѣ съ другими, Кравчинскій просидѣлъ десять мѣсяцевъ въ итальянской тюрьмѣ, изъ которой былъ освобожденъ въ январѣ 1878 года въ силу амнистіи, послѣдовавшей за смертью короля Виктора Эммануила.

Переселившись въ Женеву, онъ тотчасъ же принялъ самое дѣятельное участіе въ журналѣ „Община“, а затѣмъ съ первыми номерами этого журнала и съ предложеніемъ издавать подобный органъ въ самой Россіи онъ появился въ послѣдній разъ на „жгучей мостовой Петербурга“, какъ назвалъ онъ ее въ какомъ-то изъ своихъ произведеній.

Это было въ маѣ 1878 года. Кравчинскій пріѣхалъ въ самомъ радостномъ настроеніи и съ твердымъ намѣреніемъ, ни за что на свѣтѣ не покидать русской борьбы „до конца“. — „То есть, до ареста“, замѣчали

ему пріатели, которымъ онъ заявлялъ о своемъ рѣшеніи. „Нѣтъ, до побѣды!“ возражалъ онъ съ самой искренней увѣренностью.

То, что засталъ онъ въ Петербургѣ, могло, — въ особенности, при его складѣ ума, — лишь усилить до послѣднихъ предѣловъ его увѣренность въ близкой побѣдѣ. По сравненію со временемъ Чайковцевъ, революціонеры представляли теперь дѣйствительно значительную силу, отличаясь отъ нихъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ.

Мы говорили о способности Кравчинскаго въ идеализаціи. Но мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы онъ видѣлъ въ восхищавшихъ его людяхъ совсѣмъ не существовавшія въ нихъ качества. Онъ обладалъ, наоборотъ, своеобразнымъ, но чрезвычайно тонкимъ и быстрымъ чутьемъ, указывавшимъ ему вѣрныя черты, которыя онъ затѣмъ лишь освѣщаль такимъ яркимъ свѣтомъ своего художческаго восхищенія, что онѣ являлись преобразенными и отчасти преувеличенными. Онъ былъ убѣжденъ при этомъ, что онъ-то именно и видитъ своихъ современниковъ въ томъ настоящемъ свѣтѣ, въ какомъ они появятся въ исторіи, а отъ другихъ самая близость людей и событій скрываетъ ихъ настоящіе размѣры. Въ разговорахъ съ самыми скептическими пріателями онъ не разъ ссылался на мемуары одной изъ женщинъ французской революціи, жаловавшейся, что между ея современниками нѣтъ крупныхъ людей, соответствующихъ громадности совершающихся событій. „А, вѣдь, теперь, прибавлялъ онъ, при свѣтѣ исторіи, современники госпожи Ролланъ кажутся намъ гигантами“. Въ письмахъ близкимъ пріателямъ за границу, общая впечатлѣнія перваго знакомства съ новыми для него въ большинствѣ людьми, стоявшими теперь во главѣ русскаго движенія, онъ проводилъ параллель между ними и его прежними товарищами, Чайковцами. Его новые знакомые кажутся ему суше, уже, одностороннѣе чайковцевъ, но за то же они и крѣпче ихъ, насколько закаленная сталь крѣпче тонкаго фарфора. По преданности дѣлу они никому не уступятъ, а по

унорству въ достиженіи намѣченныхъ цѣлей, по практичности, опытности они настолько же превосходятъ Чайковцевъ, какъ взрослые люди дѣтей.

Параллель была въ общихъ чертахъ несомнѣнно вѣрна. Но главную силу этихъ крѣпкихъ и практичныхъ людей, въ большинствѣ случаевъ нелегальныхъ, т. е. скомпрометтированныхъ въ прежнихъ дѣлахъ и жившихъ подѣ фальшивыми паспортами, составляло то обстоятельство, что, среди общаго броженія молодежи, не менѣе сильнаго, чѣмъ во времена Чайковцевъ, они образовали изъ себя прекрасно организованный тайный центръ, пріобрѣвшій надъ этой молодежью почти безграничное вліяніе. Организациія имѣла также связи и пользовалась хорошей репутаціей среди нѣкоторой части рабочихъ Петербурга, съ одной стороны, и въ либеральномъ обществѣ, — съ другой.

Разсылая своихъ членовъ по провинціямъ, она стремилась подчинить своему вліянію всѣ разсыпанные по Россіи революціонные кружки и успѣвала въ этомъ. Оба имѣла правильно дѣйствовавшую тайную типографію, безпрестанно дававшую знать о себѣ какой-нибудь брошюркой, листкомъ, прокламаціей, и теперь приступившую къ изданію газеты „Земля и Воля“. Это названіе, перешедшее на всю организацию и пріобрѣвшее такую громкую извѣстность, было предложено Кравчинскимъ.

Положеніе, занятое организацией, могло дѣйствительно производить впечатлѣніе значительной силы даже на человѣка болѣе скептическаго, чѣмъ былъ тогда Кравчинскій. Революціонная партія достигала теперь всей той, правда, хрупкой, призрачной, — какъ показали послѣдствія — силы, какой только могла достигнуть партія, опиравшаяся по необходимости почти исключительно на интеллигентную молодежь и имѣвшая возможность рассчитывать на рабочихъ, лишь какъ на второстепенный, вспомогательный отрядъ.

Время послѣдняго пребыванія въ Россіи едва-ли не было также самымъ сильнымъ, яркимъ, самымъ богатымъ впечатлѣніями временемъ въ жизни самого Кравчинскаго.

Его статьи этого года въ „Общинѣ“, а затѣмъ въ „Землѣ и Волѣ“ совсѣмъ не похожи на обыкновенныя газетныя статьи. Это — „стихотворенія въ прозѣ“, поэзія, настоящая, сильная поэзія революціи. За три года, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ писалъ свои сказки, Кравчинскій сдѣлалъ громадныя успѣхи; формою онъ владѣлъ теперь прекрасно. Отъ этихъ статей никто не могъ бы, конечно, расплакаться. Не слезы вызывали онѣ: это были клики торжества, предвкушеніе побѣды. При малѣйшей неискренности, статьи въ такомъ поднятомъ тонѣ неизбежно производятъ непріятное впечатлѣніе фразерства. Но въ томъ-то и была сила Кравчинскаго, что этотъ тонъ былъ въ тотъ моментъ его естественнымъ тономъ, что его вѣра въ близкое торжество партіи была вполне искренна и производила, поэтому, бодрое, хорошее впечатлѣніе.

Поэтъ и вмѣстѣ воинъ, рыцарь по натурѣ, Кравчинскій жилъ въ это время всѣми фибрами своей души, всѣми сторонами своего существа. Среди революціонеровъ въ это время все болѣе и болѣе зрѣла мысль о томъ способѣ борьбы, который сталъ впоследствии извѣстенъ подъ именемъ „террористическаго“, о вооруженныхъ нападеніяхъ на наиболѣе вредныхъ и жестокихъ слугъ деспотизма. Первое такое дѣло, предпринятое организаціей, — противъ Мезенцева, шефа жандармовъ и, слѣдовательно, главнаго преслѣдователя революціонеровъ — было поручено Кравчинскому.

Блистательно выполнивъ его среди бѣла дня на людной улицѣ Петербурга и избѣжавъ немедленныхъ преслѣдованій, онъ продолжалъ жить въ томъ же городѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Теперь дѣло шло о его головѣ. Приближенные Мезенцева открыли даже общественную подписку въ пользу предателя, который выдастъ, или шпіона, который выслѣдитъ убійцу. Ни доноса, ни спеціальнаго выслѣживанія бояться было нечего, отъ этого вполне охраняла организація, но она не могла охранить отъ случайнаго ареста, отъ послѣдствій собственной неосторожности, а особенной осторожностью Кравчинскій никогда не отличался. Опять

явилось у всѣхъ сильнѣйшее желаніе выпроводить его изъ Россіи. На этотъ разъ говорило не одно личное, а также и общественное чувство. За послѣднее время все удавалось революціонерамъ и ничего не удавалось полиціи: ихъ тайная организація въ этотъ моментъ была, очевидно, лучше жандармской. Никто изъ прогремѣвшихъ за послѣднее время людей не былъ арестованъ. Дѣйствовавшая болѣе года типографія, не смотря на большія суммы, назначенныя за ея поимку, была цѣла, и на „Землю и Волю“, почти открыто продававшуюся въ Петербургѣ, была даже объявлена подписка „въ мѣстахъ и черезъ лицъ, публикѣ извѣстныхъ“. И это не было пустымъ хвастовствомъ. Благодаря организаціи, каждый изъ „публики“, имѣющій сколько нибудь значительный кругъ знакомыхъ, могъ дѣйствительно, добратъся до лицъ, имѣющихъ отношеніе къ „Землѣ и Волю“, но ни въ какомъ случаѣ, ни умышленно, ни по неосторожности не могъ никого выдать. При такихъ условіяхъ арестъ, казнь такого виднаго человѣка, какъ Кравчинскій, была бы слишкомъ большою удачей для правительства, подкосила бы радостную гордость партіи. Всѣмъ хотѣлось успокоиться на этотъ счетъ. Но уговорить Кравчинскаго уѣхать добровольно въ такой моментъ было немислимо. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока для него придумали, наконецъ, порученіе за границу, повидимому, очень важное, и выполнить которое всего лучше могъ именно онъ. Кравчинскій поѣхалъ въ полной увѣренности вернуться къ выходу слѣдующаго номера „Земли и Воли“, недѣли черезъ три, черезъ мѣсяць самое большее... и уже не вернулся.

Разъ онъ оказался въ Швейцаріи, друзья сдумали создать ему тысячу препятствій для возвращенія, обѣщая позвать его, когда условія будутъ благоприятны. Онъ ждалъ. Условія не улучшались, а становились, наоборотъ, все труднѣе.

Разъ, впрочемъ, уже въ царствованіе Александра III, когда большія потери, понесенныя организаціей „Народной Воли“, — замѣнявшей „Землю и Волю“ — сдѣлали

очень важнымъ для нея присутствіе такого „старого“ революціонера, какъ Кравчинскій, его позвали, обѣщая прислать все необходимое для возвращенія. Онъ отвѣтилъ радостнымъ согласіемъ; но пока онъ ждалъ обѣщаннаго, въ Россіи послѣдовала новая катастрофа, разбившая остатки старой организаціи и всякую надежду для Сергѣя скоро увидѣть родину.

Потянулись долгіе, сѣрые годы изгнанія. Онъ употребилъ ихъ на упорный, непрерывный литературный трудъ. Въ числѣ его многихъ выдающихся способностей была необыкновенная способность къ языкамъ. Познакомившись съ итальянскимъ языкомъ еще въ тюрьмѣ, онъ теперь написалъ на немъ самое извѣстное изъ своихъ произведеній „Подпольную Россію“ — рядъ характеристикъ выдающихся революціонеровъ, а также нѣкоторыхъ сторонъ ихъ дѣятельности — переведенную почти на всѣ европейскіе языки.

Онъ изучилъ потомъ англійскій языкъ и съ 1884 г., переселившись въ Лондонъ, началъ писать почти исключительно по англійски. Въ цѣломъ рядѣ книгъ*) публицистическаго характера онъ старался ознакомить англійскую публику съ различными сторонами политической и общественной жизни Россіи. Много упорнаго, добросовѣстнаго труда вкладывалъ онъ въ эти книги, но не увлекался, не удовлетворялся ими; онъ въ сущности насиловалъ для нихъ свой талантъ, который тянулъ его въ другую сторону. Эта работа казалась ему обязательной въ виду поставленной имъ себѣ задачи: создать въ общественномъ мнѣніи Англійи теченіе, враждебное русскому деспотизму и сочувственное русскому освободительному движенію. Для этого же онъ читалъ лекціи о Россіи и писалъ статьи въ газеты. И его усилія далеко не пропали даромъ. Въ безчисленныхъ статьяхъ о Степнякѣ, наполнявшихъ англійскія газеты въ теченіи 10-15 дней послѣ его смерти, не разъ было указано на то, что своей дѣятельностью онъ повліялъ

*) „Россія подъ царями“, „Русскія грозовыя тучи“, „Русское крестьянство“ и, наконецъ, послѣдняя, недавно вышедшая книга, начатая авторомъ тотчасъ послѣ смерти Александра III, изображающая бѣдствія, причиненныя Россіи этимъ царствованіемъ.

на мнѣніе о Россіи нѣкоторой части англійскаго общества. Успѣшности его усилій содѣйствовали также многочисленныя знакомства, дружескія связи, пріобрѣтенныя имъ въ различныхъ слояхъ лондонскаго населенія. Подъ вліяніемъ дошедшихъ изъ Сибири ужасныхъ извѣстій объ избіеніи ссыльныхъ въ Якутскѣ, о казни не оправившихся отъ ранъ жертвъ этого избіенія, и наказаніи розгами политической заключенной на Карѣ, Сигиды, Кравчинскому удалось даже въ 1890 году образовать изъ англичанъ небольшое общество „Друзей русской свободы“, издающее до сихъ поръ газету, посвященную русскимъ дѣламъ. Онъ писалъ также небольшія брошюры и предисловія для русскаго „Фонда Вольной Прессы въ Лондонѣ“.

Вся эта обязательная работа мѣшала ему сосредоточиться на той литературной дѣятельности, которая доставляла ему наслажденіе и гдѣ, навѣрное, онъ могъ бы достичь очень многого.

По крайней мѣрѣ, его первое и единственное крупное произведеніе этого рода, романъ изъ жизни русскихъ революціонеровъ — русскій переводъ котораго издается теперь его вдовой подъ заглавіемъ „Андрей Кожуховъ“, — является несомнѣнно самымъ значительнымъ его произведеніемъ. Это въ сущности единственное во всей русской литературѣ художественное воспроизведеніе жизни русскихъ революціонеровъ, сдѣланное человекомъ, знавшимъ эту жизнь. Дѣйствіе романа схватываетъ именно тотъ моментъ революціонной борьбы, который Кравчинскій такъ ярко пережилъ во время своей послѣдней поѣздки въ Россію.

Хотя въ каждой строчкѣ романа чувствуется горячая нѣжность автора къ его героямъ, но тѣхъ слишкомъ сгущенныхъ красокъ, того восторженнаго лиризма, который замѣчались въ его юношескихъ произведеніяхъ, здѣсь уже нѣтъ. И люди, и событія являются въ этомъ романѣ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ и размырахъ. Это хорошее произведеніе, хотя ему и пришлось писать его въ самыхъ трудныхъ условіяхъ: на чужомъ языкѣ, воображая передъ собою чужихъ читателей, всѣ привычки которыхъ такъ рѣзко отличаются отъ русскихъ.

Послѣ этого романа ему удалось издать лишь небольшой рассказ, да осталась неизданной одна драма. Но плановъ относительно этого рода произведеній у него было множество. Онъ все мечталъ выгадать какъ-нибудь промежутокъ времени, свободный отъ всякихъ текущихъ обязанностей, чтобы цѣликомъ посвятить его художественному творчеству.

Хотя его жизнь была полна дѣятельности, хотя онъ достигъ многого, тѣмъ не менѣе онъ еще не исчерпалъ, не развилъ до конца всѣхъ способностей, лежавшихъ въ его богато одаренной натурѣ, когда, по ужасной случайности, былъ убитъ, переходя полотно желѣзной дороги, наскочившимъ поѣздомъ*).

* * *

Мы отлично знаемъ, что этотъ краткій перечень событій его жизни не даетъ въ сущности никакого понятія о всей величинѣ утраты, понесенной нашей революціонной партіей, еще меньше говорить онъ о живой прелести его личности. Чтобы дать ее почувствовать читателю на нѣсколькихъ страницахъ, нѣсколькими штрихами, для этого нужно бы его перо, перо самого Сергѣя.

*) Чтобы пояснить эту случайность, замѣтимъ, что непосредственно передъ открытымъ проходомъ, на которомъ произошло несчастіе, желѣзная дорога дѣлаетъ крутой поворотъ, и въ ту минуту, когда Кравчинскій переходилъ рельсы, поѣздъ подошелъ къ нему сзади, такъ сказать, изъ за угла. Свистокъ былъ данъ слишкомъ поздно, а шумъ поѣзда не могъ предостеречь Сергѣя. Этотъ шумъ такъ часто слышенъ въ той мѣстности, что при малѣйшей разсѣянности не доходитъ до сознанія, а Сергѣй „шелъ, глубоко задумавшись“, какъ показали на слѣдствіи видѣвшіе катастрофу рабочіе.

В. Засумичъ.

Эпизоды изъ жизни рабочихъ Западной Европы въ 1895 г.*)

Рабочее движеніе имѣетъ свою исторію, начинающуюся бесполезнымъ единичнымъ протестомъ противъ того или другого хозяина и дошедшую въ наше время до сознательной классовой борьбы противъ капиталистическаго строя. Но было время, когда, въ силу окружающаго рабочаго условій, онъ ничего другого, кромѣ личнаго протеста, и придумать не могъ. Рабочіе жили тогда не въ большихъ фабричныхъ городахъ, а были разбѣяны по небольшимъ мѣстечкамъ и даже деревнямъ, гдѣ каждый тянулъ свою лямку въ одиночку, гдѣ всѣ были равно безграмотны и равно принижены бѣдностью. Неудивительно, что имъ трудно было добраться, въ чемъ кроется причина ихъ тяжелаго положенія.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи мы и въ настоящее время встрѣчаемъ такое положеніе вещей. Не будемъ, поэтому, удивляться, что часто русскіе рабочіе изливаютъ свой гнѣвъ и тратятъ свои силы не на то, на что бы имъ слѣдовало. Но извинія русскихъ рабочихъ, и думаю, что имъ слѣдуетъ поучиться у своихъ европейскихъ товарищей. Не то, чтобы эти всегда были безгрѣшны: не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ. Ошибки всегда исправить можно, если опытъ покажетъ, что выбранный путь не ведетъ къ желанной цѣли. Вотъ почему я и не приглашаю русскихъ рабочихъ слѣпо слѣдовать примѣру германскихъ, французскихъ или англійскихъ товарищей. Да это было бы и трудно: въ каждой странѣ существуютъ свои особенныя условія, которыя вліяютъ на направленіе классовой борьбы. Но одинъ народъ можетъ и долженъ учиться у другихъ, въ особенности, когда эти послѣдніе продѣлали уже часть пути, который намъ еще предстоитъ.

*) Волѣзнь нашего сотрудника помѣшала ему составить подробное обзорѣніе рабочаго движенія на Западѣ. Въ виду этого мы принуждены были ограничиться настоящими „Эпизодами“. *Ред.*

Мы надѣемся давать отъ поры до времени въ нашемъ „Сборникѣ“ историческій очеркъ рабочаго движенія въ той или другой странѣ, но рядомъ съ этимъ мы намѣрены знакомить нашихъ читателей съ современнымъ состояніемъ движенія. Задача настоящаго очерка — представить въ нѣсколькихъ чертахъ различные эпизоды изъ борьбы европейскихъ рабочихъ въ прошломъ, 1895 году.

Раннее развитіе крупной промышленности въ Англии и кое-какія другія причины, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, способствовали организаціи англійскихъ рабочихъ въ огромные ремесленные союзы (традс-унионы), изъ которыхъ многіе имѣютъ по нѣскольку десятковъ тысячъ членовъ и располагаютъ огромными капиталами для вспомошествованія своимъ членамъ во время стачекъ, безработицы вслѣдствіе кризисовъ и т. п. Благодаря долгому неограниченному господству Англіи на всемірномъ рынкѣ, англійскимъ рабочимъ удалось завоевать для себя такія условія труда, о которыхъ другіе европейскіе рабочіе могутъ только мечтать.

Главнымъ, но далеко не единственнымъ орудіемъ въ борьбѣ служили стачки, которыя заставляли хозяевъ дѣлать требуемыя уступки или входить въ соглашеніе съ рабочими, такъ какъ пріостановка производства грозила имъ огромными убытками. Поэтому, англійскіе рабочіе, достигшіе такихъ результатовъ непосредственной борьбой съ хозяевами, не видѣли нужды въ образованіи самостоятельной политической партіи. Отъ двухъ борющихся за политическую власть партій, партіи тори, отстаивавшихъ интересы крупнаго землевладѣнія, и партіи виговъ, стоявшихъ на сторонѣ богатыхъ промышленниковъ, англійскимъ рабочимъ удавалось выторговать себѣ ту или другую благопріятную законодательную мѣру; рабочіе обязывались за то поддерживать на выборахъ ту партію, съ которой они заключили договоръ.

Но съ годами дѣло измѣнилось. У англійской промышленности появились конкуренты въ лицѣ Франціи, Германіи, Америки и т. д. Все чаще стали промышленные кризисы, все больше росла резервная армія рабо-

чихъ, все рѣже и рѣже стачки стали давать благоприятные результаты. Но такова сила долготѣнейшей привычки, что англійскіе рабочіе не могутъ отрѣшиться отъ своихъ старинныхъ формъ борьбы. Попытки организовать англійскій пролетаріатъ въ одну политическую партію пока дали весьма незначительные результаты, и до сихъ поръ Англія остается почти единственной страной, гдѣ чуть-ли не ежегодно раздражаются огромныя (по числу участвующихъ) стачки. Надо при этомъ имѣть въ виду, что ни въ какой странѣ рабочіе не опираются на столь богатые союзы, какъ въ Англіи.

Самой выдающейся въ прошедшемъ году была стачка рабочихъ, занятыхъ въ судостроеніи. Начата она была въ началѣ ноября рабочими города Бельфаста и его окрестностей. За два года до начала стачки дѣла хозяевъ-судостроителей пошли было дурно, и тогда рабочіе согласились на уменьшеніе заработной платы на два шиллинга въ недѣлю (около рубля), но взяли съ хозяевъ слово, что, какъ только дѣла примутъ лучший оборотъ, они станутъ имъ платить постарому. Предприниматели не могли отрицать, что въ 1895 году наступило значительное улучшеніе въ дѣлахъ, но они утверждали, 1) что этихъ заказовъ недостаточно для повышения платы, и 2) что обѣщанія о повышеніи платы не было дано. „Можетъ быть, говорили они, нѣкоторые хозяева и давали такое обѣщаніе, но въ протоколѣ объ этомъ нѣтъ ни слова“. Словомъ, хозяева прибѣгли къ одной изъ своихъ обычныхъ уловокъ: рабочіе были такъ довѣрчивы, что повѣрили имъ на слово, а теперь они ссылались на протоколъ. Было очевидно, что хозяева хотѣли вызвать стачку, чтобы ослабить организацію своихъ рабочихъ, опустошить ихъ кассу во время стачки и затѣмъ диктовать имъ свои требованія. Рабочіе Бельфаста незадолго образовали соединенную организацію рабочихъ машиностроителей, въ которую вошли рабочія общества нѣкоторыхъ другихъ городовъ, имѣющихъ свои верфи. Какъ только въ Бельфастѣ начались стачки, владѣльцы верфей города Глазго (въ Шотландіи) пришли на помощь своимъ товарищамъ въ Бельфастѣ и

отказали въ работѣ 6000 членамъ соединенной организаціи. Такимъ образомъ, за стачку рабочихъ въ Бельфасть должны были, по мысли капиталистовъ, заплатить рабочіе Глазго. Предполагалось, что такимъ образомъ скорѣе удастся сломить упорство рабочихъ. Но и рабочіе не дремали. Прежде всего сказалось единодушіе рабочихъ въ борьбѣ съ предпринимателями: хозяева, отказывая рабочимъ, надѣялись, что работы у нихъ не прекратится и что непринадлежащіе къ союзу рабочіе будутъ продолжать работу. Не тутъ то было: вмѣстѣ со стачечниками по милости хозяевъ, бросило работу по собственному желанію большинство рабочихъ, работавшихъ на тѣхъ же верфяхъ. Затѣмъ позаботились и о необходимыхъ деньгахъ: совѣтъ соединеннаго общества машиностроителей обложилъ каждаго изъ своихъ членовъ (за исключеніемъ стачечниковъ и безработныхъ) палогомъ въ 6 пенсовъ (почти 25 коп.) въ недѣлю, что должно было дать 1500 фунтовъ стерл. (около 15000 руб.) въ недѣлю. Также поступили и другія рабочія организаціи, такъ что содержаніе стачечниковъ было обезпечено надолго. Поддержка оказывалась также и не принадлежавшимъ къ союзу рабочимъ, примкнувшимъ къ стачкѣ. У предпринимателей оставалась еще одна надежда, — привлечь на свою сторону другія фирмы, въ особенности владѣльцевъ верфей на сѣверо-восточномъ берегу Англіи. Они надѣялись, что такимъ путемъ число выгнанныхъ рабочихъ будетъ столь велико, что содержаніе ихъ станетъ невозможнымъ. Рабочіе принуждены будутъ уступить, касса союза опустѣетъ и самый союзъ, доведенный до банкротства, распадется. Убить заразъ двухъ зайцевъ, — какъ бы это хорошо! Золотые сны видѣлись уже бельфастскимъ и глазговскимъ буржуа! Униженные, разоренные рабочіе, лишены поддержки товарищей, — ничего лучшаго не можетъ пожелать себѣ ни одинъ буржуа въ мірѣ. Но всѣ эти мечты должны были разсыпаться въ прахъ передъ жаждою наживы: владѣльцы верфей сѣверо-восточнаго берега предпочли воспользоваться хорошимъ положеніемъ дѣлъ и заявили, что никакой силѣ не удастся

вовлечь ихъ въ борьбу. Даже нѣкоторыя фирмы въ Бельфастѣ и Глазго отдѣлились отъ прочихъ предпринимателей и вошли въ соглашеніе со своими рабочими. При такихъ обстоятельствахъ, капиталисты, прежде надѣявшіеся покончить съ рабочими собственными силами безъ содѣйствія правительства, вдругъ завопили о необходимости назначенія комиссій, которая уладила бы споръ. Долго тянулись переговоры, и только въ концѣ января 1896 г. стачка была кончена. Обѣ стороны должны были сдѣлать уступки; но рабочіе отстаивали свой союзъ, который во время стачки усилился вновь вступившими въ него членами, прежде не принадлежавшими ни къ какой организаціи, и добились увеличенія заработной платы.

Изъ событій, относящихся къ рабочему движенію во Франціи, прежде всего заслуживаетъ упоминанія упорная борьба, которую социалистической партіи пришлось вести противъ избраннаго буржуазными партіями на постъ президента республики Казимира Перье. Перье — владѣлецъ большихъ каменноугольныхъ копей въ сѣверной Франціи, человекъ очень богатый, большой врагъ социализма. Онъ уже и прежде, когда былъ еще министромъ, имѣлъ счеты съ социалистами: по настоянію социалистическихъ депутатовъ, палата выразила свое недовѣріе министерству Перье за противозаконное стѣсненіе желѣзнодорожныхъ рабочихъ устраивать свои синдикаты (товарищества для совмѣстнаго обсужденія и отстаиванія своихъ экономическихъ интересовъ). Министерство Перье должно было выйти въ отставку, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ тотъ же Перье избранъ былъ въ президенты республики. Теперь-то онъ отомститъ за себя ненавистнымъ социалистамъ! Правда, законъ не даетъ ему никакихъ къ тому средствъ; но Перье и министры съ Дюпюи во главѣ нашли, однако, лазейку: они внесли въ палату рядъ законовъ, имѣвшихъ цѣлью стѣснить или вовсе запретить социалистамъ пропаганду своихъ идей. Но и социалисты не молчали: они повели правильную войну противъ президента, преслѣдуя его то злой насмѣшкой, то серьезной критикой

его дѣйствій, въ палатѣ и народныхъ собраніяхъ, повсюду подчеркивая незаконность его дѣйствій, враждебность республиканскому правленію и проч. И социалисты побѣдили: 13-го января пало министерство Дююи, а 16-го Перье подалъ въ отставку, сообразивъ, что борьба съ социалистами ему не подь силу.

Сошелъ со сцены Перье, ушелъ и Дююи. Ихъ мѣсто заняли Феликсъ Форъ, въ качествѣ президента республики, и Рибо, въ качествѣ перваго министра. Министерство Рибо оказалось какъ разъ по плечу составу пачаты депутатовъ: трусливое и нерѣшительное, неспособное ни на одинъ крупный шагъ ни въ сторону прогресса, ни въ сторону реакціи, — это министерство давало всѣмъ всевозможныя обѣщанія, для исполненія которыхъ у него не хватало ни мужества, ни умѣнія, ни даже желанія. Но и Рибо видѣлъ главную задачу своего правительства въ войнѣ съ социализмомъ. Конечно, теперь война пошла не открытая, или вѣрнѣе, это была не война, а лай изъ подворотни. Случай напасть на социалистовъ и какъ нибудь изъ-за угла пустить въ нихъ камнемъ скоро представился: я говорю о стачкѣ въ Кармо.

Впрочемъ, въ дѣйствительности тамъ стачки никакой не было: не рабочіе стакнулись и предложили хозяину свои требованія, а хозяинъ прогналъ своихъ рабочихъ, прогналъ людей, долгіе годы своимъ потомъ и кровью способствовавшихъ наполненію его кармановъ. Почему прогналъ? Ты не такъ ставишь вопросъ, читатель. Развѣ владѣльцы милліоновъ обязаны отдавать намъ, простымъ смертнымъ, отчетъ въ своихъ поступкахъ? Развѣ владѣльцы фабрикъ и заводовъ не вольны каждую минуту выбросить на улицу своихъ рабочихъ? Развѣ голодная смерть — не достойная плата для людей, которымъ судьба ничего не дала, кромѣ мускуловъ, готовыхъ къ услугамъ капиталистовъ, да пустого желудка, требующаго, чтобы такъ или иначе его наполнили? Почему? На этотъ вопросъ ты, можетъ быть, самъ отвѣтишь, читатель; о немъ можно будетъ намъ и потолковать еще современемъ. Пока мы остановимся

на „стачкѣ“ въ Кармо и посмотримъ, зачѣмъ хозяину понадобилось прогнать своихъ рабочихъ, что имѣлъ онъ въ виду, рѣшаясь на неизбежную потерю во время остановки своего завода?

Кармо — небольшой городъ въ департаментѣ Тарнъ — населенъ почти исключительно рабочими. Недалеко отъ Кармо лежатъ богатые угольные копи, а въ самомъ Кармо находится большой стеклянный заводъ, принадлежащій акціонерной компани и управляемый главнымъ акціонеромъ и миллионеромъ Рессегье. Углекопы и рабочіе стеклянаго завода, какъ уже сказано, составляютъ главную часть населенія города; и тѣ, и другіе очень хорошо организованы, имѣютъ свои синдикаты съ сравнительно богатой кассой для взаимной помощи и на случай стачекъ. Рабочіе Кармо очень рано поняли необходимость сочетанія экономической и политической борьбы: при всѣхъ стачкахъ, происходившихъ въ последнее время во Франціи, синдикаты кармозинскихъ углекоповъ и стекольщиковъ подписывали весьма порядочныя суммы въ пользу стачечниковъ; въ то же время они заботились о томъ, чтобы при всѣхъ выборахъ проводить своихъ кандидатовъ, принадлежащихъ къ социалистической партіи. Вотъ это-то чувство свободы и собственного достоинства, опирающагося на крѣпкую организацію и товарищеское единодушіе, и потребовалось сломить, уничтожить; понадобилось воспитать стадо рабовъ, которые, хотя иногда бунтуютъ, но которыхъ, вслѣдствіе недостатка въ нихъ сознательности и настойчивости, легко побороть. Первая неудачная попытка сломить рабочихъ была сдѣлана въ 1892 году по отношенію къ углекопамъ. Теперь дошла очередь до стекольщиковъ. Они, видите-ли, имѣли дерзость послать на конгрессъ (сѣздъ) синдикальныхъ камеръ (ремесленныхъ союзовъ) двухъ своихъ товарищей; они пожелали, чтобы на сѣздѣ, гдѣ обсуждаются дѣла рабочихъ синдикатовъ, были представители и *ихъ* взглядовъ, и *ихъ* интересовъ. Дѣяніе, достойное самаго тяжелаго наказанія, не правда-ли? И наказаніе не замедлило послѣдовать. Когда делегаты вернулись, имъ было объявлено,

что заводъ не намѣренъ больше „пользоваться ихъ услугами“. Вѣжливо и безчеловѣчно. Рабочіе заволновались; они сразу поняли значеніе наносимаго удара; это было покушеніе на ихъ право отстаиванія своихъ интересовъ соединенными силами, на ихъ свободу и самостоятельность; вѣдь, хозяинъ можетъ такъ поступить съ каждымъ изъ ихъ довѣренныхъ лицъ и, навѣрное, поступитъ, если не дать ему сейчасъ надлежащаго отвѣта на его вызовъ. Первой мыслью рабочихъ было прибѣгнуть къ единственному средству самозащиты, къ стачкѣ. Но было очевидно, что этого именно желаетъ Рессегье, что этимъ путемъ онъ надѣется скорѣе всего выжить тѣхъ, кого онъ считалъ вожаками, т. е. наиболѣе энергичныхъ и образованныхъ изъ нихъ. Поэтому, рабочіе пожелали мирно, но не унижая своего достоинства, покончить этотъ споръ. На основаніи существующаго во Франціи закона о посредничествѣ, рабочіе обратились къ мѣстному мировому судѣ, прося его быть посредникомъ въ этомъ дѣлѣ и рѣшить, законно или незаконно было отсутствіе ихъ двухъ товарищей на работѣ (по случаю стѣзда). Законъ этотъ, скроенный буржуазной палатой, дозволяетъ любой изъ спорящихъ сторонъ отказаться отъ посредничества. Рессегье воспользовался своимъ правомъ и отказался.

Утромъ 6-го августа рабочимъ объ этомъ было объявлено. Несмотря на негодованіе, которое возбудило въ нихъ такое поведеніе хозяина, надо было сохранить хладнокровіе. Очевидно было, что Рессегье рѣшился вызвать рабочихъ на стачку, а потому не надо было ему въ этомъ помогать: разъ стачка выгодна хозяину, рабочій не долженъ идти въ подставленную ему ловушку. Общее собраніе рабочихъ въ тотъ же день рѣшило приняться за работу, при чемъ рабочіе обязывались изъ своихъ средствъ поддерживать своихъ двухъ уволенныхъ товарищей, пока это будетъ необходимо. Рѣшено было также обратиться съ манифестомъ къ французскимъ рабочимъ и изложить имъ какъ поведеніе Рессегье, такъ и соображенія, по которымъ рабочіе Кармо рѣшились не дѣлать забастовки. Но въ тотъ же

день Рессегье объявилъ, что онъ отказывается открывать свой заводъ, что онъ не можетъ сейчасъ объявить, когда и при какихъ условіяхъ послѣдуетъ открытіе, и что рабочіе „свободны“. 17-го и 18-го августа производилась расплата и возвращались рабочимъ ихъ книжки. Дирекція объявила также, что при возобновленіи работъ, плата будетъ понижена; затѣмъ, что отъ ея доброй воли будетъ зависѣть, приметъ-ли она всѣхъ рабочихъ на заводъ. Такимъ образомъ, продолженіе „стачки“ стало неизбѣжнымъ. Крикъ негодованія пронесся по всей Франціи, когда поведение Рессегье стало извѣстно. Все, что есть честнаго во Франціи, приняло сторону рабочихъ: повсюду устраивались собранія, протестовавшія въ сильныхъ выраженіяхъ противъ самодурства Рессегье; повсюду открыты были подписки въ пользу стачечниковъ. Въ Парижѣ, во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ собирается много публики, были вывѣшены кружки для сборовъ въ пользу „жертвъ“ Рессегье; многіе рабочіе вносили еженедѣльно въ редакціи социалистическихъ газетъ „стачечный су“ (су — монета, равная нашимъ двумъ копѣйкамъ), уличные пѣвцы ходили по дворамъ, пѣли „пѣсню о стачкѣ“ и собранныя такимъ образомъ деньги передавали въ пользу стачечниковъ; почти всѣ французскіе рабочіе союзы жертвовали крупныя суммы въ пользу голодающихъ въ Кармо. Особенно много жертвовали углекопы Кармо: каждый мѣсяць они отдавали стачечникамъ весь заработокъ одного дня.

Стачечники вели себя образцово: они поняли, что правительство только и ждетъ какого нибудь неосторожнаго шага съ ихъ стороны, чтобы имѣть предлогъ объявить въ Кармо военное положеніе, закрыть синдикаты, арестовать вожаковъ и заставить рабочихъ подчиниться наглому милліонеру. Не смотря на всѣ выходы Ду, наводнившаго Кармо жандармами, днемъ и ночью рыскавшими по улицамъ Кармо, врывающимися даже въ дома, арестовывавшими безъ всякихъ причинъ старыхъ и молодыхъ, женщинъ и подростковъ, не смотря на вызывающее поведение Рессегье и его друзей, рабочіе отвѣчали имъ гордымъ презрѣніемъ,

громко надсмѣхаясь надъ ихъ мѣропріятіями. Чтобы лишить стачечниковъ поддержки со стороны углекоповъ, владѣлецъ угольныхъ копей уменьшилъ число рабочихъ дней въ недѣлю; но углекопы остались вѣрны своимъ товарищамъ и продолжали по прежнему ежемѣсячно отдавать стачечникамъ заработокъ одного дня.

Послѣднее средство, какое въ такомъ случаѣ остается у зазнавашагося буржуа, это — посѣять недоувѣріе среди стачечниковъ другъ къ другу, подкопаться подъ единодушіе товарищей. И это средство было испытано. 20-го августа рабочіе были приглашены явиться каждый отдѣльно въ контору завода для переговоровъ о началѣ работы. Рабочіе поняли эту махинацію и отвѣтили, что для переговоровъ они выберутъ свой комитетъ. Изъ 1110 человекъ, принимавшихъ участіе въ стачкѣ, нашлось только 80 рабочихъ, измѣнившихъ дѣлу товарищей и записавшихся на работы; но надо признаться, что часть этихъ 80 въ самомъ началѣ отказалась присоединиться къ стачкѣ, нѣкоторые были въ долгу у завода и хотѣли только отработать этотъ долгъ. Но какъ бы то ни было, очевидно, что съ 80 рабочими нельзя пустить въ ходъ завода, и тутъ-то опять къ Рессегье пришло на помощь министерство Рибо. Надо было нанимать рабочихъ въ другихъ мѣстностяхъ, извѣстныхъ стекольнымъ производствомъ, въ Бордо, Шампани, Сѣверномъ департаментѣ и др. Привожу изъ рѣчи Жореса то мѣсто, въ которомъ онъ рассказывалъ палатѣ, какъ производилась эта погоня за рабочими:

„Да, господа, правительство бесполезно старалось помогать Рессегье въ его поискахъ за рабочими — бесполезно, говорю я, потому что во всѣхъ рабочихъ слояхъ къ услугамъ г-на Рессегье были очень важные помощники, которые могли бы освободить префектовъ и полицію отъ ревности, обнаруженной ими въ нѣкоторыхъ департаментахъ. Г-нъ Рессегье имѣлъ къ своимъ услугамъ во-первыхъ, всѣхъ крупныхъ заводчиковъ Франціи, затѣмъ, нищету и, наконецъ, ложь. Всѣ крупные заводчики говорили своимъ рабочимъ: намъ будетъ очень пріятно, если вы послѣдуете за г.

Рессегье. Затѣмъ, нищета, которая въ настоящее время является результатомъ прогресса; такова, господа, печальная участь рабочихъ въ нашей странѣ: нѣтъ производства, гдѣ не было бы излишка рабочихъ рукъ, гдѣ рабочіе не страдали бы отъ перепроизводства. Въ одномъ мѣстѣ слишкомъ много рабочихъ, а на сосѣднемъ стеклянномъ заводѣ другіе рабочіе борются и защищаютъ свой синдикатъ. И вотъ тѣ несчастные говорятъ своимъ борющимся товарищамъ: „правда, вы защищаете права всѣхъ рабочихъ; я тоже боролся, но былъ побѣжденъ, выгнанъ и приговоренъ къ голодной смерти; вы правы, но я голоденъ и принужденъ занять ваше мѣсто“. Наконецъ, была и ложь: рабочимъ въ Бордо говорили, что $\frac{4}{5}$ кармозинскихъ стекольщиковъ приступили къ работѣ; въ Шампани утверждали, что стачка кончилась, и что дѣло идетъ только о нѣсколькихъ свободныхъ мѣстахъ.

„Рабочіе попытались защищаться, такъ какъ это было ихъ право. Они повсюду предупредили синдикальные союзы, объявляя, что стачка еще не кончена, обращаясь къ чувству солидарности рабочихъ; они разослали своихъ уполномоченныхъ повсюду, гдѣ могли найтись рабочіе, готовые занять ихъ мѣсто, чтобы растолковать имъ, сказать имъ правду, чтобы призвать ихъ на защиту общаго дѣла“.

Какъ же поступило правительство? Оно задерживало, арестовывало делегатовъ; въ вагонахъ, въ которыхъ везли рабочихъ, помѣщались полицейскіе и жандармы, которые должны были арестовать всякаго, кто осмѣлился бы заговорить съ рабочими. Многіе изъ прибывшихъ на мѣсто рабочихъ, узнавъ объ истинномъ положеніи дѣлъ, отказывались приниматься за работу, но и тутъ полиція приняла всевозможныя мѣры къ тому, чтобы не дать новопривышимъ возможности увидѣться со стачечниками: какъ плѣнниковъ, ихъ съ вокзала отвозили на заводъ и держали тамъ взаперти. Благодаря такимъ маневрамъ, благодаря безсовѣстной поддержкѣ правительства, 1-го октября на заводѣ была зажжена 1-я печь, 10-го — вторая и 22-го — третья. 24-го октября

соціаліст. депутатъ Жоресъ предложилъ палатѣ назначить своего предсѣдателя третейскимъ судьей въ этомъ дѣлѣ. Палата, по настоянію министерства, высказалась противъ этого предложенія. Черезъ 3 дня министерство Рибо пало, и его мѣсто заняло радикальное министерство Буржуа. Новые министры должны были принять какія нибудь мѣры къ улаженію спора. По ихъ требованію, тарнскій префектъ обратился официально къ обѣимъ сторонамъ, спрашивая, согласны-ли они избрать изъ своей среды третейскихъ судей. Рабочіе тотчасъ же избрали пятерыхъ своихъ представителей, но Рессегье отвѣтилъ, что споръ не можетъ быть рѣшенъ третейскимъ судомъ, что каждый долженъ быть свободенъ въ выборѣ своихъ служащихъ, и что, наконецъ, въ Кармо нѣтъ никакого спора, ни стачки, такъ какъ заводъ опять въ ходу.

Неблагопріятный оборотъ всей этой борьбы навелъ лицъ и организаціи, сочувствовавшихъ „стачечникамъ“, на мысль помочь имъ устройствомъ на артельныхъ началахъ собственнаго завода. Деньги для этого скоро нашлись. Одна дама пожертвовала 100.000 франковъ (около 40,000 руб.), остальные собраны были по подпискѣ среди рабочихъ организацій. Чтобы не истощать своей кассы до того времени, когда заводъ будетъ готовъ, рабочіе рѣшили приступить пока къ работѣ на заводѣ Рессегье; выбранная изъ среды рабочихъ коммиссія вручила дирекціи завода списокъ тѣхъ рабочихъ, которые пожелали опять приняться за работу; въ списокъ числилось 480 человекъ, не считая дѣтей. Дирекція раздѣлила всѣхъ рабочихъ на четыре категоріи: первая группа изъ 61 чел. была принята тотчасъ, и съ 27-го октября они могли приступить къ работѣ; 238 рабочимъ второй группы обѣщали, что ихъ будутъ приглашать по мѣрѣ надобности; третьей группѣ изъ 78 человекъ былъ объявлено, что сейчасъ для нихъ нѣтъ работы и нельзя установить времени, когда ихъ услуги понадобятся; наконецъ, четвертая группа вовсе была исключена.

Такъ кончилась эта четырехмѣсячная борьба види-

мымъ пораженіемъ рабочнхъ. Но она показала рабочимъ Кармо, показала рабочимъ всей Фрнанціи, что при современномъ строѣ всѣ силы государства на сторонѣ предпринимателя, что освобожденіе рабочаго класса станетъ возможно только тогда, когда пролетаріатъ завоюетъ политическую власть. Каждое внѣшнее поражение обогащаетъ нашъ опытъ, такъ какъ все большій кругъ рабочихъ массъ проникается сознаніемъ необходимости окончательнаго ниспроверженія современнаго строя, и черезъ рядъ поражений мы достигнемъ, наконецъ, окончательной побѣды социализма.

Такъ какъ у насъ рѣчь идетъ о Франціи, то упомянемъ мимоходомъ о засѣдавшемъ въ первыхъ числахъ іюля въ Парижѣ международномъ конгрессѣ горнорабочихъ, принявшихъ, между прочимъ, рѣшеніе о необходимости введенія восьмичасоваго рабочаго дня.

Рядомъ съ Франціей, въ которой рабочее движеніе въ послѣдніе годы сдѣлало поразительно большіе успѣхи, обращаетъ на себя вниманіе громадный ростъ социаль-демократической партіи въ маленькой *Бельгии*. До 1884 года избирателями въ парламентъ были только люди зажиточные, обладавшіе имущественнымъ цензомъ, т. е. имуществомъ, съ котораго платился извѣстной величины налогъ. Установленіе ценза, конечно, имѣло цѣлью лишить массу бѣднаго люда вліянія на управление государствомъ. Благодаря цензу, изъ шести милліоновъ бельгійскаго населенія только 130 тысячъ человекъ имѣли право посылать выборныхъ въ парламентъ. Рабочіе же не имѣли ни одного представителя, а между тѣмъ, постоянныя столкновенія съ предпринимателями, часто сопровождавшіяся кровопролитными схватками съ полиціей и войсками, дѣлали для нихъ все болѣе и болѣе настоятельной потребностью имѣть въ парламентѣ выразителей своихъ нуждъ. Уже въ 60-хъ годахъ мы встрѣчаемъ въ программахъ и прокламаціяхъ отдѣльныхъ рабочихъ кружковъ требованіе всеобщаго избирательнаго права. Но масса рабочихъ еще не понимала тогда значенія политическихъ правъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ движеніе въ пользу избирательнаго права ста-

новится особенно сильнымъ; самая крайняя изъ буржуазныхъ партій, радикалы, вынуждены были вписать его въ свою программу, и представители ихъ въ парламентѣ три раза требовали измѣненія 47-ой статьи бельгійской конституціи, опредѣляющей избирательныя права. Но каждый разъ это предложеніе имѣло противъ себя большинство палаты. Только сильное движеніе въ странѣ, цѣлый рядъ манифестацій, принявшихъ республиканскій характеръ и не на шутку испугавшихъ короли и министровъ, заставили, наконецъ, правительство въ 1892 г. согласиться на пересмотръ конституціи. Около двухъ лѣтъ прошло въ безплодныхъ попыткахъ выработать такой избирательный законъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы, или вѣрнѣе, чтобы разрываема волками овцы перестали замѣчать коварство со стороны своихъ злѣйшихъ враговъ.

Но такъ какъ такого закона, противнаго самой природѣ, придумать было нельзя, и можно было думать, что законодатели никогда не выполнятъ своей задачи, то пришлось ихъ торопить. На собраніи представителей бельгійской рабочей партіи была рѣшена всеобщая забастовка рабочихъ во всей Бельгій, пока не будетъ удовлетворено народное требованіе. Движеніе охватило всю страну, а правительство не могло рассчитывать на войско, ибо въ рядахъ бельгійскаго войска не мало рабочихъ-соціалистовъ. Пришлось уступить: всеобщее избирательное право было принято бельгійскимъ парламентомъ, но не безъ того, чтобы буржуазія выторговала себѣ лакомый кусокъ. Именно, въ то время какъ пролетаріи, люди безъ всякой собственности, подаютъ на выборахъ одинъ голосъ, состоятельный буржуа имѣетъ два голоса, а очень богатые — даже три. Такимъ образомъ, обеспечено было за новымъ парламентомъ враждебное народу (антидемократическое) большинство. При первыхъ выборахъ, совершившихся на новыхъ основаніяхъ въ 1894 году, вмѣсто прежнихъ 133 тысячъ человекъ, голосовало 1.371.000. И не смотря на невыгодный для рабочихъ порядокъ выборовъ, социаль-демократическая партія сразу провела 29 своихъ представителей.

Изъ законовъ, разсматривавшихся новой палатой, отмѣтимъ проектъ измѣненія порядка выборовъ въ общинные совѣты (соотвѣтствующіе нашимъ земс. имъ собраніямъ). Этотъ законъ былъ названъ социалистами „закономъ четырехъ гнусностей“, ибо онъ содержалъ четыре ограниченія. Во-первыхъ, избирателями могутъ быть лица, достигшія 30-тилѣтняго возраста (а не 25 лѣтъ, какъ это практикуется для выборовъ въ парламентъ); во-вторыхъ, избирательнымъ правомъ пользуются только лица, прожившія въ данномъ мѣстѣ не менѣе трехъ лѣтъ; въ-третьихъ, новый законъ вводилъ различіе въ цензѣ между городскими и сельскими избирателями (для послѣднихъ цензъ былъ пониженъ), и, наконецъ, въ-четвертыхъ, крупные поземельные собственники получили право имѣть на выборахъ четыре голоса. Всѣ эти „гнусности“ были направлены противъ социалистовъ, такъ какъ рабочіе рѣже достигаютъ 30-тилѣтняго возраста, чѣмъ другіе слои населенія. Затѣмъ, рабочіе очень рѣдко могутъ оставаться три года на одномъ мѣстѣ, будучи принуждены въ поискахъ за работою часто мѣнять мѣсто жительства. Наконецъ, уменьшивши цензъ для сельскихъ избирателей, тѣмъ самымъ увеличили ихъ число, а между тѣмъ крестьянство, какъ болѣе отсталая часть населенія, покорно слушается поповъ, которые заставляютъ ихъ подавать голоса за крупныхъ и мелкихъ хищниковъ. Не смотря, однако, на такой неблагоприятный для социалистовъ оборотъ, они вышли побѣдителями при выборахъ, имѣвшихъ мѣсто въ ноябрѣ прошлаго года: въ 78 мѣстахъ социалисты имѣютъ большинство въ общинныхъ совѣтахъ.

Другая важная законодательная мѣра новаго парламента — это подчиненіе школъ надзору духовенства. Благодаря составу парламента, этотъ законъ былъ принятъ, но, съ другой стороны, благодаря присутствію въ парламентѣ социалистовъ, благодаря ихъ рѣзкой критикѣ новаго закона, масса населенія поняла роль правительства, желающаго задержать, если не уничтожить, народное образованіе. Когда социалисты предложили устроить демонстрацію противъ новаго школьнаго закона, то въ Брюссель изъ разныхъ частей Бельгіи со-

бралось до 80 тысячъ народу, принявшихъ участіе въ шествіи по городу и протестовавшихъ противъ наложенія оковъ на народное образованіе. И если послѣ этого новый законъ все таки былъ принятъ, то тѣмъ хуже для правительства, тѣмъ хуже для тѣхъ, кто засѣдаетъ въ парламентѣ: народъ высказался противъ нихъ.

Кромѣ борьбы изъ-за политическихъ требованій, бельгійскимъ рабочимъ пришлось выдержать массу стачекъ. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, сентября и октября, въ Бельгіи вспыхнуло до 50 стачекъ, изъ которыхъ большинство кончилось выгодно для рабочихъ. Въ большомъ фабричномъ городѣ, Гентѣ, въ одинъ и тотъ же день вспыхнули двѣ значительныя стачки: одна — на ткацкой фабрикѣ съ 1200 рабочихъ, другая — на машиностроительномъ заводѣ Керкгофа. Уже въ первые дни социалистическое товарищество „Впередъ“ пожертвовало 10.000 франковъ (4000 руб.), и этому примѣру скоро послѣдовали другія социалистическія общества Бельгіи и другихъ странъ: всѣ стремились доказать, что солидарность рабочихъ — не пустое слово. Черезъ двѣ недѣли стачка ткачей кончилась побѣдой стачечниковъ. Но, съ другой стороны, чувство солидарности рабочихъ возбудило ярость фабрикантовъ. Когда они увидѣли, какъ безкорыстно рабочіе поддерживаютъ своихъ братьевъ-стачечниковъ, они рѣшили закрыть всѣ машиностроительныя и сталелитейныя заводы; такимъ образомъ, къ нѣсколькимъ тысячамъ стачечниковъ зав. Керкгофа, прибавилось еще больше рабочихъ, выброшенныхъ хозяевами. Но эта мѣра имѣла результатъ противоположный тому, какого ожидали фабриканты. Когда рабочіе увидѣли, какъ велико единодушіе капиталистовъ, они поняли и свою обязанность; стачка продолжалась до 4-го дек., и ни разу не оскудѣвала рука дающихъ.

Въ Гентѣ же засѣдалъ въ первыхъ числахъ ноября международный конгрессъ рабочихъ, занятыхъ въ ткацкой промышленности. Изъ его постановленій уважемъ на требованіе запрещенія воскресной работы, восьмичасоваго рабочаго дня, ряда мѣръ для обезпеченія здоровья и жизни рабочихъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ВѢСТИ ИЗЪ РОССІИ

Петербургъ, 20 октября.

Читающіе „Русскія Вѣдомости“ не могли не обратить вниманіе на печатавшіяся въ срединѣ августа корреспонденціи о выселеніи духоборцевъ Ахалкалакскаго уѣзда Тифлисской губ. О причинахъ же этого выселенія почти ничего не говорится. Между тѣмъ, эта возмутительная исторія стоитъ того, чтобы на нее было обращено большее вниманіе. Она вскрываетъ намъ тотъ страшный азіатскій деспотизмъ, который совершенно немислимъ въ цивилизованной странѣ. Вотъ факты этой исторіи.

Но сначала я долженъ сдѣлать отступление за восемь лѣтъ назадъ, иначе эти факты будутъ недостаточно ясны. Въ это время умерла извѣстная у духоборцевъ Лукерья Васильевна Калишкова, которая призывалась ихъ духовной главой. Передъ смертью она назначила своимъ преемникомъ нѣкоего Петра Веригина, пользовавшагося большимъ уваженіемъ среди духоборцевъ. Къ нему же должна бы была перейти и общественная касса, около 100.000 руб. Но у Лукерьи былъ братъ, которому не понравилось, что сестра сдѣлала своимъ преемникомъ не его, брата, а человѣка посторонняго. Ему удалось склонить на свою сторону духоборцевъ двухъ селеній, и онъ, опираясь съ одной стороны на своихъ единомышленниковъ, а съ другой на наши юридическіе законы, не признающіе общественной собственности тамъ, гдѣ нѣтъ юридическаго лица, отлагалъ эти 100.000 (примечъ, говорятъ, около половины этой суммы ушло въ карманы администраціи).

Какъ разъ въ это же время вышелъ приказъ, обязавшій духоборцевъ отбывать воинскую повинность, отъ которой раньше они были освобождены.

Два селенія, стоявшія на сторонѣ брата Лукерьи, согласились, но остальные пять селеній отказались, такъ какъ обязательное при отбываніи воинской повинности ношеніе оружія противорѣчитъ ихъ религіознымъ убѣжденіямъ. Но послѣ того, какъ у нихъ былъ арестованъ Петръ Веригинъ съ нѣкоторыми вліятельными духоборцами и сосланъ сначала въ Архангельскую губ., а потомъ въ Обдорскъ, и остальные пять селеній просоединились къ первымъ, думая своимъ повиновеніемъ смягчить участь Петра Веригина. Въ то же время они неустанно ходатайствовали о его возвращеніи изъ ссылки. Имъ общали, но только этимъ и ограничались. Въ такомъ положеніи дѣло находилось нѣсколько лѣтъ. Въ послѣднее время среди духоборцевъ сталъ опять замѣчаться поворотъ къ старому. Буду продолжать рассказъ словами очевидца, имя котораго ручается за достоверность рассказа.

„Здѣсь за Кавказомъ теперь всѣхъ занимаетъ духоборческаѧ исторія“ — отказъ отъ ношенія оружія. Послѣ Елизаветпольской

исторіи (гдѣ солдаты-духоборцы отказались отъ служб), солдаты изъ духоборцевъ сдали свои ружья въ Карсѣ. Тамъ начальство, желая ихъ 'образумить', устроило мнимую казнь. Поставили висѣлицу, пошили саваны и вывели духоборцевъ на казнь. Они все упрямились. На нихъ надѣли саваны... Но дѣло не выгорѣло. Пришлось снать.

"28-го іюня общество духоборцевъ Ахалкалакского уѣзда въ сопровожденіи женщинъ и дѣтей отнесло на поле свое оружіе, обложило его дровами и углемъ, облило керосинномъ и сожгло. Костеръ горѣлъ всю ночь, а духоборцы пѣли псалмы.

"29-го днямъ тифлисскаго губернатора направилъ на нихъ казаковъ. Казаки понеслись въ атаку. Духоборцы поставили женщинъ и дѣтей въ кучу, а сами встали кругомъ, взявшись за руки. Не могли храбрые воины прорвать живой цѣпи. Убитыхъ и раненыхъ духоборцы убрали въ средину. Наконецъ, надобѣли казачьему командиру безплодными атаками и онъ прекратилъ ихъ. Духоборцамъ велѣли идти въ селеніе къ губернатору. Руганью встрѣтилъ губернаторъ духоборцевъ и спросилъ стариковъ: „Будете-ли служить?“. Старики отвѣчали, что они стары, и никто ихъ въ солдаты не возьметъ. Тогда губернаторъ вызвалъ поименно трехъ запасныхъ рядовыхъ и предложилъ имъ тотъ же вопросъ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, губернаторъ приказалъ ихъ бить. Били сильно."

Другое, близко стоящее къ духоборцамъ лицо, такъ передаетъ эту дикую сцену. Послѣ отказа вызванныхъ запасныхъ, раздалась команда: „Въ плети!“ Засвистали казацкія плети, раздалась стонъ. „Стой!“ командуетъ губернаторъ. „Будете служить?“ — „Нѣтъ.“ — „Въ плети!“ Но тутъ изъ рядовъ духоборцевъ вышли всѣ запасные — человѣкъ 50-60 — побросали свои книжки къ ногамъ губернатора и заявили о своей солидарности съ избываемыми товарищами. Губернаторъ отдалъ приказъ бить всѣхъ нещадно, передалъ обязанности правителя уѣздному начальнику и уѣхалъ.

Такъ били каждый день *шесть дней*. Начальство негласно разрѣшило казакамъ насловать женщинъ и дѣвушекъ. Мужчины всѣ подъ арестомъ, а христіанское воинство толпами ломится черезъ двери и окна въ хаты. Всѣ окна высадили (одна женщина оказалась убитой). Когда казаки одумались и неохотно стали помогать губернатору „управлять вѣрною ему губерніей“, то ихъ замѣнили лезгинскою милиціей. Лезгинны, помня присягу, не позволяли сомнѣніямъ вкрадываться въ свои сердца.

На 7-ой день губернаторъ отобралъ изъ семи духоборческихъ селеній 35 семей и послалъ въ ссылку неизвѣстно куда. Поѣхали духоборцы на фургонахъ. Пришлось побросать имущество. Приѣхавшіе для покупки продаваемого духоборцами имущества армяне, видя, что дѣлается, стали плакать и жалѣть духоборцевъ. Ихъ плетями выгнали изъ села. Въ напугствіе ссылаемымъ губернаторъ сказалъ, что отдалъ приказаніе ничего имъ по дорогѣ не продавать. „Дохните съ голоду!“ добавилъ онъ. Духоборческія семьи оцѣплены. Духоборцевъ никуда не пускаютъ. Не отпускаютъ ни елизаветпольскихъ, ни карскихъ духоборцевъ. На желѣзнодорожныхъ станціяхъ

начальники станцій получили приказаніе не продавать имъ билетовъ. „Но духоборцы, прибавляетъ рассказчикъ, не унывають, и сердца ихъ не смущены“.

Письмо очевидца было послано въ то время, когда „исторія“ далеко была не закончена. О развязкѣ я узналъ уже изъ другого письма.

35 семей, выслаанныхъ вначалѣ по приказанію губернатора, были авангардомъ, за которымъ вскорѣ послѣдовали *тысячи* новыхъ. Но куда же выселили такую громадную массу зажиточнаго трудолюбиваго населенія? Ихъ не выселили, а *разселили* и расселили самымъ варварскимъ образомъ. Духоборцевъ разбросали отдѣльными семьями по разнымъ горскимъ деревушкамъ Тифл. губ. и Дагест. области, при чемъ не дали ни клочка земли, не дѣлали жилищъ и не дали ни куска хлѣба. Туземнымъ властямъ было отдано приказъ не давать духоборцамъ никакой работы. Очевидно, тысячи семей обречены на голодную смерть. Рассказчикъ высказываетъ предположеніе, что именно эту цѣль и преслѣдуетъ правительство. Факты подтверждаютъ предположеніе. Одна изъ телеграммъ „Русскихъ Вѣд.“ говорить, что среди духоборцевъ открылся кровавый поносъ.

Вотъ картинка, служащая дополненіемъ къ армянскому вопросу, такъ интересующему теперь Европу.

Стачка ткачей на фабрикѣ Товарищества Иваново-Вознесенской Ткацкой Мануфактуры.*)

Мирный въ обыкновенное время городокъ Иваново-Вознесенскъ въ октябрѣ нынѣшняго 1895 года представилъ изъ себя военный лагерь. Стоявшія въ городѣ войска ежеминутно готовы были ринуться на бой съ врагомъ. Но кто же былъ этотъ врагъ? Да никто другой, какъ мирные обыватели этого городка, которые своимъ трудомъ одѣвають чуть не половину Россіи. Все дѣло въ томъ, что ткачи фабрики Ив.-Возн. Мануф. принадлежащей четыремъ компаніямъ, Витову, Новикову, Фокину и Зубкову, въ числѣ болѣе 2000 человекъ отказались работать за такое вознагражденіе, котораго не хватаетъ даже на полугодное существованіе.

Съ 1-го октября была введена новая расцѣнка, которая на 20-25% понижала заработную плату ткача.

Расцѣнка обыкновенно устанавливается два раза въ годъ: на лѣто — отъ Пасхи до Покрова и на зиму — отъ Покрова до Пасхи. При чемъ зимняя расцѣнка обыкновенно понижается противъ лѣтней на 5-10% вслѣдствіе прилива рабочихъ изъ деревень. Въ нынѣш-

*) Настоящая корреспонденція была намъ доставлена уже послѣ того, какъ была составлена нами хроника. — Печатаемъ ее въ виду нѣкоторыхъ подробностей, которыя она содержитъ. *Прим. ред.*

немъ же году нѣкоторые фабриканты удержали и на зиму лѣтнюю расцѣнку, при которой ткачъ могъ заработать 8-12 руб. въ мѣс.*)

Обыкновенно новая расцѣнка вывѣшивается за 1-2 недѣли до начала работъ, такъ что рабочіе заранѣе успѣваютъ ознакомиться съ новыми условіями. Товарищество же вывѣсило новую расцѣнку только 30-го сентября. Всѣ рабочіе не успѣли ознакомиться съ ней въ этотъ день и рѣшили остаться работать и послѣ 1-го октября. Придя на работу 2-го октября и узнавъ о новой расцѣнкѣ, рабочіе выразили неудовольствіе и потребовали директора, г. Свѣшникова, которому и заявили, что работать на такихъ условіяхъ они не согласны. Директоръ отказался измѣнить условія. На слѣдующій день, 3-го октября, рабочіе все-таки пришли на фабрику, но за станки не встали, а начали совѣщаться, какъ быть. Было рѣшено заявить фабричному инспектору и выбрать для переговоровъ 30 человекъ. Рабочіе собрали свѣдѣнія о зимней расцѣнкѣ за 20 лѣтъ, съ 1875 по 1895 г., и когда прибылъ на фабрику фабричный инспекторъ, г. Гончаровъ, ему рассказали, въ чемъ дѣло, указали на расцѣнку за 20 лѣтъ и требовали назначенія средней за этотъ періодъ расцѣнки, такой, какаю была въ 1888 году. Инспекторъ ограничился тѣмъ, что посоветовалъ рабочимъ приняться за работу, т. е. принять новую расцѣнку, указывая на то, что вѣроятно затруднительныя обстоятельства заставили хозяевъ понизить прежнюю расцѣнку.

Нужно замѣтить, что между хозяевами не было полной солидарности. Одинъ изъ нихъ, г. Зубковъ, недовольный дѣлами фабрики и той частью прибыли, которая приходилась на его долю, былъ противъ пониженія и впоследствии открыто становился на сторону рабочихъ, раздавая, какъ говорятъ, хлѣбъ стачечникамъ.

На слѣдующій день фабрика остановилась. Рабочіе, собравшись передъ фабрикой, твердо заявили, что не уступятъ фабрикантамъ и постановили въ теченіе двухъ недѣль не приниматься за работу**)

Слѣдующее обстоятельство было особенно благоприятно для рабочихъ. У трехъ компаніоновъ Товарищества были, кромѣ того, ситце-набивныя фабрики, гдѣ перерабатывался миткаль, полученный съ ткацкой. Съ остановкой послѣдней, ситце-набивныя фабрики должны были сократить производствъ за недостаткомъ фабриката. А когда Товарищество обратилось на сосѣднія ткацкія фабрики, то фабриканты послѣднихъ съ удовольствіемъ предложили свой миткаль, но на каждый арш. накинули $\frac{3}{4}$ коп., — прибавка настолько

*) Нужно замѣтить, что нынѣшняя лѣтняя расцѣнка была ниже средней; среднюю же можно считать во 12-15 руб. въ мѣсяцъ. — Но Товарищество рѣшило повести пониженіе еще дальше. Оно надѣялось, что въ виду увеличенія скорости машинъ на 0%, пониженіе это будетъ не такъ чувствительно. Но на дѣлѣ оказалось далеко не такъ. Рвались чаще нитки, больше стало брака, и въ результатѣ увеличеніе скорости ткацкихъ станковъ не отразилось на такомъ же увеличеніи заработной платы.

***) Объявлять заранѣе срокъ стачки было большой ошибкой со стороны рабочихъ.

значительная, что Товарищество предпочло лучше сократить производство. При такихъ обстоятельствахъ всякій лишний день стачки грозилъ компаніонамъ громадными убытками, такъ какъ при сокращенномъ производствѣ приходилось нести все тѣ же расходы по содержанію администраціи, освѣщенію и проч.

Съ 4-го по 8-е октября дѣло обстоило такъ:

Рабочіе ежедневно сходились большими и малыми группами на улицахъ, площадяхъ и квартирахъ и обсуждали свое положеніе. Картина была невиданная для Россіи. Весь городъ дышалъ борьбой, всѣ умы были взволнованы стачкой. Фабриканты всѣхъ ткацкихъ фабрикъ были сильно встревожены, боясь, какъ бы стачка у Товарищества не подѣйствовала заразительно и на ихъ рабочихъ, тѣмъ болѣе, что послѣдніе явно сочувствовали забастовавшимъ. Ежедневно летѣли телеграммы къ губернатору.

Наконецъ, 8-го октября къ вечеру прибылъ въ Иваново-Вознесенскъ губернаторъ Теренинъ съ прокуроромъ, жандармскимъ начальникомъ и старшимъ фабричнымъ инспекторомъ владимірскаго округа Астафьевымъ. Въмѣстѣ съ ними прибыло 800 человекъ пѣхоты, 200 казаковъ и масса жандармовъ и шпионовъ.

На другой день, 9-го октября, губернаторъ явился на сходку забастовавшихъ ткачей и обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой уговаривалъ рабочихъ не волноваться, прекратить „бунтъ“ и приняться за работу. Онъ все разберетъ, и если найдетъ притизанія хозяевъ неосновательными, то принудитъ ихъ пояснить расцѣнку. Но эти іезуитскія увѣщанія не подѣйствовали на рабочихъ. Они поставили вопросъ ребромъ: ручается-ли губернаторъ, что расцѣнка будетъ повышена? Губернаторъ отказался отъ положительнаго отвѣта, и рабочіе разошлись съ прежнимъ рѣшеніемъ продолжать стачку.

Вечеромъ того же дня состоялось совѣщаніе гг. фабрикантовъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и въ присутствіи всѣхъ пріѣхавшихъ властей.

Прежде всего губернаторъ объявилъ, что содержаніе войска ложится на всѣхъ фабрикантовъ Ив.-Вознесенска. Это вызвало взрывъ неудовольствія среди послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что фабриканты, какъ говорятъ, не требовали войска. Всѣ фабриканты не ткацкихъ фабрикъ наотрѣзъ отказались нести какія-либо расходы по содержанію войска. Тогда расходы были разложены между фабрикантами только ткацкихъ фабрикъ пропорціонально числу станковъ*).

Объясняя причины пониженія расцѣнки, Товарищество ссылалось на свой прошлогодній отчетъ, гдѣ сумма чистой прибыли была показана всего въ 320 рублей съ копѣйками. Взорность этой суммы видна уже изъ того, что большая часть выработываемаго миткаля поступаетъ на ситце-набивныя фабрики тѣхъ же владѣльцевъ, и слѣдовательно, прибавочная стоимость, получаемая съ ткачей, реализуется только при продажѣ продуктовъ ситце-набивныхъ

*) Содержаніе войска ежедневно обходилось около 1000 рублей. Войско выступило только 2-го ноября.

фабрикъ и фигурируетъ въ отчетахъ этихъ послѣднихъ. Вздорность этой суммы подтверждаетъ и такой фактъ: одинъ изъ Ив.-Вознесенскихъ фабрикантовъ Гаренинъ тутъ же на собраніи предложилъ передать ему ткацкую фабрику съ тѣмъ, что онъ повыситъ расцѣнку ткачей и будетъ выплачивать Товариществу эту же прибыль. Компаніоны, конечно, отказались.

Между прочимъ на этомъ засѣданіи выяснилась вполнѣ и роль фабричной инспекціи, на которую по закону (ст. 54 Уст. о промышленности, пунктъ 4) возлагается „принятіе мѣръ къ предупрежденію споровъ и недоразумѣній между фабрикантами и рабочими путемъ изслѣдованія на мѣстѣ возникшихъ недоразумѣній и неудовольствія и миролюбиваго соглашенія сторонъ“. Въ данномъ случаѣ, когда большинство фабрикантовъ высказалось за прекращеніе стачки путемъ повышения расцѣнки, старшій фабричный инспекторъ, г. Астафьевъ, поставилъ на видъ, что это значитъ „давать поведку“, что черезъ это теряется „престижъ власти“. Къ такому мнѣнію представителя фабричной инспекціи не могли, конечно, не присоединиться и официальные представители этой власти.

Въ концѣ концовъ было рѣшено не уступать рабочимъ и сломить ихъ сопротивленіе во что бы то ни стало.

Съ этого момента произошелъ поворотъ въ отношеніи къ стачечникамъ. До сихъ поръ они свободно собирались на сходки и противъ нихъ не предпринималось никакихъ насильственныхъ мѣръ. Къ тому же нужно замѣтить, что рабочіе все время вели себя крайне спокойно, не давая никакихъ поводовъ къ вѣдательству полиціи и войска. Тѣмъ болѣе, что устранивъ стачку, рабочіе въ данномъ случаѣ держались вполнѣ на законной почвѣ. Ст. 1358 ул. о наказ. предусматриваетъ прекращеніе работъ „до истеченія установленнаго времѣни съ цѣлью повышенія заработной платы“, а здѣсь срокъ найма уже истекъ и рабочіе не согласились только на новыя условія).

Но для поддержанія того же „престижа власти“ войска и полиція не могли оставаться спокойными зрителями этого, хотя и законнаго, но въ то же время и крайне опаснаго для существующаго порядка протеста со стороны рабочихъ. Ждали только хотя бы самаго незначительнаго повода, чтобы пустить въ дѣло войска. Такой поводъ представился наконецъ.

Когда 11-го октября рабочіе снова собрались на совѣщаніе, они замѣтили отсутствіе шести товарищей, выдававшихся раньше своей энергіей и присутствовавшихъ на всѣхъ сходкахъ. Оказалось, что въ ночь съ 10-го на 11-ое эти шестеро рабочихъ были арестованы. Арестъ ихъ глубоко возмутилъ рабочихъ. И вотъ 12-го октября они

*) „Такъ какъ отказъ отъ работъ послѣдовалъ въ теченіе первыхъ семи дней послѣ 1-го октября (въ это время какъ рабочіе, такъ и фабриканты имѣютъ право безнаказанно расторгнуть договоръ. См. постановленіе владимірскаго фабричнаго присутствія отъ 11-го октября 1886 года), поэтому судебного процесса противъ участниковъ забастовки не возбуждено“. Рус. Вѣд. 1895, № 308.

направились большой толпой къ губернаторской квартирѣ и просили дать имъ объясненія о причинахъ ареста. Губернаторъ, конечно, отвѣтилъ бранью и отдалъ приказаніе казакамъ расчислить толпу. При этой дикой казачьей расправѣ пострадало не мало и лишь вовсе непричастныхъ къ стачкѣ. Какъ разъ въ это время происходила сѣйна рабочихъ, и рабочіе съ фабрикъ Дербенова, Гарелина и Буршина проходили мимо. Разбирать, кто тутъ былъ изъ стачечниковъ и кто нѣтъ, было некогда, и удары казачьихъ нагаекъ слышались направо и налево. Въ толпѣ былъ смѣть казаками даже 60-тилѣтній старикъ, учитель ремесленного училища. Послѣ этой расправы рабочіе стали собираться только по квартирамъ.

Но стачка, видимо, приходила къ концу. Голодь, при отсутствіи всякой поддержки извнѣ, заставлялъ рабочихъ все ниже и ниже опускать головы. Нѣкоторые изъ рабочихъ, не порвавшихъ еще связей съ землей, стали расходиться по деревнямъ.

Фабриканты же съ своей стороны дѣятельно старались черезъ своихъ агентовъ набирать новыхъ рабочихъ по деревнямъ. Ихъ принимали, однако, на томъ условіи, что платить будутъ по 30 к. въ день и что въ случаѣ прекращенія стачки преимущество будетъ отдано старымъ рабочимъ, а всѣхъ вновь нанятыхъ переведутъ въ запасные съ платой по 20 коп. въ день.

Сначала работало 20, потомъ 30 чел., а 16-17 октября ихъ набралось до 150 чел. Работали 3 4 часа въ сутки, при чемъ преимущественно по вечерамъ. Рабочихъ ставили у станковъ ближе къ окнамъ и освѣщали всю фабрику. Стачечники, конечно, понимали, что это только „фортель“ капиталистовъ и подсмѣивались. Но время шло, все, что было въ запасѣ, было проѣдено, оставалось покориться. Одни за другими потянулись рабочіе на фабрику и 19-го октября послѣдняя приняла прежній видъ.

Изъ 2000 забастовавшихъ рабочихъ не принято 80 человекъ.

Повидимому, рабочіе потерпѣли поражение. Но стачка все же сдѣлала свое дѣло. Она показала, что рабочіе могутъ бороться, могутъ стойко противопоставить притѣсненіямъ фабрикантовъ свою объединенную силу и что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ они могутъ и побѣдить. Это сознали, очевидно, и фабриканты, и правительство. По послѣднимъ извѣстіямъ, фабричная инспекція установила минимумъ заработной платы 48 коп. въ день. Если, работая сдѣльно, ткачъ выработывалъ меньше, его должны рассчитывать поденно по 48 коп. Это есть уже большая уступка требованіямъ рабочихъ, хотя послѣдовавшая и послѣ прекращенія стачки.

Настолько страшна объединенная сила рабочихъ, что даже поражение ея необходимо превращается въ побѣду. На это особенно должны обратить вниманіе рабочіе.

Ко вѣмъ петебурскимъ папиросницамъ.

(По поводу послѣдняго циркуляра фабричной инспекціи.)

Еще у всѣхъ свѣжо въ памяти послѣднее происшествіе на Лафермской фабрикѣ. Еще не забыто мужественное и стойкое сопротивленіе папиросницъ, вызванное безсовѣстной браковкой товара и произвольнымъ наложеніемъ штрафа: 30 работницъ тогда было прогнано съ фабрики, и всю эту исторію начальство объявило дѣломъ глухихъ бабъ, взбунтовавшихся просто изъ-за введенія новыхъ машинъ.

И вотъ настала для лафермскихъ папиросницъ часть, когда дѣло признается инымъ: бабій бунтъ оказывается правымъ дѣломъ, требованія папиросницъ — справедливыми требованіями.

Какъ же это случилось? Откуда такая перемена?

Дѣло вотъ въ чемъ: мѣсяцъ тому назадъ петербургская фабричная инспекція разослала всѣмъ табачнымъ фабрикантамъ циркуляръ (распоряженіе) (см. „Новое Время“, „Новости“ и другія газ. за 20 дек. 1895 г.).

Послушаемъ, что предписываетъ фабричная инспекція табачнымъ фабрикантамъ:

„Нельзя произвольно браковать товаръ. Если хозяинъ признаетъ „товаръ негоднымъ, то онъ не имѣетъ права изъ-за нѣсколькихъ „испорченныхъ папиросъ браковать всю сотню. Такая браковка совершенно произвольна. Только за испорченныя папиросы (отъ небрежной или неумѣлой работы) хозяинъ можетъ налагать штрафъ „по табели, порчу же матеріаловъ взыскивать только по суду. Самый штрафъ слѣдуетъ записывать въ расчетную и особую шнуровую книжку, съ наложеніемъ каждый разъ повода штрафа. Всѣ „штрафныя деньги образуютъ особый капиталъ, который расходуеть исключительно на нужды рабочихъ“. Наконецъ, въ циркулярѣ прямо сказано, что „жалобы работницъ вѣрны, а ихъ положеніе „очень бѣдственно“.

Петербургскія папиросницы! Слышали-ли вы что-нибудь объ этомъ распоряженіи? Вѣроятно, нѣтъ. Но вы навѣрно уже замѣтили перемену въ штрафованіи, сравнительно съ прежнимъ. Чѣмъ же это объяснить? Вѣдь для хозяевъ вашихъ это очень невыгодное распоряженіе: ни одна штрафная копѣйка не попадетъ теперь въ карманъ хозяина: у него, значитъ, не будетъ причинъ налагать тяжелые штрафы. Деньги штрафныя будутъ расходоваться только на рабочія нужды: на школы для дѣтей рабочихъ, на выдачу вознагражденія въ несчастныхъ случаяхъ или на время болѣзни, на обезпеченіе старости. Такимъ образомъ, руки хозяйскія, загребущія, укорочены. Сидитъ табачный фабрикантъ, злой на фабричную инспекцію за такое распоряженіе и думаетъ такую думу: „пусть, по крайней мѣрѣ, папиросницы не знаютъ объ этомъ предписаніи, — авось, втихомолку удастся его обходить“. Мы знаемъ, что хозяйскій интересъ противоположенъ рабочему интересу, что у фабриканта всегда одна цѣль: платить поменьше, заставлять работать на себя

побольше. Значить, не добровольно хозяинъ оказался такимъ милостивымъ, значить, его заставили такъ поступить.

Но вотъ, почему фабричный инспекторъ сталъ на этотъ разъ на нашу сторону и издалъ такое распоряженіе не въ пользу хозяевъ? И отчего это случилось именно теперь, послѣ громкой лафермской исторіи? Многія бунтовщицы отвѣтили бы на этотъ вопросъ такъ: да именно потому и издано это распоряженіе, что мы бунтовали, именно потому теперь фабричная инспекція вынуждена была издать такое распоряженіе, что мы сами громко заговорили о своихъ нуждахъ и рѣзко заявили свое недовольство. Наме терпѣніе истощилось, и мы забастовали. Но если бы мы молча стали терять хозяйскія прижимки, если бы мы и въ этотъ разъ покорно перенесли черезъ-чуръ усилившіяся строгости фабрикантовъ, то распоряженіе не было бы издано, и мы не добились бы и тѣхъ небольшихъ облегченій, которыя приносятъ намъ этотъ циркуляръ.

Петербургскія папиросницы, всѣ вы, работающія у господа Богдановыхъ, Лафермовъ, Шапшаловъ, Босфоровъ, Шапошниковыхъ и т. д. и терпяція отъ тѣхъ же хозяйскихъ притѣсненій! Берите примѣръ съ вашихъ лафермскихъ товарокъ! Подобно имъ, выступайте противъ грабителей-хозяевъ, не обольщайтесь мелочью, теперь зановоанною для васъ всѣхъ лафермскими папиросницами. Ваши хозяева стануть осторожнѣе, они будутъ стараться незамѣтно васъ прижимать. Поэтому, слѣдите за каждой новой хозяйской мѣрой, которая готовитъ вамъ новыя бѣды, новыя несчастія. Не соглашайтесь на пониженіе расцѣнки при задѣльной работѣ, требуйте уничтоженія произвольныхъ штрафовъ; добивайтесь, чтобы ихъ и совсѣмъ не стало. Вѣдь, штрафы для рабочаго человѣка — это вырваніе изъ рукъ куса заработаннаго хлѣба, это палка, страхомъ передъ которой хозяинъ держитъ рабочаго въ повиновеніи.

Снова и снова возставайте на защиту своего бѣдственнаго положенія, сами выступайте въ борьбу за рабочее дѣло, но выступайте дружно, какъ одинъ человѣкъ, потому что только въ единеніи ваша сила. Устраняйте, поэтому, на каждой фабрикѣ союзъ папиросницъ противъ хозяевъ, собирайте деньги для помощи другъ другу и на случай новаго столкновенія съ фабрикантомъ. Тогда только вы завоюете себѣ лучшую долю, тогда только наступитъ для васъ лучшіе дни.

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

Еврейскіе рабочіе противъ еврейскихъ капиталистовъ.

Статья эта, присланная намъ безъ заглавія, написана и распространена была въ видѣ брошюры въ одномъ изъ городовъ, лежащихъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, по случаю недавней стачки на мѣстной табачной фабрикѣ. О самой стачкѣ мы изъ статьи узнаемъ очень мало, не названъ даже городъ, въ которомъ она произошла, ни фамилія фабриканта, вызвавшаго ее своими приготовлениями къ

замѣнѣ у себя рабочихъ-мужчинъ работницами. Но статья, тѣмъ же менѣе, имѣетъ большой интересъ для нашихъ читателей, какъ выраженіе того переворота, который началъ въ послѣдніе годы совершаться въ мысляхъ и чувствахъ еврейской массы. А этотъ переворотъ есть только слѣдствіе распада еврейства на два рѣзко противоположныхъ класса: капиталистовъ и рабочихъ. На внутренней связи этихъ двухъ фактовъ болѣе всего останавливается авторъ настоящей статьи.

Товарищъ, приславшій послѣднюю, сообщаетъ, что стачка продолжалась двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ начальство пускало въ ходъ всякія средства противъ стачечниковъ, да и духовенство еврейское не дремало. Такъ, въ одну субботу проповѣдникъ (магидъ) началъ было громить стачечниковъ проклятіями, „называя ихъ бунтовщиками и угрожая имъ всяческими наказаніями“. Но эта попытка имѣла неожиданный для фабриканта и его приверженцевъ исходъ. Когда проповѣдникъ сталъ, „во имя Божіе“, доказывать правоту фабриканта и обязанности рабочихъ повиноваться, значительная часть слушателей его освистала и осмѣяла, заставивъ прекратить проповѣдь.

Редакція.

I.

Кажется, никогда еще весь нашъ городъ не бывалъ такъ изволованъ какимъ либо происшествіемъ, какъ на прошлой недѣлѣ происшествіемъ въ синагогѣ, когда магидъ*) говорилъ противъ рабочихъ фабрики. Старые евреи въ горестномъ раздумьи качаютъ головами и говорятъ: никогда, никогда еще не было такого случая! 50-60 лѣтъ ходимъ мы въ синагогу и никогда еще не видѣли такого скандала; никогда не видѣли, чтобы городской магидъ былъ осмѣянъ, освистанъ и обруганъ толпой!

Бѣднѣ старики! Для нихъ это, дѣйствительно, неслыханное, невиданное дѣло, отъ котораго дыбомъ должны стать волосы. И что всего печальнѣе для нихъ, это — неожиданность самого дѣла, которое какъ громомъ поразило ихъ. Какъ! думаютъ они, развѣ евреи больше ужъ не одинъ народъ, прошедшій тысячелѣтнія страданія, сплоченный братскими чувствами, смиренно собирающійся въ субботу, чтобы отрѣшиться отъ житейскихъ дѣлъ, отъ печальной и тяжелой дѣйствительности и въ горячей молитвѣ вознестись къ Нему? Какъ случилось, что вмѣсто братской любви между дѣтьми одного и того же народа возникла вражда, злобная вражда, не щадящая святыни храма? Да, неслыханное дѣло!

Но если внимательнѣе присмотрѣться ко всѣмъ послѣднимъ событіямъ, то придется заключить, что это неслыханное дѣло — только естественный результатъ цѣлаго ряда другихъ, прежде неслыханныхъ и не менѣе печальныхъ событій. Слыханное-ли дѣло, чтобы

*) Магидъ — неофициальное духовное лицо у евреевъ — исполняетъ функцію проповѣдника и болѣею частью пользуется большимъ авторитетомъ, чѣмъ раввинъ, избираемый общиной.

въ синагогѣ магидъ угрожалъ громами небесными и земными рабочимъ, поссорившимся съ хозяиномъ? Слыханное-ли дѣло, чтобы духовное лицо говорило о сотнѣ мирныхъ людей, честныхъ семейныхъ труженниковъ, какъ о шайкѣ разбойниковъ, которымъ мѣсто въ тюрьмѣ? Больше того. Развѣ въ доброе старое время случалось, чтобы еврей-фабрикантъ или мастеръ поставилъ себѣ цѣлью помаленку выбросить на улицу съ женами и дѣтми старыхъ людей, проработавшихъ весь свой вѣкъ на хозяевъ, всю свою жизнь отдавшихъ его интересамъ, выбросить для того, чтобы увеличить свои и безъ того громадные доходы дешевымъ трудомъ женщинъ? Развѣ въ то старое время случалось, чтобы, поссорившись съ рабочими, хозяинъ-еврей обращался къ полициѣ, платя ей за незаконные аресты, за побой и истязанія захваченныхъ на улицѣ людей? Развѣ бывало когда нибудь, чтобы по первому указанію мастера хватили людей, проходящихъ мимо фабрики, чтобы на день, на два оторвать человѣка отъ работы, пока не обнаружится (не безъ содѣйствія со стороны всеяльной рублевой бумажки, что человѣкъ ни къ чему не причастенъ? Слыханное ли дѣло, чтобы въ спорѣ между хозяиномъ-евреемъ и его единовѣрцами рабочими принимали такое дружное участіе и губернаторъ, и полиціестеръ съ приставами и прочей полицейской сволочью, и всѣ старшины съ магидомъ во главѣ, причемъ одни хватаютъ рабочихъ за шиворотъ и поощряютъ ихъ кулаками идти на фабрику, а другіе натравливаютъ публику на возставшихъ труженниковъ, осыпая ихъ бранью и уговаривая подчиниться всеяльному богачу.

Всѣ эти неслыханныя дѣла совершались на нашихъ глазахъ. Фабрикантъ задумалъ безъ жалости повыбросить на улицу своихъ рабочихъ; рабочіе съ поразительнымъ упорствомъ и стойкостью отстаивали свои интересы и не думали сдаваться даже тогда, когда стали терять нужду и видѣли, что фабрикантъ дѣятельно ищетъ повсюду людей для ихъ замѣщенія; всѣ, понимающіе свои интересы, рабочіе, стали на сторону стачечниковъ, фабриканта же поддерживала полиція, — „законными“ и незаконными средствами; съ другой стороны, и магидъ, прихвостень богатыхъ, воспользовался уваженіемъ, которое питаетъ народъ къ синагогѣ, чтобы возбудить въ немъ ненависть къ дерзкимъ „лохмотникамъ“, чтобы заодно осыпать бранью и ложью все, что за послѣднее время тревожитъ нашихъ богачей: и тѣ книжки, понятныя и доступны народу, которыя ему рисуютъ въ истинномъ свѣтѣ его страданія и безсердечіе богатыхъ, и тѣхъ бѣлостокскихъ товарищей, которые вмѣстѣ съ польскими, русскими и нѣмецкими рабочими на двѣ недѣли бросили работу, не желая принять фабричныя книжки, чтобы показать правительству, что они понимаютъ, каковы тѣ законы, которые выписаны въ этихъ книжкахъ, законы, которые рабочему запрещаютъ дѣлать, что нибудь для улучшенія своего положенія, а хозяину даетъ въ руки все, чѣмъ онъ можетъ принизить рабочихъ. Всего этого коснулся въ своей проповѣди магидъ, чтобы какъ можно болѣе напугать слушателей и легче повліять на ихъ отношенія къ стачечникамъ; онъ не остановился при этомъ передъ клеветой и ложью. — что же

удивительнаго въ томъ, что въ отвѣтъ на змѣнное шипѣніе этого служителя богачей изъ толпы бѣдняковъ раздался свистъ? Синагога опозорена, но не тѣмъ шумомъ, которымъ возмущенные рабочіе выражали свое негодованіе, а той рѣчью, которую говорилъ магидъ. Чего добивался онъ своею рѣчью? Чтобы рабочіе, испуганные его упреками и страхомъ тѣхъ наказаній, земныхъ и небесныхъ, которыми онъ грозилъ, смиренно вернулись на фабрику и покорно глядѣли на то, какъ мало по малу, одинъ за другимъ, они выбрасываются на улицу, какъ положеніе остающихся ухудшается и какъ жирѣетъ на счетъ всѣхъ этихъ бѣдствій г. фабрикантъ. Если магидъ воспользовался синагогой для такихъ грязныхъ цѣлей, то ее опозорилъ онъ, а не рабочіе. Онъ ее опозорилъ тѣмъ, что сдѣлалъ ее орудіемъ для облегченія капиталисту борьбы съ рабочими, для обогащенія хозяина на счетъ его голодныхъ работниковъ. О, если синагога его духовными служителями превращается въ мѣсто для безсовѣстныхъ гешефтовъ на счетъ пота и крови неимущихъ, въ такомъ случаѣ, развѣ не правъ тотъ работникъ, который сейчасъ же громогласно опредѣлялъ цѣну услуги, сказанной фабриканту магидомъ, — перевелъ ее на звонкія деньги? Если духовные служители въ интересахъ богачей переносятъ борьбу класса капиталистовъ съ ихъ рабочими изъ мастерскихъ въ синагогу, то развѣ не должны были рабочіе, въ свою очередь, выступить въ эту открытую борьбу, показавъ удивленнымъ зрителямъ, что рабочіе — уже не покорное стадо, которое капиталъ можетъ безпрекословно грабить и угнетать, но что они представляютъ собой силу, которая знаетъ свои права и съумѣетъ за нихъ постоять. Да, вы перенесли нашу глухую борьбу на улицу, мы съ удовольствіемъ послѣдуемъ за вами, намъ то нечего бояться этой борьбы, ибо стоило только прислушаться къ разговорамъ, которые велись въ толпѣ, оставшейся на дворѣ синагоги, чтобы сказать себѣ: въ этотъ день мы завоевали сочувствіе многихъ, стоявшихъ доселѣ внѣ нашей борьбы; болѣе того, — въ этотъ день мы сдѣлали фабриканта сговорчивѣе.

II.

И вотъ теперь, послѣ стачки у X для здѣшнихъ евреевъ уже нѣтъ никакого сомнѣнія: нѣтъ единаго еврейскаго народа, внутри его имѣются два народа, два враждебныхъ класса, и борьба этихъ классовъ дошла до такихъ размѣровъ, что ее не можетъ уже погасить ни уваженіе къ синагогѣ и духовенству, ни грозная власть къ начальству. Да, старне евреи правы въ своемъ изумленіи, — прежде этого не было, это — новое событіе. Что же раздѣлило, что раскололо надвое прежде единый народъ? Когда-то евреи составляли, дѣйствительно, однообразную массу, внутри которой не замѣчалось большихъ различій въ степени благосостоянія. Всѣ они были или посредниками между помѣщиками и ихъ крѣпостными мужиками, или мелкими торговцами и самостоятельными ремесленниками. Но уничтожилось крѣпостное право, повсюду проведены были желѣзныя дороги, развилось фабричное и банковое дѣло, и положеніе

дѣлъ измѣнилось: тотъ, кто имѣлъ много, получилъ возможность приобрести путемъ кредита еще больше и нажитья на подрядахъ, торговлѣ или промышленномъ дѣлѣ; кто имѣлъ мало, тому оказалося очень трудно конкурировать съ крупнымъ торговцемъ или богатымъ мастеромъ или фабрикантомъ. Желѣзныя дороги помогли развиваться промышленности, такъ какъ они перевозили далеко мѣстные товары, но это оживленіе принесло пользу только богатымъ: болѣе мелкіе, не имѣвшіе капитала, не выдержали конкуренціи. Оказалась новая сила — капиталъ, безъ которой человекъ терялъ возможность вести самостоятельное дѣло. Одни за другими раззорялись мелкіе торговцы, ремесленники, разнаго рода посредники и т. д., и мало по малу образовался среди евреевъ классъ людей, не могущихъ прожить иначе, какъ нанемаясь на работу, продавъ себя тому, у кого есть капиталъ. Много-ли среди насъ такихъ, чьи отцы были бы наемными работниками? А такихъ, чьи дѣды были бы рабочими, и вовсе почти нѣтъ. Втеченіе одного, двухъ поколѣній, на мѣстѣ экономически самостоятельныхъ людей появился классъ наемныхъ рабочихъ. А съ другой стороны, образовался классъ капиталистовъ, живущихъ высасываніемъ труда этихъ рабочихъ. Изъ нашихъ капиталистовъ тоже весьма немногіе могутъ сказать, что ихъ отцы и дѣды были богачами: большинство происходитъ отъ тѣхъ же мелкихъ торговцевъ и посредниковъ. Втеченіе какаго нибудь полстолѣтія еврейскій народъ раскололся на два класса; и что общаго между этими двумя классами, что общаго между богачами Х. У. и неимущими работниками?

И чѣмъ дальше, тѣмъ глубже становится пропасть между этими двумя классами, все болѣе раззоряются и бѣднѣютъ мелкіе самостоятельные торговцы и ремесленники, все болѣе растетъ число наемныхъ рабочихъ.

Но по мѣрѣ того какъ увеличивается нищета бѣдныхъ и богатство бо атыхъ, въ головы рабочихъ все болѣе и болѣе проникаетъ сознаніе, что такъ не должно идти далѣе, что надо взятыся за улучшеніе своего положенія, что надо бороться. А чѣмъ болѣе растетъ наше сознаніе, тѣмъ болѣе возбуждается ненависть къ намъ нашихъ работодателей, тѣмъ болѣе они забываютъ о томъ, что они наши единовѣрцы, связанные общимъ безправіемъ, тѣмъ болѣе они склонны обращаться, въ борьбѣ съ нами, за помощью къ общему прежде врагу — нашему правительству. Богатые сами порываютъ ту связь, которую создало чувство единенія, проникавшее прежде всѣхъ евреевъ: они не могутъ не дѣлать этого, такъ какъ чувствуютъ растущую силу рабочихъ; порывая эту связь, они только сами признають, что нѣтъ ничего общаго между двумя классами еврейскаго народа, которыхъ разъединяетъ капиталъ.

Намъ-ли сожалѣть объ этомъ? Намъ-ли стараться помѣшать этому? Вѣдь мы только въ этой борьбѣ съ капиталистами почувствовали себя людьми, только на этой борьбѣ научились понимать свои интересы, только въ этой ненависти къ капиталу мы воспитали въ себѣ любовь и братское чувство къ своимъ товарищамъ по страданіямъ, вѣдь только изъ этого раскола между капиталомъ и тру-

домъ выросло наше сознание, въ этой войнѣ оно развилось и окрѣпло. Намъ жалѣть о тѣхъ старыхъ временахъ, когда невѣжественные, презираемые и ненавидимые снизу, ошлеиваемые и притѣсняемые сверху, евреи владели жизнь дикарей, вѣчно трясущихся за свое жалкое существованіе, вѣчно ожидающихъ грозы? Намъ-ли жалѣть о потерѣ связи между еврейскимъ бѣднякомъ и еврейскимъ магнатомъ, когда мы вмѣсто нея приобрѣли связь, соединяющую насъ съ рабочимъ русскимъ, польскимъ, литовскимъ, съ рабочими всѣхъ странъ? Будущее несетъ намъ укрѣпленіе этой связи, ростъ нашей силы и нашего сознанія, — чего же намъ жалѣть о темномъ прошломъ, безъ борьбы, безъ раскола, но за то и безъ жизни?

III.

Но, отвѣчаетъ намъ на это образованный еврей, вы напрасно ужъ такъ рѣшительно отвергаете всякую связь между собой и еврейскими капиталистами. На самомъ-то дѣлѣ вы все таки съ ними связаны общими притѣсненіями со стороны правительства; и они, какъ вы, не имѣютъ права повсемѣстнаго жительства, и они, какъ вы, лишены всѣхъ правъ. Вмѣстѣ вамъ надо съ капиталистами добиваться своихъ гражданскихъ правъ, а не спорить изъ-за вопросовъ о рабочемъ днѣ и заработной платѣ. А магидъ слезно прибавляетъ: братья! каждый долженъ заботиться не о себѣ только, но и о своемъ народѣ. Помогая себѣ своей борьбой, вы вызываете гнѣвъ правительства, и оно обрушивается на всѣхъ евреевъ, и намъ всѣмъ будетъ плохо. И безъ того положеніе евреевъ ужасно, не раздражайте же правительства, работники, думайте не только о себѣ, но и о всемъ народѣ.

Итакъ, борясь съ капиталистами, мы, по мнѣнію еврейскихъ патриотовъ, мѣшаемъ тому, чтобы вмѣстѣ съ ними добиваться гражданскихъ правъ. По словамъ магида, мы этой борьбой вызовемъ новыя притѣсненія со стороны правительства, направленные противъ евреевъ. Что касается перваго мнѣнія, то мы спросимъ слѣдующее: развѣ еврейскіе капиталисты пробовали когда нибудь добиваться для всѣхъ евреевъ тѣхъ правъ, которыхъ они лишены? Каждый капиталистъ старается по мѣрѣ возможности, силой своихъ денегъ, сдѣлать для себя безвредными законы, угнетающіе евреевъ, и, при общей продажности русскаго чиновничества, это имъ въ значительной степени удается. Но кромѣ того, мы докажемъ, что борясь съ капиталистами, еврейскій рабочій приближаетъ, а не отдаляетъ моментъ приобретенія гражданскихъ правъ. Магидъ говоритъ, что своей борьбой еврейскіе рабочіе только будутъ вызывать новыя притѣсненія правительства. Ложь! На насъ будетъ падать тѣмъ болѣе притѣсненій, чѣмъ больше мы будемъ забыты, чѣмъ ниже мы будемъ гнуть свои головы. Можетъ показаться, что русское правительство слишкомъ сильно, чтобы обращать вниманіе на волненія какихъ нибудь евреевъ и считаться съ ними. Однако, мы имѣемъ примѣры, что и русское правительство, какъ и всякое другое, боится народа. Кромѣ евреевъ и поляковъ правительство русское и

высшіе классы особенно притѣсняютъ финляндцевъ. Послѣднихъ въ Россіи около 2 милліоновъ, а евреевъ — около 8. Финляндцы издавна пользуются большей свободой, чѣмъ жители Россіи. Такъ напр., рабочіе Финляндіи могутъ свободно устраивать союзы. Русское правительство давно думало уничтожить ихъ свободу, которая мозолила глаза русскимъ жандармамъ, и водворить россійскіе порядки, которые дали бы доходныя мѣста русскимъ чиновникамъ. И вотъ съ того времени, когда на престолъ вступилъ недоброй памяти Александръ III, яа финляндцевъ, какъ и на прочихъ инородцевъ, посылались притѣсненія. Указъ за указомъ нарушалъ ихъ давнія права и, наконецъ, пошла слухи, что хотятъ уничтожить окончательно ихъ свободу и водворить русское безправіе. Тогда во всей Финляндіи поднялся страшный ропотъ, повсюду стали устраиваться бурныя собранія, волненіе приняло такіе размѣры, что самъ гордый Александръ III, боясь бунта, долженъ былъ особымъ указомъ увѣрить финляндцевъ, что онъ не думаетъ лишить ихъ правъ.

Другой примѣръ мы видѣли недавно въ Гѣлостокѣ. Люди, бывшіе тамъ, удивлялись, какъ вѣжливо обращались съ рабочими — евреями и поляками — русскіе чиновники: прокуроръ, полицмейстеръ, губернаторъ и жандармскій полковникъ. Они умоляли рабочихъ принять расчетныя книжки, обѣщали даже, что ненавистныя рабочимъ законы не будутъ строго исполняться, обѣщали всегда впередъ выслушивать жалобы рабочихъ, позволяли имъ собираться для совѣщаній и выбирать (даже евреямъ) людей для переговоровъ съ начальствомъ; мало того, не тронули этихъ выборныхъ, хотя они свободно и рѣзко говорили съ чиновниками. Однимъ словомъ, обращались совсѣмъ не такъ, какъ въ обычаѣ у русскіихъ чиновниковъ. А почему? Потому что боюлись силы 19 тысячъ рабочихъ.

Вотъ почему мы говоримъ: чѣмъ болѣе еврейскіе рабочіе будутъ становиться силой, тѣмъ менѣе ихъ посмѣетъ притѣснять правительство. Магидъ, уговаривая рабочихъ смириться, доказалъ только одно: что еврейскимъ капиталистамъ и ихъ слугамъ выгодно безправіе евреевъ. Оно выгодно потому, что забиваетъ народъ, дѣлаетъ его трусливымъ, а людей забитыхъ легче эксплуатировать. Когда же забитый человѣкъ начинаетъ шевелиться, ему кричатъ: „стой, не шевелись, а то на насъ всѣхъ посыпятся притѣсненія!“ Нѣтъ, мы не дадимъ себя обмануть этими словами. Мы понимаемъ, что эти крики вызваны страхомъ передъ нашей силой. Начиная бороться, мы тѣмъ самымъ приближаемъ время свободы и равноправія евреевъ.

Почему такъ сочувственно отнеслись къ послѣдней стачкѣ мелкіе лавочники, ремесленники и тому подобный людъ, интересы которыхъ не были ею прямо задѣты? Не потому-ли, что они почувствовали, что появилась какая то новая сила среди евреевъ, и что лучшее будущее евреевъ связано съ этой силой. И они правы.

Какъ рабочіе, мы страдаемъ отъ ига капитала; какъ евреи, мы терпимъ отъ ига безправія. Это безправіе насъ угнетаетъ, порабощаетъ и забиваетъ, дѣлая затруднительной борьбу съ капиталистами. Это безправіе мѣшаетъ намъ продавать свою рабочую силу на нап-

Болѣе выгодныхъ для насъ условіяхъ, скучивая насъ насильственно внутри черты осѣдлости, вызывая усиленную конкуренцію, оно Ухудшаетъ наше положеніе. Это безправіе дѣлаетъ господиномъ надъ нами каждаго полицейскаго и тѣмъ самымъ опять таки мѣшаетъ намъ добиваться улучшенія нашего положенія. Поэтому мы должны Стремиться достигнуть равноправія. Борясь съ капиталистами, мы образуемъ силу, сила эта растетъ, крѣпнетъ, и недалеко, быть можетъ, то время, когда эта сила окажется достаточной, чтобы начать добиваться для насъ правъ, которыхъ мы лишены. Тѣхъ, кто качаетъ съ сомнѣніемъ головой, мы спросимъ: а развѣ года три тому назадъ вы повѣрили бы, что рабочіе смогутъ сломать фабриканта Х.? Повсюду встанутъ на борьбу еврейскіе рабочіе, повсюду они начинаютъ организовываться. Когда повсюду еврейскіе рабочіе будутъ организованы, когда, покидая родной городъ, рабочій вездѣ найдетъ товарищескій союзъ, тогда на нашей сторонѣ будетъ такая сила, о которой мы теперь не можемъ имѣть представленія. Ея будетъ мало, этой силы, для того, чтобы имѣть дѣло съ русскими правительствомъ, но у насъ будутъ надежные союзники: русскіе, польскіе и литовскіе рабочіе. Вмѣстѣ съ ними мы будемъ добиваться того, чего мы всѣ лишены; права стачекъ, союзовъ, собраній, свободы слова, и получимъ отъ нихъ поддержку, когда будемъ лобиться отмины тѣхъ законовъ, которые не признаютъ еврея человекомъ. Борясь за свои права, мы растемъ въ силѣ; этой силѣ суждено добиться равноправія евреевъ. Но мы, рабочіе, стоимъ ниже всѣхъ классовъ, поэтому, мы не можемъ добиться отмины притѣсненій, падающихъ на всю націю, для себя однихъ. Когда, благодаря нашей борьбѣ, спадутъ оковы, валяющія насъ цѣпи, онѣ спадутъ не только съ насъ, но и съ тѣхъ, кто сидитъ на нашихъ плечахъ, насъ давить тяжестью своего денежнаго мѣшка. Вотъ почему въ область равноправія и свободы мы вступимъ, нося на себѣ еще нашихъ работодателей. Но мы это сдѣлаемъ не для того, чтобы продолжать ихъ носить на себѣ долѣе, нѣтъ! Вдохнувъ въ себя живительный воздухъ свободы, мы тѣмъ легче ихъ сбросимъ съ себя, и тогда, гг. капиталисты, ваше паденіе будетъ тѣмъ большемъ, чѣмъ крѣпче вы въ насъ являлись!

Хроника революціонной борьбы.

Что такое политическій преступникъ? Человѣкъ, который противозаконными дѣйствіями хотѣлъ измѣнить существующій въ какой-либо странѣ государственный строй. Для того, чтобы человѣкъ сталъ политическимъ преступникомъ, необходимо, чтобы онъ совершилъ нѣчто, запрещенное законами и направленное противъ государственнаго порядка. Совершилъ ли человѣкъ преступленіе и какое ему полагается наказаніе — это вездѣ рѣшаетъ судъ. Не то въ Россіи.

У насъ всякое стремленіе поступать не такъ, какъ хочется начальству, думать не такъ, какъ полицейскій приставъ, не то, что угодно попу или жандарму, даже желаніе вести то или другое знакомство можетъ быть сочтено политическимъ преступленіемъ. Рабочіе, которые посредствомъ стачки добиваются увеличенія заработной платы, уменьшенія рабочаго времени и т. п.; студенты, которые хотѣли бы слушать любимаго профессора и заниматься по любимымъ книгамъ; наконецъ, весь народъ, который хочетъ самъ мыслить и заботиться о себѣ, народъ, начинающій чувствовать себя взрослымъ, а не ребенкомъ, — все это преступники, съ которыми церемониться не приходится. И нѣтъ такого русскаго человѣка, который могъ бы быть увѣренъ, что онъ не очутится завтра тамъ, куда Макаръ телять не гонялъ. Вѣдь, стснить только совершить что нибудь противъ государственнаго порядка! Хорошо бы, конечно, знать, въ чемъ этотъ порядокъ состоитъ, дабы люди смиренныя могли до скончанія дней своихъ спокойно оставаться въ родныхъ мѣстахъ. Но кто же его угадаетъ, гдѣ онъ сидитъ, этотъ самый порядокъ? Иной разъ кажется, что жена, напр., губернатора никакого отношенія къ порядку не имѣетъ, а оказывается, что имѣетъ, и очень даже. Хотя въ законахъ ничего нѣтъ о непоттительномъ отношеніи къ губернаторшѣ, а подите-ка, попробуйте! Сейчасъ покажутъ, гдѣ раки зимуютъ.

А какъ поступаютъ съ тѣми, кто дѣйствительно возмущается всѣми мерзостями, творящимися въ россійскомъ царствѣ, кто стремится поднять свой протестующій голосъ противъ царящей у насъ несправды, кто указываетъ народу на необходимость повести борьбу на жизнь и смерть съ позорящимъ Россію царскимъ деспотизмомъ? Тюрьмой, ссылкой, каторгой, даже смертью платитъ наше правительство лучшимъ русскимъ людямъ за ихъ благороднѣйшія стремленія. Мы считаемъ нужнымъ заносить на страницы нашего изданія имена этихъ самоотверженныхъ борцовъ. Не забудь, читатель, что это лучше изъ нашихъ братьевъ и дѣтей, замученныхъ безсовѣстными тиранами.

На этотъ разъ мы сообщимъ объ арестахъ, ссылкахъ и проч., относящихся къ 1895 г. и къ началу 1896 года, причемъ считаемъ нужнымъ оговориться, что мы не можемъ претендовать на полноту.

Весною и лѣтомъ были большіе аресты въ *Одессѣ*. 150-200 рабочихъ правильно собирались втеченіи долгаго времени въ одномъ ресторанѣ, гдѣ была выработана „программа южнорусскихъ рабочихъ“. Полиція пронюхала про эти собранія и въ одинъ день арестовала до 200 человѣкъ, обвиняемыхъ въ „основаніи и участіи въ тайномъ сообществѣ, имѣющемъ цѣлью вести агитацію среди рабочихъ законными и незаконными средствами. Изъ арестованныхъ несною намъ извѣстны слѣдующія имена: Нахамкисъ, Вельтманъ, Шифъ и Циперовичъ, двѣ слушательницы повивальной школы — Тапузи и Гольдендахъ. Циперовичъ взятъ на собраніи съ 14 рабочими, Нахамкисъ на подобномъ же собраніи изъ 35 человѣкъ. Всего по этому дѣлу было взято 64 чел., изъ которыхъ около 40 рабочихъ. Наказанію подверглись 18 чел., изъ которыхъ 6 оставлены въ одес-

ской тюрьмѣ (Волошкевичъ, Капелюшъ, Бугаевскій, Вайнштейнъ, солдатъ Гондерь и рабочій Гедражко). Въ Петербургѣ, въ тюрьму, отправлено 7 чел.: рабочіе — Леонидъ Яковлевъ (годъ тюрьмы и 3 года ссылки въ Вологодскую губ.), Игнатъ Березовскій (то же); матросъ Сергій Дериглазовъ, чернорабочій Ив. Ошманецъ, сапожникъ Ив. Малицкій, рабочій Мойсей Сойферъ (всѣ четверо осуждены на полгода тюрьмы и два года надзора); Яковъ Циперовичъ (годъ тюрьмы и 3 года надзора). Пять чел. отправлены въ Вост. Сибирь, а именно: бывшіе студенты Г. Циперовичъ и Ю. Нахамкисъ и морякъ Ив. Калашниковъ на 10 лѣтъ, бывшіе студенты Михаилъ Вельтманъ и Іосифъ Шифъ на 5 лѣтъ.

Въ ночь съ 11 на 12 іюля было произведено въ городѣ и на вокзалѣ много арестовъ. Большинство арестованныхъ — рабочіе. Въ то же время были закрыты три ресторана и одинъ трактиръ, гдѣ собирались рабочіе. Изъ арестованныхъ называютъ слѣдующія лица: Желкевичъ (изъ Житомира) взятъ на вокзалѣ и провожавшіе его дѣвца Тыченко (бывшая народная учительница), Чичинадзе (студентъ) и Картишевъ (рабочій). 11 іюля при арестахъ въ рабочихъ казармахъ были взяты: бывший гимназистъ Майеръ, Бронъ (математикъ), Боградь, другой Бронъ, Московскій, Сидкій, Наумовъ, Гахевъ, Медвѣдевъ, Аникановъ, Брянцевъ, Худяковъ, Антоновъ, Меркуловъ, Коншинъ, Плехинъ, Ткаченко, Окольскій, Борейша, Бѣлошвицкій, Орловскій, Розенблюмъ съ женой, Григорьевъ, Юходкій, Невинный. — Въ первыхъ числахъ декабря въ Одессѣ арестовано 8 человекъ, фамиліи которыхъ намъ до сихъ поръ неизвѣстны.

Въ той же Одессѣ въ прошломъ году разбиралось интересное во многихъ отношеніяхъ дѣло нѣсколькихъ рабочихъ.

Въ началѣ января текущаго (1895. г. былъ произведенъ обыскъ на Базарной улицѣ въ домѣ Бѣлова въ артели каменьщиковъ. Базарная улица и примыкающіе къ ней въ этомъ мѣстѣ переулки были заняты казаками и жандармами, а въ помѣщеніе рабочихъ вошло столько жандармовъ, что у каждой кровати помѣстилось по двое (это было въ полночь, всѣ уже спали). Будили поочередно каждого, спрашивали, его-ли вещи (сундукъ съ инструментами стоялъ подъ кроватью) и пересматривали ихъ. Послѣ обыска были арестованы: плотникъ Трофимъ Федоровичъ Коншинъ и каменьщикъ Павелъ Андреевичъ Аникановъ. Полиціи, жандармовъ и казаковъ на улицѣ, въ соседнихъ переулкахъ и въ домѣ было около 300 человекъ. Объясняется это тѣмъ, что при обыскѣ ждали, на основаніи доноса Ильшевича, вооруженнаго сопротивленія. Съ подробностями дѣла можно ознакомиться изъ заключенія прокурора судебной палаты, которое помѣщается ниже. Ввиду того, что Ильшевичъ въ послѣднее время сталъ спеціально заниматься шпионствомъ, ибо его уже нѣсколько разъ видѣли переодѣтымъ между рабочими, слѣшу приложить его примѣты: онъ маленькаго роста и косой.

Выписка из дѣла № 95. — Заключение прокурора Одесской Судебной Палаты по дѣлу крестьян Орловской губерніи Дмитровскаго у. с. Обротева и Домахи — Павла Андреева Аниканова, 82 и Трофима Федорова Коншина, 85 л.

Обвиняемые А. и К. состоятъ подъ особымъ надзоромъ полиціи. Въ началѣ января 1895 г. начальникъ Жанд. Упр. города Одессы приступилъ къ производству дознанія по обвиненію крестьянъ А. и Б. въ предусмотрѣнныхъ 245, 251 и 252 ст. Улож. о наказаніяхъ. Поводомъ къ возбужденію этого дознанія послужило слѣдующее обстоятельство: Вольнонаемный трубачъ 8-го Донск. Казачьяго полка, незаконорожденный сынъ одесской мѣщанки Кравченко — Николай Ильшевичъ — 16 лѣтъ, отлучился въ концѣ декабря 1894 г. съ разрѣшенія капельмейстера на нѣсколько часовъ изъ казармы, но ни въ тотъ, ни въ слѣдующіе дни въ полкъ не явился, а 4-го января 1895 г. командиръ полка Максимовъ получилъ по городской почтѣ письмо Ильшевича, въ которомъ послѣдній пишетъ о томъ, что случайно встрѣтился съ неизвѣстнымъ ему господиномъ, оказавшимся социалистомъ, который сталъ проповѣдывать ему о необходимости востребованія правительства, начальниковъ, царя и ввелъ въ свою квартиру, оказавшуюся сборищемъ до 40 злоумышленниковъ и складомъ какихъ то взрывчатыхъ веществъ. Желая обнаружить это преступное сообщество и выдать его властямъ, онъ рѣшился не возвращаться въ полкъ до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ своей цѣли. При этомъ Ильшевичъ просилъ командира полка сообщить ему свое мнѣніе по этому поводу по городской почтѣ, въ главную почтовую контору „до востребованія“.

Означенное письмо было передано командиромъ полка начальнику Жанд. Упр. 4 января 1895 г. и въ тотъ же день Ильшевичъ, разысканный въ одной изъ гостинницъ, былъ доставленъ въ Жанд. Управленіе.

При немъ найдены были: клочекъ бумаги съ выписанными карандашомъ адресами различныхъ лицъ и списокъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ въ русской рѣчи и два стихотворенія — одно „Русскій богъ“, другое безъ заглавія, революціоннаго содержанія. Затѣмъ Ильшевичъ объяснилъ, что 23 дек. 1894 г. онъ встрѣтился на Молдаванкѣ неизвѣстнаго ему человека, оказавшимся апостѣвствіи Троф. Коншинымъ, который завелъ въ трактиръ съ нимъ разговоръ о войнѣ и началствѣ и высказалъ мнѣніе, что слѣдуетъ бить не непріятеля, а начальниковъ, что надо все уничтожить: правительство, господъ, священниковъ и сдѣлать все, какъ во Франціи. Затѣмъ Коншинъ завелъ его домой — оказалось, что онъ живетъ въ артели каменщиковъ, тутъ же онъ далъ Ильшевичу для прочтенія книжку: „Сказка Говоруха“, а когда онъ ее прочиталъ, то и другую книжку „Домбровский“ и нѣсколько стихотвореній революціоннаго содержанія. Коншинъ говорилъ, что пишетъ много такихъ изданій, но они розданы по рукамъ. Въ артели Ильшенко познакомился и съ рабочимъ Аникановымъ. Тутъ онъ пробылъ до 1-го января 1895 г. и затѣмъ убѣдился, что ничего больше узнать не сможетъ, а потому написалъ письмо командиру полка и ушелъ отъ Коншина.

Въ виду заявленія Ильшевича, въ помѣщеніи упомянутой артели былъ произведенъ обыскъ, при чемъ у всѣхъ квартирующихъ тамъ лицъ, кромѣ Коншина и Аниканова, ничего подозрительнаго найдено не было.

У Коншина отобрана для ближайшаго осмотра нѣсколько писемъ и книгъ, а у Аниканова въ сундукѣ найдены двѣ нелегальныя брошюры: „Домбровский“ и „Хитрая Механика“, а также записки, письма и книги. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, указывающихъ на наличность въ данномъ случаѣ признаковъ государственнаго преступленія, было приступлено къ формальному дознанію.

При осмотрѣ найденнаго у Аниканова, кромѣ упомянутыхъ выше двухъ нелегальныхъ брошюръ, оказались: книга „Соціальная боль“ Леонарда, одесское изданіе; „Рабочій вопросъ“ Ланге; тетрадь со стихотворен. „Русскій богъ“; стихотвореніе „Не ждите“, подпис. Павелъ А. Аникановъ; стихотвореніе безъ заглавія крайне революціоннаго содержанія; выписка иностранныхъ словъ, употребленныхъ въ русской рѣчи; на 31 стр. того же словаря написано карандашемъ то же стихотвореніе „Русскій богъ“. У Коншина оказались: „Трудъ и Капиталъ“ Свидерскаго; тетрадь съ адресами различныхъ лицъ; книга журнала „Русскій Вѣст.“ за 1886 г.

Свидѣтель Н.г.к. Ильшевичъ показалъ, что послѣ смерти матери своей Наталіи Кравченко онъ пріѣхалъ изъ Евлаторіи въ Одессу и, не имѣя никакихъ средствъ къ существованію, былъ принятъ въ хоръ музыкантовъ Люблинскаго полка; оттуда онъ перешелъ въ 8-й казачій полкъ, гдѣ и состоялъ до настоящаго времени. 23-го дек. 1894 г. онъ отправился погулять, и на Большой Арнаутской улицѣ у трактира Балашева встрѣтилъ неизвѣстнаго человѣка, оказавшагося Коншинымъ, который предложилъ ему выпить чаю. Въ трактирѣ онъ видѣлъ рабочихъ изъ артели каменщиковъ. Коншинъ сталъ ему говорить о необходимости уничтожить господъ, царя и его семью. Товарищи поддакивали ему и пили водку, но послѣдній не пилъ, объяснивъ это опасеніемъ проболтаться. Просидѣли они въ трактирѣ часовъ до двухъ пополудни, и все время Коншинъ велъ разговоръ на ту же тему. Желая изобличить и выдать какъ Коншина, такъ и его соучастниковъ, онъ принялъ предложеніе послѣдняго отправиться къ нему на квартиру и пришелъ въ домъ Бѣлова, въ помѣщеніе рабочихъ. Тутъ Коншинъ досталъ изъ сундука Аниканова брошюру „Домбровский“ и далъ ему для прочтенія. Пробѣжавъ брошюру, онъ возвратилъ ее Коншину, который досталъ изъ того же сундука другую: „Сказка Говоруха“. Кромѣ того Коншинъ показалъ ему какую то газету лондонскаго изданія, книжку „Соціальная боль“ и „Рабочій вопросъ“, сказавъ, что имѣетъ много такихъ книгъ, но они розданы рабочимъ. Общихъ чтеній этихъ книгъ въ артели не было. Коншинъ много говорилъ, но всего свидѣтель не припомнитъ, но всѣ его рѣчи клонились къ измѣненію существующаго въ Россіи порядка и правительства, и онъ выразилъ предложеніе отправить его, Ильшевича, весной въ Женеву, для того чтобы помочь дѣлу.

Пробывъ въ артели до 1-го января, онъ ушелъ отъ Коншина, ко-

горый стал относиться къ нему съ видимымъ недоверіемъ, и написалъ письмо къ командиру полка. Письмо это было... (неразборчивое слово въ подлинникѣ), онъ дѣйствительно думалъ, что попалъ въ паику социалистовъ и что подъ кроватами ихъ хранятся взрывчатныя вещества. Затѣмъ при вторичномъ допросѣ Ильшевича, когда показаніями свидѣтелей была установлена неточность его объясненій, онъ сдѣлалъ слѣдующія измѣненія: ушелъ онъ изъ полка 23-го дек. и отправился къ знакомой акушеркѣ Добровой, у которой похитилъ маленькіе часы, но къ вечеру явился въ казарму; въ теченіи слѣдующаго дня онъ ходилъ по улицамъ и вечеромъ пришелъ къ знакомой своей Стефановской, у которой также похитилъ столовыя часы и ночевалъ въ ночлежномъ пріютѣ. Рано утромъ 25-го дек. онъ пришелъ въ трактиръ Балашова и тутъ познакомился съ Коншинымъ, у котораго жилъ до 28-го числа. Ночь на 29-е онъ провелъ во дворѣ дома Лемарше, подъ стѣной въ ящикѣ и затѣмъ до 31-го декабря жилъ у знакомаго извозчика Демидова; ночь на 2-ое января 1895 г. ходилъ по улицамъ, гдѣ провелъ слѣдующую ночь — не помнить, а 3-го января пошелъ въ гостиницу Грандъ-Отель, откуда былъ взятъ въ Жандармское Управленіе. Въ остальномъ Ильшевичъ подтвердилъ свое прежнее показаніе, добавивъ, что Коншину онъ назвался фамиліей Кравченко, а не своей настоящей.

Сиротенные по дѣлу свидѣтели дали слѣдующія показанія:

Мѣщанка Наталія Костанда показала, что Ильшевичъ квартировалъ у нея подъ именемъ Качаки (крестный отецъ его) и свидѣтельница *часто замѣчала, что онъ говоритъ неправду.*

Дворянка Э. Стефановская удостовѣрила, что въ началѣ сентября 1894 г. она пріютила у себя мальчика сироту Ильшевича. Скоро онъ попалъ въ хоръ музыкантовъ, но изрѣдка посѣщалъ ее. Въ послѣдній разъ онъ былъ у нея 24-го декабря и послѣ его ухода она замѣтила исчезновеніе столовыхъ часовъ. Будучи убѣждена, что часы похищены имъ, она обратилась въ казачій полкъ, но его тамъ уже не нашли. Свидѣтельница замѣчала въ немъ *наклонность ко лжи, но онъ очень умный и ловкій, а потому поймать его трудно.*

Кр-нъ Василій Демидовъ показалъ, что Ильшевичъ провелъ у него сутки съ 31-го дек. по 1-ое января, послѣ чего ушелъ.

Кр-нъ Макарь Худяковъ, хозяинъ артели, удостовѣрилъ, что Коншинъ привелъ съ собою казака. Казакъ спалъ на одной койкѣ съ Коншинымъ и 26-го декабря ушелъ, такъ какъ оказался неспособнымъ къ работѣ. Аникановъ вошелъ въ артель по рекомендаціи Коншина. Сундукъ его всегда былъ открытъ. Свидѣтель не замѣчалъ, чтобы рабочіе читали книги.

Вас. Питковъ объяснилъ, что Аникановъ погупилъ въ артель въ августѣ 1894 г. До этого времени свидѣтель не видалъ въ артели какихъ либо книгъ, съ приходомъ же Аниканова появились и книги, которыя онъ читалъ вмѣстѣ съ Коншиномъ. 25-го декабря Коншинъ привелъ съ собою какого-то казака; *казакъ читалъ какія-то книги* и ходилъ съ Коншиномъ по трактирамъ. Въ это время свидѣтель слышалъ однажды разговоръ Коншина съ Аникановымъ о казакѣ. Аникановъ говорилъ Коншину о томъ, что надо мальчика отослать

и не надо было его съ толку сбивать, а Коншинъ отвѣчалъ, что это его дѣло и что онъ опредѣлитъ мальчика къ столярной работѣ.

Мих. Потаповъ показалъ, что 25-го дек. въ присутствіи свидѣтеля встрѣтился и познакомился съ казакомъ. Послѣ этого казакъ самъ просилъ Конш. принять его въ артель и послѣдній согласился.

Привлеченные къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ, Коншинъ и Анкановъ виновными себя не признали. Анкановъ объяснилъ, что найденныя книги, брошюры и рукописи получилъ весной 1894 года отъ неизвѣстнаго ему сврея и хранилъ ихъ въ своемъ сундукѣ, никогда не замыкающемъ. Онъ не знаетъ, съ какою цѣлью привелъ Коншинъ съ собою казака. Коншинъ объяснилъ, что случайно встрѣтился съ мальчикомъ, который называлъ себя Кравченко, приютилъ его въ артели; но никакихъ разговоровъ преступнаго содержанія съ нимъ не велъ и не давалъ ему для чтенія запрещенныхъ книгъ.

При допросѣ Коншина, между прочимъ, выяснилось, что онъ часто бывалъ у весьма близкихъ ему Жеребцова и Медвѣдниковыхъ. Вслѣдствіе сего у этихъ лицъ были произведены обыски и затѣмъ они были спрошены, какъ свидѣтели. При обыскѣ у нихъ ничего подозрительнаго не найдено, а на допросахъ они не дали показаній, имѣющихъ значеніе для настоящаго дѣла (затѣмъ идутъ біографическія свѣдѣнія о Коншинѣ и Анкановѣ).

По соображеніи изложенныхъ обстоятельствъ дѣла я нахожу, что хотя Ильшевичъ по своимъ нравственнымъ качествамъ является личностью, внушающею къ себѣ мало довѣрія, тѣмъ не менше его показанія по отношенію къ предмету обвиненія Коншина и Анканова нельзя не признать достоверными. Оно представляется таковымъ по 1) потому, что подтверждено результатомъ обыска и отчасти и показаніемъ свидѣтеля Питкова и во 2) въ виду оказавшихся при Ильшевичѣ двухъ копій стихотвореній преступнаго содержанія и списка иностранныхъ словъ съ подлинниковъ, найденныхъ при обыскѣ у обвиняемыхъ. Тоже въ виду этихъ данныхъ нельзя не признать вполне доказаннымъ какъ фактъ храненія обвиняемыми запрещенныхъ изданій, такъ и передачу оныхъ для прочтенія Ильшевичу (25^л ст.). Храненіе этихъ изданій слѣдуетъ поставить въ вину обоимъ обвиняемымъ, въ виду существовавшихъ между ними близкихъ отношеній, совмѣстнаго жительства и поведенія Коншина во время появленія въ артели Ильшевича, когда онъ, Коншинъ, сталъ распоряжаться сундукомъ Анканова, какъ своею собственностью. — Но независимо отъ изысканія, коему должны быть подвергнуты обвиняемые Коншинъ и Анкановъ за совершенное ими преступное дѣланіе, нельзя не обратить вниманія на то, что обвиняемые являются личностями, въ высшей степени подозрительными, очевидно способными проявить преступную дѣятельность въ будущемъ. — Чернорабочіе, простые каменщики по ремеслу, они видимо интересуются и занимаются вопросами, всѣмъ не свойственными лицамъ этого класса и доказывающими извѣстное опасное направленіе ихъ образа мыслей, которое никогда не слѣдуетъ унискать изъ виду. Поэтому, представлялось бы, по моему мнѣнію, не-

обходимымъ кромѣ взысканій, учредить за ними временныйъ полицейскій надзоръ.

Посему я полагаю бы: 1) Разрѣшить настоящее дѣло въ порядкѣ административномъ; 2) Подвергнуть Коншина и Анканова одиночному заключенію въ одескомъ тюремномъ замкѣ срокомъ на три мѣсяца каждому и 3) По отбытіи сего наказанія подчинить ихъ надзору полиціи на избранномъ ими мѣстѣ жительства срокомъ на одинъ годъ... (Перев. изъ „Лет. Листковъ“ № 21).

Въ *Варшавѣ* 5-го марта произведены были крупныя аресты какъ среди рабочихъ, такъ и среди интеллигенціи. Между прочимъ арестованы: служащій въ банкѣ Помяновскій, желѣзнодорожныя служащіе Бортковскій и Махальскій и сестры Тречинскія. Въ концѣ сентября взяли у себя на квартирѣ Матрашекъ, одно лицо въ кондиторской Зависловскаго и трое на Владимірской улицѣ.

Въ январѣ были аресты въ *Харьковѣ*: Мельниковъ и Буда, служащіе въ управленіи Харьк.-Никол. ж. д., и Басовъ (статистикъ) — обвиняются въ распространеніи запрещенныхъ книгъ. Воропаевъ (студ.-технологъ), Засимовичъ (студ.-медикъ) и многіе другіе обвиняются въ устройствѣ вечеринокъ съ нелегальными цѣлями. Далѣе арестованы: Глузманъ и Нагорновъ (студ.-техн.), Добчинскій и Вогановскій (служ. на Харьк.-Никол. ж. д.). Въ февралѣ арестованы Водолажскій (служ. на Х.-Н. ж. д.), Цигеровичъ, Писарскій и Яшишъ (студ.-техн.), Прянишниковъ (студ.-техн.).

По харьковскому дѣлу арестованы въ январѣ въ *Полтавѣ*: Располовъ, Сергій Мельниковъ и Балабуха (оба послѣдніе служатъ въ земскомъ статистическомъ бюро).

Въ *Кременчугѣ* арестованъ Вас. Никиф. Головкинъ, служащій въ управленіи Харьк.-Никол. ж. д.

Въ *Ковно* въ концѣ сентября арестованы три брата Цатковичи (одинъ — сапожникъ; двое другихъ работаютъ на фабрикѣ Шмита), сапожникъ Маньковичъ и одинъ учитель. Причиной арестовъ былъ доносъ фабриканта, который, кромѣ того, распорядился уволить 20 человекъ изъ своихъ рабочихъ.

Въ *Вильнѣ* приговорены: Блажевскій (столяръ) къ шести годамъ ссылки въ Вост. Сибирь; Миллеръ (слесарь) и Понто (сапожникъ) къ 5 годамъ ссылки въ Архангельскую губ.; Цигеръ (сапожникъ) къ 4 годамъ во внутреннія губ., и Сотовянъ — къ тюремному заключенію на полтора года.

Въ *Киевѣ* неизвестно когда арестовали ученаго химика Щавинскаго, вернушагося недавно изъ заграничи, и продержали въ одиночномъ заключеніи нѣсколько мѣсяцевъ. — Въ кievской же тюрьмѣ были заключены всѣ привлекавшіеся по дѣлу о пропагандѣ среди тульскихъ рабочихъ. Дѣло это было начато въ маѣ 1893 года, по доносу саратовскаго фельдшера Сафонова, и было закончено лишь въ 1895 г. Привлечены были къ отвѣтственности слѣдующія лица: Басовъ (обвинялся въ пропагандѣ среди рабочихъ, просидѣлъ подъ слѣдствіемъ болѣе полугода), Шлихтеръ (бернскій студентъ, обвинялся въ сношеніяхъ съ неблагонадежными людьми заграничей, послѣ года подслѣдственнаго заключенія приговоренъ къ 5 годамъ

ссылки въ восточную Сибирь), Лувшукъ (бернская студентка, просидѣла около года въ тюрьмѣ подѣ слѣдствіемъ), Розановъ (саратовскій фельдшеръ), Сафоновъ (пріятель Розанова, выпущенъ въ началѣ слѣдствія), Трушъ (тульская акушерка), Халевинская (женщина-врачъ, просидѣла мѣсяць подѣ слѣдствіемъ, затѣмъ была выпущена), М. Лаврусевичъ (просидѣлъ два года подѣ слѣдствіемъ), Л. Хинчукъ (бернскій студентъ, обвиняется въ пронагандѣ среди тульскихъ рабочихъ и въ сношеніяхъ съ „неблагонадежными“ людьми во время пребыванія за границей), Р. Хинчукъ (тульская фельдшерица, обвиняется въ пронагандѣ среди рабочихъ), Прокофьевъ тульскій рабочий, обвинялся также въ пронагандѣ, послѣ двухлѣтняго подслѣдственнаго заключенія приговоренъ къ 5 годамъ ссылки въ сѣверныя губерніи). Въ маѣ 1894 года возникло дѣло Павловича (пробылъ годъ подѣ слѣдствіемъ въ тюремномъ заключеніи), Татарова, Рауша, Зданьскаго (просидѣлъ 6 мѣс.), Павловича 2-го (пять мѣс.), Гусева (5 мѣс.), Синова (1 мѣс.), Верзилова (1 мѣс.), Кокорина (2 нед.), Яснопольскаго (3 недѣли), Крыжановскаго (1 мѣс.), Спиготи (нѣсколько дней). Всѣ они обвинялись въ организаціи кружковъ, изданій и распространенія социаль-демокр. литературы. Большинство изъ нихъ — студенты и курсистки. — Въ концѣ 1894 года начато слѣдствіе по дѣлу Козловской и Самойловыхъ, обвиняемыхъ въ революціонныхъ убѣжденіяхъ и распространенія нелегальныхъ изданій. Всѣ привлекавшіеся по этому дѣлу — молодые студенты: С. Самойловъ, А. Самойловъ, Талалаевъ, Милославскій и ученица петербургской консерваторіи Козловская. — Въ апрѣлѣ 1895 года арестована за храненіе и распространеніе революціонныхъ изданій студента Федорченко, Бордичевскій, Звенигородскій, Вайнлудъ. Отмѣтимъ еще арестъ двухъ братьевъ Аносовыхъ, высланныхъ изъ Кіева и отданныхъ на два года подѣ надзоръ полиціи съ воспрещеніемъ жительства въ университетскихъ городахъ. Наказаніе это они понесли за намѣреніе(?) создать кружокъ для распространенія народнаго просвѣщенія(!). Огедъ этихъ „крамольниковъ“, управляющій кіевской конторой государственнаго банка, уволенъ отъ должности за „преступленіе“, которое „намѣревались“ совершить его сыновья. Въ то же время высланы изъ Кіева студенты: Ильашенко, Хворостянскій и Вайнштейнъ. — Черезъ Кіевскую тюрьму прослѣдовали три дѣвушки изъ Одессы (15-17 лѣтъ; фамиліи неизвѣстны), высылаемыя въ Минскую губернію, и рабочий изъ Юзова, Засулчъ, высылаемый въ Піотроковъ за участіе въ юзовскихъ беспорядкахъ. — Въ началѣ 1896 года арестованъ студентъ Романъ Фрейдель.

Въ ночь съ 3-го на 4-е мая арестовали въ Москвѣ В. Я. Мутанова и его жену въ ихъ книжномъ магазинѣ и, продержавъ цѣлый мѣсяць въ тюрьмѣ, выпустили. Въ эту же ночь было арестовано до 60 человекъ. Извѣстны слѣдующія имена: двѣ сестры Акимовы, Аракчеева, Распутинъ, Филатовъ, Егоровъ, И. И. Скворцовъ и Осипинская. Въ ночь съ 9-го на 10-е іюня аресты возобновились. Взятъ: шоссейный инспекторъ московскаго земства А. И. Розановъ, статистикъ Н. К. Кушъ, помощникъ прис. повѣр. М. Мандельштамъ.

студентъ юрьевскаго университета І. Давыдовъ, рабочій Карпузи и юристъ Козловскій.

Лѣтомъ арестованы въ *Екатеринославѣ*: врачъ А. И. Винокуровъ, его жена и Г. Н. Мандельштамъ. Затѣмъ были большіе аресты среди рабочихъ рельсопрокатнаго „Южно-Александровскаго завода“. Среди арестованныхъ были: Авг. Фед. Томъ, Бѣлкинъ (оба семейные), Мазеновъ (20 л.), Смирновъ (18 л.). Недѣли черезъ двѣ были арестованы городскіе рабочіе-ремесленники: Файнъ, Кацъ, братья Сульскіе, Родовъ, Элентукъ, Симонъ, Бляхеръ, Рольникъ и нѣсколько другихъ. Всего было арестовано 16 рабочихъ. Кромѣ того взяты: Метлицкій, 17-лѣтній сынъ мелкаго лавочника и псаломщикъ вокзальной церкви Чулковъ (по слухамъ, умеръ въ тюрьмѣ отъ чахотки) Согласно имѣющимся у насъ свѣдѣніямъ, на Брянск. заводѣ у арестованныхъ рабочихъ найдена была касса для помощи стачечникамъ и бібліотека. Кромѣ того, открыто было существованіе кружковъ ремесленниковъ, типографскихъ рабочихъ и ремесленницъ. — Въ началѣ зимы 95/96 года въ *Екатеринославѣ* арестовано около 100 человекъ, преимущественно рабочихъ; да кромѣ того, многимъ семейнымъ рабочимъ фабриканты и заводчики отказали въ работѣ.

Въ *Николаевѣ* арестованъ въ августѣ Калафати (бывш. студентъ московскаго университета). — Въ *Саратовской* губерніи также въ августѣ бывший студентъ Келлеръ; въ *Рязанской* губерніи — Денисовъ (юристъ).

По поводу послѣднихъ арестовъ въ С.-Петербургѣ.

Движеніе среди петербургскихъ рабочихъ растетъ съ каждымъ годомъ. Послѣ каждаго полицейскаго погрома „революціонная гидра“ снова оживаетъ, и на мѣстѣ отсѣченной головы вырастаютъ двѣ новыя. Такъ въ 1890 году вновь организуется среди рабочихъ небольшой социалъдемократическій кружокъ. Но въ декабрѣ 1891 г. полиція уже производитъ аресты и высылки петербургскихъ рабочихъ; вскорѣ послѣ похоронъ Шелгунова слѣдуютъ новыя аресты и высылки — и революціонное движеніе среди петербургскихъ рабочихъ почти парализовано. Только что усиліями оставшейся интеллигенціи начинаютъ соединяться уцѣлѣвшіе остатки пропагандированныхъ рабочихъ, какъ въ началѣ 1892 года слѣдуетъ новый погромъ, новыя аресты и высылки въ связи съ арестами студентовъ технологическаго института Окумоса, Туриновича, Непокойчицкаго и др. Всѣ результаты прежней пропаганды почти уничтожены. Однако, на сѣнѣ выбившихъ являются новыя силы, возникаетъ и растетъ новая социалъ-демократическая организація.

Безъ денегъ, безъ связей, безъ литературы, при усиленномъ надзорѣ петербургскаго шпіонства, съ одной стороны, и подъ яростными нападками въ легальной литературѣ на марксистовъ г. Михайловскаго и К°, съ другой, молодая организація крѣпнеть, растетъ и формируется. Лучшія силы учащейся интеллигенціи составляютъ ядро этого движенія. Молодые организаторы бодро идутъ впередъ,

преодолявая на своемъ пути всѣ трудности и препятствія и поднимаютъ надъ головою петербургскаго пролетаріата красное знамя соціальной демократіи.

Благодаря ихъ талантамъ и живой энергіи, въ какіе-нибудь два, два съ половиной года устанавливаются прочныя связи съ рабочимъ міромъ, создается рабочая касса, бібліотека, притекаютъ средства, накопляется революціонная соціалъдемократическая литература, наконецъ, организація сознаетъ себя достаточно крѣпкой, чтобы выступить подъ именемъ „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса“. Вскорѣ этотъ союзъ ставитъ себѣ солидную задачу организовать и подготовить стачку на Путиловскомъ заводѣ. Но по мѣрѣ того, какъ дѣятельность этого Союза растетъ, полиція усиливаетъ свое шпионство; когда же Союзъ начинаетъ широкую агитацію среди рабочихъ Путиловскаго завода, пускаетъ въ обращеніе массу летучихъ листовъ, прокламацій и воззваній, которые быстро распространяются среди рабочихъ, полиція двигаетъ на заводъ цѣлыя банды шпионовъ.

Удалось-ли ей вслѣдить дѣйствительныхъ организаторовъ и дѣателей этого Союза, покажетъ намъ будущее, но только передъ Рождествомъ прошлаго года произошелъ первый ночной набѣгъ царскихъ янычаръ; были арестованы: присяжный повѣр. Ульяновъ, инженеръ-технологіи Манченко, Старковъ, Кржижановскій, студенты технолог. института Запорожецъ, Ванѣвъ, Гуляницкій, Шать, нѣкая г-жа Сибинева и Сибирская, студентъ университета Романенко, врачъ Быковскій, Агринская, чиновникъ комиссіи погашенія гос. долговъ Лепешинскій, чиновникъ Ергинъ, химикъ Нагоровъ и рабочіе: Кайзеръ съ женой, Антушевскій, Яковлевъ, Меркуловъ, Шелгуновъ, Зиновьевъ, Акимовъ, Карамышевъ, Полетаевъ.

Однако, этотъ погромъ не разбилъ Союза. Тотчасъ же послѣ него подвѣляется воззваніе „ко всѣмъ петербургскимъ папиросницамъ“, написанное по поводу циркуляра фабричной инспекціи. Массовые обыски и аресты среди рабочихъ, конечно, должны были обратить на себя вниманіе послѣднихъ. Появившееся воззваніе быстро и широко распространилось среди не однихъ только папиросницъ, но и рабочихъ другихъ фабрикъ. По улицамъ С.-Петербурга носятъ цѣлыя стаи шпионовъ, и въ началѣ января происходитъ второй ночной набѣгъ; арестована масса рабочихъ и интеллигентовъ; здѣсь назовемъ студентовъ мед.: Никитина, Богораза, Тахтарева; бывш. студента Цедербаума, врача Ляховскаго, инженера Богатырева и рабочихъ: Бабушкина, двухъ Лебедевыхъ, Львова и др. Кромѣ того арестовали студентовъ технолог. института Малишевскаго, Иванова, Бонамарева, Муромова, инженера и фабричнаго инспектора Названова. За этотъ короткій промежутокъ времени всего было арестовано свыше 80 человекъ. Петербургская революціонная интеллигенція вздрогнула, на многихъ напалъ паническій страхъ. Но этотъ же вторичный погромъ еще сильнѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе петербургскихъ рабочихъ. Слухи объ арестахъ быстро разнеслись по всему рабочему Петербургу. „За что? За какія такія дѣла?“ — вотъ обычные вопросы рабочихъ на злобу дня. Совершенно нетронутые пропагандой рабочіе, такъ ска-

затѣ, въ своей массѣ начинаютъ зорко всматриваться въ событія послѣднихъ дней и чутко прислушиваться ко всякому слову, сказанному по этому поводу. Союзъ выпускаетъ въ это напряженное время новую прокламацію, которая нарасхватъ читается рабочими. Полиція напрягаетъ всѣ свои силы, но на встрѣчу ей зашевелились, наконецъ, рабочія массы, и она волей неволей чувствуетъ передъ ними свое безсиліе. Съ бѣшенствомъ разсвирѣпѣшаго скота она набрасывается на всякаго мало-мальски подозрительнаго субъекта, хватается и бросаетъ въ тюрьму и, наконецъ, вызываетъ къ посторонней помощи. Такъ, Мин. Внутр. Дѣлъ, по соглашенію съ Деп. Мануф. и Торговли, разсылаетъ циркуляръ всѣмъ петербургскимъ фабрикантамъ и заводчикамъ, въ которомъ предписывается послѣднимъ зорко и неукоснительно слѣдить за рабочими и, какъ только замѣтятъ броженіе среди послѣднихъ, „тотчасъ же по телефону или съ нарочнымъ сообщать фабричной инспекціи, дабы предпринять надлежащія противъ сего мѣры“.

Такимъ образомъ, фабричная инспекція превращена въ какое-то шпионское бюро. Не знаменіе-ли это времени? Не есть-ли это признакъ приближенія предсмертной агоніи русскаго абсолютизма?

Намъ сообщаютъ, что въ прошломъ году въ Россіи издано сравнительно много книжекъ, имѣющихъ въ виду читателя изъ рабочей среды, выясняющихъ его положеніе. Конечно, при существующихъ въ Россіи политическихъ условіяхъ такіа книжки приходится писать, печатать и раздавать подальше отъ зоркихъ глазъ полиціи.

Перечислимъ здѣсь нѣкоторыя изъ этихъ изданій:

1. О стачкахъ, съ приложеніемъ исторіи пяти стачекъ.
2. Рабочій день.
3. Рѣчь на 1-ое мая 1895 года.
4. Матеріалы и подробности о ходѣ стачекъ въ Петербургѣ Москвѣ и др.
5. Передѣлка Хитрой Механики (вышло нѣсколько изданій).
6. Рабочій день (заграничное изданіе, переиздано въ Россіи).
7. Рѣчи петербургскихъ рабочихъ (переиздано).
8. Царь-голодъ (переиздано).
9. Ткачи, драма Гауптмана, перев. съ нѣмецкаго.
10. Популярное изложеніе теоріи Маркса.
11. Первое мая, переводъ съ польскаго.
12. Что такое социалистъ и политическій преступникъ?
13. О штрафахъ.

По поводу бывшихъ въ разныхъ мѣстахъ стачекъ издано много прокламацій и воззваній. Упомянемъ здѣсь о трехъ прокламаціяхъ по поводу стачки на фабрикѣ Торнтонъ, о прокламаціи по поводу стачки на табачной фабрикѣ Лафермъ, а также декабрьскихъ арестовъ въ Петербургѣ. Затѣмъ, въ Петербургѣ же обратило на себя вниманіе воззваніе, обращенное къ папиросницамъ, и другое, къ рабочимъ адмиралтейства. Мы надѣемся, что скоро будемъ въ состояніи опубликовать наиболѣе интересныя изъ этихъ документовъ.

Адрессъ московскихъ рабочихъ рабочимъ Франціи.

Въ памятный для мыслящаго пролетаріата всѣхъ странъ день 25-тилѣтія провозглашенія Парижской Коммуны московскіе рабочіе шлютъ сердечный привѣтъ своимъ старшимъ братьямъ, рабочимъ Франціи. Съ именемъ Франціи тѣснѣйшимъ образомъ связаны всѣ могучіе общественные перевороты новѣйшей міровой исторіи. Это и понятно. Нѣтъ другой страны въ исторіи, которой борьба классовъ выражалась бы всегда въ такихъ рѣзкихъ рельефныхъ чертахъ, гдѣ бы и антагонизмъ между пролетаріатомъ и буржуазіей принималъ такой обостренный оборотъ, какъ въ ней. Парижъ справедливо можетъ быть названъ „матерью городовъ революціи“. Но ни великая революція 1879 года, разрушившая феодальный міръ и создавшая на его мѣстѣ буржуазный, ни февральская 1848 г., столь богатая своими послѣдствіями для всей Западной Европы не оказали вліянія на крѣпостную Россію съ ея крѣпостническимъ режимомъ. Болѣе того. На долю Россіи, вѣрнѣе ея правительства, выпала незавидная роль палача въ западно-европейской революціи. И Коммуна 1871 года, удивившая геройствомъ весь міръ, вызвавшая сочувствіе пролетаріата всѣхъ странъ, тѣмъ менѣе могла отразиться въ Россіи, только что вступившей на путь капиталистическаго развитія, что пролетаріатъ другихъ европейскихъ странъ, развитыхъ капиталистически, былъ еще слабъ, да и во Франціи Парижъ стоялъ одинокимъ. „Нѣтъ страны, заявилъ въ 1893 году Энгельсъ, нѣтъ такого великаго государства, гдѣ бы социаль-демократія

не была силой, съ которой всё должны считаться. Все, что совершается во всемъ великомъ мірѣ, совершается при нашемъ участіи. Мы — могучая сила, которой нужно бояться, отъ которой зависить больше, чѣмъ отъ всѣхъ другихъ могучихъ силъ“. — И Россія съ 1861 года все больше и больше вступаетъ въ кругъ европейскихъ странъ. Подъ могучимъ напоромъ капитализма трещать и разрушаются въ ней всѣ ея „вѣковые“ устои. Буржуазія съ каждымъ днемъ становится все сильнѣе и сильнѣе, съ ней теперь считается абсолютизмъ, осипающій ее обильнымъ дождемъ привилегій. Послѣднія вмѣстѣ съ примѣненіемъ новѣйшихъ усовершенствованій дѣлаютъ особенно болѣзненнымъ непосредственный переходъ отъ натурального хозяйства къ капитализму. Антагонизмъ классовъ становится, поэтому, все болѣе и болѣе явственнымъ, пролетаріатъ проникается все болѣе и болѣе классовымъ самосознаніемъ. Многочисленныя стачки въ различныхъ мѣстахъ Имперіи, ставшія почти непрерывными, стачки, которыхъ русское правительство не въ состояніи ни скрыть отъ общества, ни подавить силою оружія, являются лучшимъ доказательствомъ пробужденія молодого русскаго пролетаріата. Изъ рядовъ его каждый день вырываются безпощаднымъ деспотизмомъ лучшіе борцы, и за последнее пятилѣтіе русскій рабочій классъ насчитываетъ не одну сотню жертвъ. Но ничто не въ силахъ остановить разъ начавшееся движеніе. Русскіе рабочіе, поднявши старое революціонное знамя, обогренное кровью столькихъ мучениковъ изъ ихъ среды и среды интеллигенціи, вооружившись идеями научнаго социализма, стали

подъ общее красное знамя пролетаріата всего міра. Они горды сознаниемъ, что передовой бастионъ европейской реакціи, который предстоитъ взять пролетаріату всѣхъ странъ — царизмъ — долженъ быть ими разрушенъ, что послѣдній оплотъ буржуазнаго господства, безъ уничтоженія котораго не мыслима побѣда всего пролетаріата, долженъ быть ими свергнутъ.

Пусть рабочіе Франціи будутъ увѣрены, что въ тотъ моментъ, когда призывъ революціи раздастся со стороны рабочихъ Запада, русскіе рабочіе откликнутся, чтобы принести имъ посильную помощь.

Мы питаемъ надежду, что не далека та мнута, когда будутъ разорваны оковы абсолютизма и русскій пролетаріатъ сможетъ открыто выступить на арену всемірной исторіи.

Да здравствуетъ рабочая революція, славной предвѣстницей которой была Коммуна 1871 года.

Да здравствуютъ рабочіе Франціи, впервые выступившіе въ исторіи какъ самостоятельный классъ за свои собственные интересы въ 1831 году, защищавшіе ихъ геройски на баррикадахъ въ іюнь 1848 года, явившіеся могучими пионерами новаго общества 18-го марта 1871 г.

Отъ 605 рабочихъ 28 фабрикъ и заводовъ).*

Москва, 29 февраля 1896 года.

Къ этому адресу было приложено слѣдующее письмо къ Полю Лафаргу.

*) По увѣреніямъ московскихъ товарищей, число подписей могло быть удвоено, если бы не необходимость снѣшить съ отправкой адреса.
Ред.

Прилагая при настоящемъ письмѣ адресъ отъ имени московскихъ рабочихъ, мы надѣемся, что нашъ слабый голосъ не потеряется среди многочисленныхъ привѣтствій другихъ странъ. Не забывайте, что сравнительно недавно родилось рабочее движеніе въ Москвѣ и что собирать подписи приходилось при исключительныхъ даже для Россіи условіяхъ: близость коронаціи поставила Москву въ осадное положеніе.

.....*)
Ясно, какому риску мы должны были подвергнуться, если бы захотѣли увеличить число подписей. Намъ кажется, что число ихъ не имѣетъ большого значенія для французскихъ рабочихъ; мы желали бы только выразить имъ чувство нашей солидарности, и мы будемъ счастливы, если эта наша цѣль будетъ достигнута.

Мы посылаемъ 50 руб. съ просьбой возложить на могилы героевъ Коммуны вѣнокъ „отъ имени московскихъ рабочихъ“.

Просимъ извѣстить насъ о полученіи настоящаго письма.

Адресъ петербургскихъ рабочихъ.

ФРАНЦУЗСКИМЪ РАБОЧИМЪ!

Заунывная пѣснь русскаго крестьянина давно долетѣла до слуха европейскихъ народовъ. А буржуазная Франція, братавшаяся съ царскимъ правительствомъ, оповѣстила весь міръ о побѣдномъ шествіи русской буржуазіи. Пусть же въ приснопамятный день 18-го марта въ 25-тилѣтнюю годовщину дня, дорогого для социалистовъ всѣхъ странъ, далекій голосъ Россіи, задыхаю-

*) Пропущено по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.
Ред.

щейся подъ ярмомъ деспотизма, Россіи пролетарской донесется до пролетаріата Франціи. Пусть знаетъ французскій рабочий, что за затворами царской тюрьмы бьется въ тискахъ свободолюбивая мысль русскаго пролетарія.

Русскій пролетаріатъ начинаетъ свое движеніе при исключительно тяжелыхъ условіяхъ. Надъ нимъ тяготеетъ капиталъ, къ услугамъ котораго всё средства полицейскаго государства, его давитъ абсолютизмъ, вооруженный всѣмъ усовершенствованіями конца XIX в., абсолютизмъ, братски протягивающій руку русской буржуазіи. Русскому пролетаріату приходится мѣрять свои успѣхи числомъ братьевъ, павшихъ въ бою. Истекшій годъ безпримѣренъ въ лѣтописяхъ русской исторіи по количеству стачекъ и другихъ проявленій классовой борьбы, безпримѣренъ онъ также и по числу жертвъ, понесенныхъ русской соціалъ-демократіей.

Оглянувшись назадъ, мы смѣло можемъ заявить нашимъ товарищамъ Франціи, что русскому рабочему движенію положено прочное основаніе, и никакая сила въ мірѣ не въ состояніи задержать ея поступательнаго хода. Не даромъ русскій царь торопится опубликовать свою „величайшую благодарность“ войскамъ за избіеніе безоружныхъ рабочихъ во время ярославской стачки 1895 года. Не даромъ русскій министръ финансовъ издаетъ циркуляры, свидѣтельствующіе о той тревогѣ, которую подняли въ русскомъ правительствѣ „козни злоумышленниковъ, подстрекающихъ рабочихъ“.

Царизмъ чувствуетъ, что его врагъ растетъ не по днямъ,

а по часамъ, что этотъ врагъ его — не безсильный либерализмъ русскихъ образованныхъ классовъ, а поднимающаяся волна социаль-демократическаго движенія. Русскій рабочій людъ, стоящій подъ знаменемъ научнаго социализма, спокойно смотритъ въ будущее, увѣренный въ своей конечной побѣдѣ. Онъ съ полнымъ правомъ можетъ повторить любимую фразу одного изъ предтечъ русскаго социаль-демократическаго движенія: „будь что будетъ, а на нашей улицѣ будетъ праздникъ“. А первымъ праздникомъ русскаго рабочаго класса будетъ паденіе абсолютизма.

И тогда исполнятся слова одного изъ мучениковъ русскаго движенія, сказанныя имъ еще въ 1877 году. Онъ говорилъ, что настанетъ, наконецъ, день и „подыметъ мускулистая рука милліоновъ рабочаго люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ“.

Русскіе рабочіе шлютъ горячій привѣтъ своимъ французскимъ братьямъ. Пусть въ годовщину того дня, когда пробита французскимъ пролетаріатомъ первая брешь въ твердыню буржуазнаго міра, положено будетъ основаніе болѣе дѣятельнымъ сношеніямъ пролетаріата обѣихъ странъ. Пусть они вспомнятъ завѣтъ своего великаго учителя: „пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!“

Да здравствуетъ французскій пролетаріатъ, да здравствуетъ французская революція!

Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса.

С.-Петербургъ, 3(15) марта 1896 года.

СОЮЗЪ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ.

Товарищи!

Знакомя васъ ниже съ извлеченіемъ изъ устава нашего Союза, мы не думаемъ вамъ долго доказывать, что соціалъдемократическое движеніе въ Россіи является насущной исторической необходимостью. Мы только напоминаемъ вамъ объ этомъ.

Мистическія вѣрованія въ пресловутую „самобытность“ Россіи потеряли всякое право на существованіе. Безпримѣрное развитіе русскаго капитализма и растущая пролетаризація трудящихся массъ населенія громко протестуютъ противъ всякихъ сомнѣній въ разумности соціалъдемократической агитаціи и пропаганды въ нашемъ отечествѣ. Оригинальная и переводная литература, которой мы обязаны группѣ „Освобожденія Труда“, даетъ русскимъ революціонерамъ могучее оружіе научнаго социализма.

Русскій пролетаріатъ зашевелился: онъ жадно стремится къ свѣту, къ знанію, къ свободѣ. На служеніе русскому пролетаріату мы и зовемъ всѣхъ тѣхъ, которые любятъ Россію и уважаютъ въ себѣ человѣческое достоинство. Мы зовемъ ихъ на борьбу съ тѣми гнусными порядками, которыми царизмъ, въ лицѣ Николая II, обѣщаль еще долго позорить нашу родину. Мы зовемъ ихъ подъ побѣдоносное знамя пролетаріата, который одинъ только въ силахъ смыть съ Россіи этотъ позоръ и положить конецъ народнымъ страданіямъ.

Да здравствуетъ русскій пролетаріатъ!

Да здравствуетъ русская соціалъдемократія!

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ УСТАВА СОЮЗА РУССКИХЪ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТОВЪ.

§ 1. „С. Р. С.“ стоитъ на почвѣ международнаго научнаго социализма и вполнѣ раздѣляетъ основныя взгляды группы „Освобожденія Труда“ какъ на капиталистическое развитіе современной Россіи, такъ и на вытекающія изъ этого факта ближайшія задачи русскихъ социалистовъ-революціонеровъ. Держась неуклонно того демократическаго принципа, что ОСВОБОЖДЕНІЕ РАБОЧАГО КЛАССА — какъ отъ самодержавія, такъ и отъ рабства во всѣхъ его видахъ — ДОЛЖНО БЫТЬ ДѢЛОМЪ САМИХЪ РАБОЧИХЪ, Союзъ ставитъ себѣ главною цѣлью — „выработку элементовъ для организаціи русской рабочей социальдемократической партіи“, которая, въ моментъ рѣшительной схватки русскаго народа съ царизмомъ, сумѣла бы стать во главѣ революціоннаго движенія съ цѣлью направить его къ возможно большей выгодѣ эксплуатируемыхъ классовъ населенія.

§ 2. Для достиженія этой цѣли „С. Р. С.“:

- a) издаетъ и доставляетъ въ Россію революціонную литературу;
- b) заводитъ связи и поддерживаетъ сношенія съ товарищами и революціонными организаціями внутри Россіи;
- c) старается путемъ пропаганды о привлеченіи новыхъ приверженцевъ, въ особенности же активныхъ товарищей;
- d) заботятся объ изысканіи средствъ, необходимыхъ для достиженія преслѣдуемыхъ цѣлей.

§ 8. Кассиръ получаетъ отъ членовъ собранныя деньги, выдаетъ секретарю по его требованію деньги на веденіе дѣлъ организаціи, ведетъ записъ приходу и расходу, и къ 1-му числу cadaго мѣсяца доставляетъ комитету отчетъ о состояніи кассы.

Примѣчаніе. Отчеты эти должны быть напечатаны въ ближайшемъ изданіи Союза.

§ 11. Всѣ поступившіе въ комитетъ запросы, рукописи, матеріалы, — вообще все, относящееся къ литературной дѣятельности Союза, комитетъ предоставляетъ въ распоряженіе и на усмотрѣніе „Г. О. Т.“, на которую исключительно и возлагается выполнение литературныхъ задачъ и редакція изданій Союза.

Комитетъ.

Адресъ для корреспонденціи:
Mr. Ed. Bernstein, 29 Red Lion Square Holborn, W. C.
London, для передачи В. И. Засуличъ.

Стъ Группы „Освобожденіе Труда“.

Съ марта прошлаго (1895) года завѣдываніе нашей типографіей и поступающими въ пользу изданій средствами перешло къ основанному по нашей инициативѣ „Союзу русскихъ социальдемократовъ“.

Доводя объ этомъ до свѣдѣнія сочувствующихъ ея дѣлу читателей, группа „О. Т.“ считаетъ нужнымъ опубликовать здѣсь нѣкоторыя статьи своихъ доходовъ и расходовъ.

Въ кассу группы „О. Т.“, съ января 1894 г. до послѣдняго времени, поступили слѣдующія пожертвованія*).

*) Сюда не входятъ пожертвованія, сдѣланныя не въ пользу изданій, каковы: 40 и 15 фр. изъ Б., нѣсколько разъ по 25 фр. изъ Америки, „на специально благородную цѣль“ 38 фр. 50 с., 76 ф. и два раза по 90 ф. и т. д. Кромѣ того 18 ф., полученныя на изданіе брошюры Шиннеля о рабочихъ союзахъ будутъ возвращены, т. е. брошюра напечатана не будетъ. Группа извѣщаетъ, что отъ „Бочка“ деньги не получены.

Отъ Нью-йоркскихъ товарищей въ январѣ 1894 г.	379 фр.
” ” ” ” ” февралѣ 1895 г.	379 фр.
отъ нихъ же въ началѣ текущаго года	506 фр.
Изъ Нью-Йорка, съ бала, даннаго всѣми русскими революционными фракціями	106 фр.
отъ Ante-Treaty conference	318 фр.
Итого	<u>1685 фр.</u>

Изъ этихъ суммъ группа израсходовала въ теченіе 1894 и начала 1895 гг. на содержаніе типографіи, наборъ, печать, экспедицію и другія надобности 600 съ лишнимъ фр. и 1025 фр. переданы ея администраціи „Союза“.

Группа „Освобожденіе Труда“.

Отчетъ кассира „Союза русскихъ социальдемократовъ“ съ 1 марта 1895 г. по 1 марта 1896 г.

Получено отъ группы „О. Т.“	1025 фр. — сантим.
Отъ Е. изъ В. 100 руб.	271 ” — ”
Отъ него же на специальное изданіе 100 и 50 руб.	406 ” — ”
Отъ Е. изъ Берлина 7 мар. 85 пф.	10 ” — ”
Отъ Шуры 100 руб. (безъ 55 фр.)	216 ” — ”
За литературу	32 ” — ”
За литературу изъ Россіи 75 и 11 фр.	86 ” — ”
За армянина	10 ” — ”
хуз	13 ” — ”
На вѣнокъ Энгельсу	17 ” — ”
Отъ Львенка 10 фр. и 2 фр.	12 ” — ”
Съ реферата Плеханова въ Цюрихѣ*)	90 ” — ”
Отъ Д. черезъ А.	10 ” — ”
Отъ Демова чрезъ Хохлика 50 руб.	134 ” — ”
За литературу черезъ Б.	40 ” — ”
Отъ Е. черезъ Г.	13 ” 50 ”
По листкамъ*)	189 ” 60 ”
Итого	<u>2600 ” 10 ”</u>

280 фр. на специальное изданіе получены.

*) Комитетъ, приславшій эти деньги, просить заявить, что на этомъ же рефератѣ собрано 46 фр. въ пользу ссыльныхъ.

Изъ этихъ суммъ Союзъ израсходовалъ:

На уплату части долговъ по счетамъ гр. „О. Т.“	168	фр.	30	сант.
Расходы секретаря	61	"	—	"
Пересылка книгъ и почтовые расходы	97	"	—	"
Расходы по типографіи и прочіе расходы	1282	"	40	"
Вѣнокъ Энгельсу	67	"	—	"
Конспиративные расходы	75	"	—	"
Итого	1752	"	35	"
Остается	822	"	—	"

Листокъ № 2. — В. 1 мар. На издание брошюры для рабочихъ 20 мар. Итого 21 мар.	26	фр.	50	с.
Листокъ № 3. — X. 1 ф., Деля 1 ф., X. 5 ф.	7	"	—	"
Листокъ № 5. — F. (x, y) 1 ф., NN. 2 ф., F-e 1 ф. Чтобы Ник. П. не гов. и т. д. 50 с. Чтобы овесъ росъ по Гегелю 50 с.	5	"	—	"
Листокъ № 6. — X. 10 ф. Y. 6 ф. K. 5 ф.	21	"	—	"
Листокъ № 8. — X. и Y. по 3 ф., Z. 2 ф., Неизв., альфа, бета и омега по 1 ф.	12	"	—	"
Листокъ № 6/II — O. 10 ф., X. 2 ф., 3. 4. Z., B. и L. по 1 ф.	17	"	—	"
Листокъ № 7/II — H SO ⁴ , H ² SO ³ , H ² SO ⁷ , H ² S ² O ⁵ , H ² S, HOCl, N., и N. по 1 ф., HO ² Cl и N. по 50 с.	9	"	—	"
Листокъ № 9/II — K. B. и Г. Г. по 1 мар., A., X., x., K., Kъ, B., П. и N. по 50 пф., M. 30 пф., на издание 1 мар. 25 пф.	9	"	—	"
Листокъ № 9 — Сочувств. литовець и отъ далекой сибир. по 5 гульд., Незабв. нам. Ал. Ш. 4 г., синьора безъ руля, Н. П. Шмидтъ и „за здравіе стараго хрыча“ по 3 гульд., Signora и „за здравіе молодой партіи“ по 2 г., N. 1,50 г., Н. П. Шмидтъ 1,45 г. В. Н. 1,25 г., Windischgrätz, Madeysky mit Nichte, сочувств., Кемем. и Мур. по 1 г., „еще за здравіе молод. партіи“ 90 кр., S., Недобыт. з Украинье, Brounsart., отставной мин. по 50 к., отъ Кит. 65 к. и Brounsart 25 кр.	83	"	10	"
Итого	189	фр.	60	с.

Отчетъ по сборамъ для изданія брошюры Г. Плеханова въ отвѣтъ на статьи Н. К. Михайловскаго о русскихъ марксистахъ).*

По листкамъ:

№ 7. — О., III., П. и I. по 1 фр. — 4 фр. № 9. Oxydyle. X, M., VZ., DP., P., C⁸, Meningo., par compression, Hydroxyle, crescendo, M.K.M., K., SO¹. 3r. SN., Kazak., C.3., Мелк., Мор., Т.Р.Р. Ф. и А. по 1 ф., С.А. 5 ф., „хорошая дѣвушка“ и РР. по 50 сант. — 29 ф. № 25. — Р. 1 ф. № 26. — С. З. 2 ф., изъ Россіи чрезъ Г-а 130 ф., изъ Питера чрезъ М. 130 ф., N. 3 ф. — 265 ф. № 27. — Боя., Ст. П-въ, Бычевой, Вл. Дмитровъ по 2 фр., Р., Брынковъ, Сотировъ, Марта Караг. по 1 фр. — 3 фр. № 30. — Б. и Ер. по 2 ф. — 4 фр. № Е. 3 ф. австрійецъ и Войновъ по 2 ф., Распоповъ, Милановъ, отъ „другихъ“, старшая и Иван. по 1 ф. — 12 ф. № 32. — Отъ Фрибургитѣ другари 2 фр. № 50. — Л-а, W., Младшая, Дочевъ и Хт. по 50 сант. Owen 70 сант. — 3 фр. 20 сант.

Всего собрано по листкамъ: 333 фр. 20 с.

Грузинъ 20 и 5 ф. — М. 10 ф. — Отъ В. черезъ Б-да (50 м.) 61,50 ф. — Т. 8,50 ф. — Б. 5 ф. — Ч. 20 ф. — X. 3,50 ф. — Изъ Ліона 33 ф. — Неизв. 10 и 38 ф. — Черезъ Г. 10 и 20 ф. — Черезъ Аксельрода 158 ф. — Отъ Лампы 65 ф. — Отъ Борисова 50 ф. — Изъ Вѣны на новый годъ 14,85 гульд., треть стараго долга 6 гульд., а всего 42,85 ф. — Передано въ Морнѣ изъ Цюриха (50 руб.) 135 ф. Всего 695 ф. 35 сант.

Общая сунма сборовъ 1028 ф. 55 сант.

*) Печатаніе этой книги, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, замедлилось, и теперь пока еще не можетъ быть указано время ея выхода. — Поэтому администрація Союза предлагаетъ лицамъ, сдѣлавшимъ взносы на ея изданіе и недовольнымъ этой неожиданной отсрочкой, взять назадъ ихъ пожертвованія или указать для нихъ другое назначеніе.

Насъ просить опубликовать слѣдующій отчетъ:

Получено

400 р. — к.

Израсходовано на изданіе брошюры:

„Рабочая революція“ (2000 экз.) 39 р. — к.

„Брюссельскій конгр.“ (000 экз.) 38 р. 85 к.

„Что долженъ знать и помнить каж-

дый рабочий“ (3000 экз.) 81 р. 05 к.

Передано на специальное изданіе 100 р. — к.

Уплатено за литературу въ Россіи 20 р. — к.

За переписку рукописи и проч. 4 р. — к.

Итого 282 р. 90 к.

282 р. 90 к.

Осталось

117 р. 10 к.

ИЗДАНИЯ РУССКИХЪ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТОВЪ

I. Библиотека Современнаго Соціализма

ПЕРВАЯ СЕРІЯ:

1. Соціализмъ и Политическая борьба. — *Г. Плеханова*. (Разошлось) - - - - - 75 с.
2. Развитие научнаго соціализма. — *Фридриха Энгельса*. (2-ое изданіе) - - - - - 1 ф. 25 с.
3. Наши разногласія — *Г. Плеханова* - - - - - 5 ф.
4. Рѣчь о свободѣ торговли — *Карла Маркса*. - - - - - 30 с.
5. Нищета философіи — *Карла Маркса* - - - - - 3 ф. 75 с.
6. Фердинандъ Лассаль — *Г. Плеханова*. - - - - - 1 ф. 25 с.
7. Чего хотятъ соціаль-демократы? (Разошлось) - - - 1 ф. 25 с.
8. Очеркъ Исторіи Международнаго Общества Рабочихъ *В. И. Засуличъ*. (Разошлось) - - - - - 1 ф. 85 с.
9. Новый Защитникъ Самодержавія или Горе г. Тихомирова — *Г. Плеханова* - - - - - 1 ф. 25 с.
10. Задачи Соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи — *Г. Плеханова*. - - - - - 1 ф.

ВТОРАЯ СЕРІЯ:

1. Людвигъ Фейербахъ. — *Фр. Энгельса* - - - - - 1 ф. 50 с.
2. Фридрихъ Энгельсъ о Россіи - - - - - 1 ф.

II. Рабочая Библиотека:

1. Рабочее движеніе и соціальная демократія. — *П. Аксельрода*. (Почти разошлось). - - - - - 1 ф. 85 с.
2. Кто чѣмъ живетъ? — *С. Дикштейна*. (Разошлось) - - - 75 с.
3. Рѣчь П. А. Алексѣева. - - - - - 15 с.
4. Варленъ передъ судомъ исправительной полиціи. — *В. И. Засуличъ*. - - - - - 15 с.
5. Ежегодный всемірный праздникъ рабочихъ. — *Г. Плеханова*. - - - - - 15 с.